

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – Х. М. ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Нина Емузова
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

5. 2018 СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ

«БЕРЕЧЬ ЕДИНСТВО, ЖИТЬ МУДРО И СЧАСТЛИВО...»

Хаути Сохроков

20 сентября, в День адыгов, в Нальчике прошел XII Конгресс Международной Черкесской Ассоциации. Основные задачи, которые всегда ставила перед собой Международная Черкесская Ассоциация, – объединение и координация деятельности черкесских общественных объединений – членов МЧА, содействующих возрождению и развитию культурного и духовного наследия адыгского народа, сохранению его национальной самобытности, созданию условий для расширения связей черкесской диаспоры с исторической родиной, укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных и иных конфликтов. На конгрессе присутствовали делегаты – представители адыгов, живущих в Европе, Сирии, Иордании, Турции, а также в других странах и регионах нашей страны.

Одним из вопросов форума было избрание президента МЧА. На новый срок подавляющим большинством голосов был избран Хаути Сохроков.

**Отчетный доклад Президента МЧА Х. Сохрокова
на XII Конгрессе Международной Черкесской Ассоциации
г. Нальчик, 19 сентября 2018 года**

Уважаемые делегаты Конгресса, гости, дорогие коллеги!

Сегодня в работе нашего форума принимают участие представители федерального центра, нескольких субъектов Российской Федерации, делегаты, руководители и активисты, авторитетные лидеры национальных объединений семи стран. Хочу поблагодарить всех, особенно зарубежных братьев и сестер, преодолевших большие расстояния ради этой встречи на исторической родине.

Со дня создания МЧА прошло более четверти века, однако она и сегодня является единственной международной общественной организацией, выражающей интересы черкесов (адыгов) России и зарубежья. И на каждом этапе деятельность организации была направлена на решение проблем, стоящих перед народом, на укрепление связей между всеми диаспорами, где бы они ни проживали.

Сегодня мы, участники Конгресса, можем с гордостью заявить, что высок авторитет Ассоциации как востребованной международной общественной структуры. Она стала площадкой, объединяющей основные адыгские (черкесские) организации, действующие во всем мире. Особый интерес к деятельности МЧА сам по себе показывает, насколько вырос ее авторитет и насколько она нужна на мировой арене. В нашей работе мы осознанно служим адыгскому (черкесскому) народу, обществу в целом, учитывая интересы стран проживания соотечественников. Это результат последовательной работы и предыдущих и действующих составов Исполкома и Совета МЧА.

Говоря о проделанной работе за последние годы, следует с благодарностью отметить деятельность МЧА, осуществленную в тесном сотрудничестве с государственными структурами, национальными культурными центрами, молодежными объединениями, образовательными учреждениями. Благодаря этой работе Ассоциация приобрела богатый опыт в работе с Россотрудничеством, Федеральным Агентством по делам национальностей, с Фондом поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, с Общественной палатой КБР, черкесскими благотворительными

*Одним из выступающих
был знаменитый адыгский
писатель Исхак Машибаи*

обществами в Турции, Сирии, Иордании, Европе, США (шт. Калифорния, шт. Нью-Джерси), Израиле. В настоящее время руководство МЧА является членом Комиссии по мониторингу и разрешению конфликтных

ситуаций в сфере межнациональных отношений Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, членом Общественного совета Северо-Кавказского федерального округа.

Исполкомом МЧА вместе с соответствующими правительственными подразделениями были организованы и проведены встречи руководства КБР с черкесской диаспорой Иордании, Сирии и Турции, на которых обсуждались вопросы экономического и культурного взаимодействия сторон.

Стало доброй традицией присутствие на заседаниях Исполкома МЧА представителей заинтересованных ведомств республиканского, регионального и федерального уровней. К примеру, в 2017 году заместитель руководителя Федерального Агентства по делам национальностей А. В. Меженко и главный советник Департамента национальной политики Управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации В. Е. Мартынов приняли участие в работе Исполкома МЧА, где были затронуты наиболее важные стороны консолидации черкесских объединений, в целях его гармоничного развития на основе этнического и культурного разнообразия Российской Федерации.

В апреле 2017 года руководство МЧА приняло участие во встречах С. В. Лаврова с представителями российских некоммерческих организаций.

МЧА приняла участие в Первом съезде Ассамблеи народов Евразии, состоявшемся 27–29 мая 2017 года в Москве, где наряду с представителями регионов России участвовали и делегаты из 60 стран.

На протяжении отчетного периода руководство МЧА участвовало во всех научно-практических конференциях, фестивалях и мероприятиях, проводимых в различных регионах Северного Кавказа и за рубежом, имеющих отношение к истории и культуре черкесов.

В прошлом году МЧА представила проект «Диалог на Эльбрусе – XXI: согласие, дружба и сотрудничество народов», который стал победителем в конкурсе на получение президентских грантов. В целях

реализации проекта был организован ряд значимых мероприятий: это и летний отдых детей репатриантов из Сирии, конференции, встречи, культурные и просветительские мероприятия.

Одним из важнейших направлений деятельности МЧА был и остается вопрос репатриации адыгов (черкесов) на историческую родину. В связи с чем приоритетом в данной сфере является поддержка соотечественников, прибывших из Сирии.

На заседании Комиссии по развитию гражданского общества, межнациональным и межконфессиональным отношениям Общественной палаты КБР было рассмотрено обращение руководства МЧА по вопросу защиты соотечественников из Турции, вернувшихся в КБР, от необоснованных притеснений со стороны различных государственных структур. Учитывая актуальность данной проблемы, в феврале 2016 года на заседании Совета Общественной палаты КБР был рассмотрен вопрос общественно-государственного взаимодействия в решении миграционных проблем в Кабардино-Балкарской Республике.

В мае текущего года МЧА провела встречу репатриантов (соотечественников) из Сирии, Турции, Иордании с представителями национально-культурных центров республики. Во встрече приняли участие представители государственных органов власти, национально-культурных центров. Такие встречи стали традиционными, способствуют не только ознакомлению с культурой, историей народов, проживающих в республике, но и успешной адаптации репатриантов.

На социокультурную адаптацию репатриантов направлены курсы по русскому и кабардинскому языкам, семинары по истории и культуре России и республик Северного Кавказа, вовлечение репатриантов во все значимые республиканские мероприятия, организация посещения концертов, театральных и музейных мероприятий.

Стало доброй традицией ежегодно праздновать День репатрианта в республиках Кабардино-Балкария, Адыгея и Карачаево-Черкесия. В этот день проходят интересные, запоминающиеся встречи, концерты и адыгэ джэгу (народные танцы).

Издано методическое пособие «Что должен знать репатриант» на четырех языках (русском, кабардинском, турецком и английском) в целях интеграции соотечественников в российскую социальную среду.

Соотечественники из Сирии, Турции, Иордании принимают активное участие в мероприятиях, посвященных Дню памяти адыгов – жертв Кавказской войны. Кроме этого для них организуются и экскурсионные программы с посещением районов и городов республики.

Особое внимание традиционно уделялось программам, ориентированным на молодежь и детей соотечественников.

Исполком МЧА совместно с черкесской диаспорой Турции, Сирии и Иордании способствует обучению молодых людей из числа зарубежных соотечественников в КБГУ и других учебных заведениях КБР.

Проблемы, связанные с изучением и сохранением родного языка, созданием единого литературного адыгского языка одинаково затрагивают как живущих на исторической родине, так и зарубежных соотечественников.

МЧА обращалась к руководству страны, главам республик Кабардино-Балкария, Адыгея, Карачаево-Черкесия с просьбой принять действенные меры по сохранению и развитию адыгского языка в целях сохранения нашей национальной идентичности. 17 августа текущего года проходила международная конференция, посвященная актуальным проблемам сохранения и развития адыгского языка. В ней приняли участие порядка 200 участников – черкесов из разных регионов России и зарубежных стран. Свыше 20 ученых и специалистов выступили на конференции с докладами, отразив свое видение путей сохранения и развития родного языка. Удалось решить ряд вопросов, связанных с унификацией орфографии литературных языков. Стороны согласны в том, что необходимо создать предпосылки для создания единого для всех адыгов литературного языка. Это предложение впервые прозвучало из уст представителей научной интеллигенции. Принято решение о создании компетентной рабочей группы по решению данной проблемы. Одновременно рассматривались и такие важные вопросы, как функционирование адыгского языка в образовательном пространстве.

Под эгидой МЧА проводятся фестивали, конкурсы. Так, большой популярностью пользуется у педагогов и детей традиционный конкурс «Си псэ, си бзэ, си Дуней», способствующий лучшему изучению подрастающим поколением родного языка, культуры и истории своего народа. Республиканский конкурс-фестиваль детского и молодежного творчества «Черкесский мир» уже многие годы занимает достойное место в культурной жизни республики.

В соответствии с Уставом Ассоциации систематически проводятся заседания Исполкома и Совета МЧА. Практиковались выездные заседания в местах компактного проживания черкесов. Как показали результаты этих мероприятий, подобная практика оказалась нужной и своевременной.

В рамках фестиваля прошли общественные дискуссии, посвящённые интеграции адыгов в европейское сообщество. Федерация черкесов Европы объединяет граждан европейских стран адыгского происхождения: выходцев из России, Турции, стран Ближнего Востока. По оценкам экспертов, в странах ЕС проживает порядка ста тысяч этнических черкесов. В числе важнейших задач, стоящих перед федерацией, – стремление к развитию связей с исторической родиной в области гуманитарных, образовательных и культурных программ, сохранение родного языка.

Накануне сегодняшнего Конгресса выездное заседание Совета МЧА состоялось в Турции, в черкесском ауле, в 40 километрах от Анкары, который носит название Нарт-Кала.

Ежегодно 20 сентября проводятся праздничные мероприятия, посвященные Дню адыгов (черкесов). В программу праздничных мероприятий входят торжественные вечера и праздничные концерты, скачки на Нальчикском ипподроме, выставки в Национальном музее КБР. В мероприятиях принимают участие исполнители и танцевальные коллективы из других стран и регионов России.

Стали традиционными в Турции и Израиле, в городах Моздок и Ставрополь проведение фестивалей черкесской культуры с участием известных исполнителей и коллективов из разных стран и исторической родины. Главная цель мероприятий – культурное и нравственное воспитание молодёжи на основе лучших традиций черкесского народа, знакомство жителей и гостей стран проживания с обычаями и особенностями культуры черкесов.

Важной представляется работа МЧА по укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных и иных конфликтов.

В апреле текущего года в г. Пятигорске в резиденции Полномочного представителя Президента России в СКФО с участием руководства МЧА состоялась встреча, где обсуждались вопросы укрепления мира и межнационального согласия в регионах СКФО, недопустимости разжигания конфликтов и перевода их в русло межнациональных, межконфессиональных отношений, о целях и задачах МЧА, о проектах, реализованных и поддержанных Ассоциацией. Участники встречи обсудили проблемные вопросы в деятельности ор-

ганизации, обозначили пути их решения и договорились о дальнейшем взаимодействии.

В отчетный период проведены научно-практические конференции «Роль институтов гражданского общества в гармонизации межэтнических и межкультурных отношений», «Роль черкесов в становлении Российского государства». «Роль государства и общества в урегулировании межнациональных конфликтов», в котором приняли участие ученые, аспиранты, студенты, специалисты в сфере истории, социологии, политологии, международных отношений, демографии, психологии, философии, экономики, представители властных структур, национально-культурных центров, духовенства Северного Кавказа, а также представители зарубежной черкесской диаспоры из Турции, Сирии, Иордании и Европы.

Представители МЧА приняли участие в торжественном открытии в Новоспасском монастыре г. Москвы Памятной доски княжескому роду Черкасских, внесших большой вклад в становление Российского государства.

В федеральных и региональных СМИ освещается работа с соотечественниками за рубежом, а также с репатриантами.

На интернет-сайте МЧА регулярно публикуется основная информация о деятельности МЧА, нормативные документы, новости республики и другие материалы о проводимых мероприятиях.

Вместе с тем, надо признать, что планку деятельности Исполнительного комитета МЧА необходимо поднять выше.

В дальнейшем наша роль заключается в том, чтобы внести свой достойный вклад в единение всего адыгского народа, где бы они ни проживали.

Уверен, что только в России МЧА имеет перспективу, и живущие на родине не позволят манипулировать адыгским народом против России.

В завершение своего выступления, хотел бы отметить следующее. Мы гордимся тем, что представители адыгской (черкесской) диаспоры занимают высокие посты в правительствах, вооруженных силах, полиции в жизни стран проживания. Среди них знаменитые на весь мир деятели культуры, писатели, ученые, нобелевские лауреаты, олимпийские чемпионы. Они располагают значительными знаниями о своей исторической родине и демонстрируют всему миру наши базовые ценности – адыгэ хабзэ, культуру, традиции. И, следовательно, адыгская (черкесская) диаспора является созидательным ресурсом, связующим мостом, способным придать новый импульс укреплению международного авторитета нашего Отечества. Мы и впредь будем работать на то, чтобы развитие связей с нашей зарубежной диаспорой шло по нарастающей. Будем стремиться к укреплению диаспоры в роли добровольных послов мира в интересах нашей страны, республики и народа.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ!

1 сентября Кабардино-Балкария отметила День республики. Немного предыстории: декретом ВЦИК РСФСР в 1921 году 1 сентября была образована Кабардинская автономная область. В 1922 году 16 января Балкарский автономный округ объединился с Кабардой, и они образовали Кабардино-Балкарскую автономную область. Ее столицей стал г. Нальчик.

В 1997 году по случаю принятия новой конституции КБР был учрежден праздник – День государственности КБР. С тех пор по этому радостному поводу у нас в Кабардино-Балкарии ежегодно проходит множество торжественных и праздничных мероприятий, организуемых администрацией города и министерством культуры КБР.

В этом году праздник 97-летия КБР стартовал арт-фестивалем «Нальчик – город любимый мой!» с нальчикского «Арбата» – с пешеходной части ул. Кабардинской. А начался он с выставок, песен и танцев.

От множества ярких, необычных, волшебных работ, выполненных в разных жанровых сти-

лях, разбегались глаза. Представлялись картины с разной (земной и фантазийно-небесной!) тематикой, выполненные в различных техниках: живопись, графика, аржены, скульптура, изделия прикладного искусства с национальными элементами... Было много портретов и пейзажей, кукол, украшений в националь-

ном стиле из бус, бисера, шитья и других составляющих... Невозможно было обойти вниманием образцы золотого шитья, фантазии из войлока, художественной керамики, вязание, дизайн одежды, всевозможные поделки, декоративные растения...

А авторами, героями-умельцами, были дети от шести и более лет – ученики Художественной школы (директор – В. Захохов), городского центра эстетического воспитания детей им. Жабаги Казаноко (директор – А. Кунижева), детской школы искусств № 1 (директор – Л. Темирканова), центра детского творчества «Эрудит» (директор – М. Габаева), городского центра детского и юношеского творчества г. Нальчика (директор – Ж. Кагазежев). Работы юных талантов заряжали позитивом, положительной энергетикой и уверенностью в завтрашнем дне нашей культуры, нашего искусства.

Яркими были и их хореографические выступления: национальные, спортивно-бальные, современные танцы; сольное и коллективное пение. Аниматоры праздничного агентства «Пини-Бум» сделали праздник зрелищным, незабываемым.

Юные зрители с восторгом смотрели театральную постановку студии «Бродвей» (руководитель – Р. Судакова).

Также на празднике республики выступили эстрадно-духовой оркестр (директор – Т. Зашакуев) и популярные певцы Ислам и Кари-

на Киш, Башир Жашуев, Анаит Погосян, Аслан Биев, Алена Чабдарова, Нату, Жамболат Жубоев и другие.

Нальчикский Центр народных промыслов показал работы, сделанные в последнее время, – треноги, часы с открытым механизмом и другие изделия из дерева, а также бурки, папахи...

Национальные культурные центры республики двориками располагались по обе стороны улицы. Они представили праздничные экспозиции, в очередной раз демонстрируя оплот межнациональной дружбы в нашей республике. Евреи, белорусы, эстонцы, украинцы... знакомили гостей со своими этническими особенностями, художественными промыслами, показывали чудные творения рук, угощали своими национальными блюдами.

Полюбовавшись всем этим обилием прекрасного, угостившись на кухнях братских народов, можно было поиграть в шахматы, помериться силой, подойти к свободному микрофону, почитать стихи, посвященные любимой Кабардино-Балкарии, рассказать свою интересную историю и поздравить нальчан и гостей города с праздником.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, МЕТОДИКИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Августовское совещание педагогов Кабардино-Балкарии по актуальным вопросам образования и воспитания прошло в детской академии творчества «Солнечный город».

Открывая встречу, руководитель Администрации Главы КБР Мухамед Кодзоков зачитал приветствие Юрия Кокова, в котором выражается уверенность, что учителям республики по силам главная задача современного образования – воспитание самостоятельных, мобильных и востребованных членов общества, достойных граждан нашей страны.

«Время требует от нас постоянного поиска новых подходов и методик, направленных на повышение качества образования. Хочу выразить надежду, что сформированные в ходе совещания предложения и инициативы будут способствовать дальнейшему повышению эффективности системы образования республики. Со своей стороны, органы власти республики будут и впредь делать всё необходимое для создания благоприятных условия для труда и быта педагогических работников», – заверил Глава республики в своем обращении.

С подробным отчетом о системе образования республики в условиях реализации нацпроекта «Развитие образования» выступил и. о. министра просвещения, науки и по делам молодёжи КБР Ауес Кумыков.

В 2017 году Минобрнауки России осуществляло реализацию пяти приоритетных проектов по основному направлению стратегического развития Российской Федерации «Образование». В рамках данного направления сформированы и реализуются следующие проекты: «Создание современной образовательной среды для школьников», «Доступное дополнительное образование для детей», «Подготовка высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров с учетом современных стандартов и передовых технологий», «Вузы как центры пространства создания инноваций», «Современная цифровая образовательная среда».

Участие Кабардино-Балкарской республики в этих проектах осуществляется через реализацию государственных и целевых программ и позволяет сформировать инновационную образовательную среду в системе образования региона.

Приоритетный проект «Создание современной образовательной среды для школьников» направлен на обеспечение современных условий для обучения школьников. К числу основных задач проекта относятся ликвидация многосменного обучения, перевод обучающихся из зданий с высоким уровнем износа, решение задачи обеспечения надлежащих санитарно-гигиенических условий в школьных зданиях, а также обновление материально-технической и технологической базы образовательных учреждений за счет строительства и реконструкции зданий, оснащения новой техникой, включения детей в научно-техническую деятельность, создания безбарьерной образовательной среды.

Приоритетным проектом «Вузы как центры пространства создания инноваций» предусмотрено обеспечение к 2025 году вхождения не менее 10 ведущих российских университетов не менее двух лет подряд в ТОП-100 мировых рейтингов университетов и создание в субъектах Российской Федерации не менее 100 университетских центров инновационного, технологического и социального развития.

Приоритетный проект «Подготовка высококвалифицированных рабочих кадров с учетом современных стандартов и передовых технологий» («Рабочие кадры для передовых технологий») направлен на создание конкурентоспособной системы среднего профессионального образования, обеспечивающей подготовку высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров в соответствии с современными стандартами и передовыми технологиями. Ожидается, что к 2020 году численность выпускников образовательных организаций, продемонстрировавших уровень подготовки, соответствующий стандартам WorldSkills Russia, составит не менее 50 тыс. человек.

В 2017 году государственными профессиональными образовательными организациями республики было подготовлено 1933 специалиста, в том числе: 1179 специалистов среднего звена, 754 высококвалифицированных рабочих и служа-

щих. В 2017 году в республике был проведен первый региональный этап чемпионата «Молодые профессионалы WorldSkills Russia», в котором приняли участие студенты системы профессионального образования Кабардино-Балкарской республики по 10 компетенциям.

Всего в региональном этапе приняло участие 55 человек. 10 участников, занявших первые места, приняли участие в финале Национального чемпионата «Молодые профессионалы WorldSkills Russia».

Инновационные процессы в среднем профессиональном образовании ориентированы на выполнение требований ФГОС, в рамках которого предусматривается выход обучающихся в практическое поле непосредственно на предприятия. Министерством промышленности и торговли КБР разработан перечень базовых промышленных предприятий с привязкой к профессиональным образовательным учреждениям, на которых проводится работа по совершенствованию и модернизации материально-технической базы для подготовки рабочих кадров.

Приоритетный проект «Доступное дополнительное образование для детей» направлен на равное обеспечение современным, вариативным и востребованным дополнительным образованием детей с учетом интересов ребенка и его родителей, потребностей социально-экономического и технологического развития страны. Цель проекта – обеспечить к 2020 году охват качественными программами дополнительного образования, в том числе на базе создающихся модельных центров дополнительного образования детей, не менее 70–75% детей в возрасте от 5 до 18 лет.

В рамках приоритетного проекта апробируются новые современные формы дополнительного образования не только в действующих организациях, но и на базе вновь создаваемых организаций нового типа, к числу которых относятся детские технопарки «Кванториум».

Кабардино-Балкарская Республика с 2016 года принимает участие в реализации приоритетного проекта «Доступное дополнительное образование для детей». К моменту начала его реализации в регионе были определены основные задачи, без решения которых дальнейшее развитие системы невозможно. Среди самых очевидных – устаревшие, не отвечающие современным интересам детей программы дополнительного образования и слабая материально-техническая база, низкая готовность педагогов к работе в принципиально новой образовательной среде. По данным федерального статистического наблюдения 1-ДОП по дополнительным общеобразовательным программам в республике занимаются 74% детей от 5 до 18 лет. К 2024 году планируется создать дополнительно более 13 тысяч мест, что позволит увеличить охват детей республики программами дополнительного образования до 80%. Кроме того, более чем для 23 тыс. сельских школьников будут созданы современные условия для занятий физической культурой и спортом.

Глава ведомства напомнил, что в Кабардино-Балкарии на региональном уровне уже реализуются такие перспективные проекты, как

«Современная школа в КБР», «Успех каждого ребёнка в КБР», «Современные родители в КБР», «Цифровая образовательная среда в КБР», «Учитель будущего в КБР», «Молодые профессионалы в КБР», «Социальная активность в КБР».

Говоря о решении задачи по ликвидации двухсменного обучения, он сообщил, что в две смены сейчас работают 30 школ республики, при этом во вторую смену вынуждены учиться около 10 процентов детей. Проблему по созданию новой образовательной среды, соответствующей современным требованиям системы образования, планируется решить через участие республики в реализации мероприятий программы «Содействие созданию в субъектах Российской Федерации (исходя из прогнозируемой потребности) новых мест в общеобразовательных организациях на 2016–2025 годы».

В рамках программы Кабардино-Балкарская Республика в 2017 году прошла конкурсный отбор государственных программ субъектов Российской Федерации для предоставления в 2018, 2019–2020 годах субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование расходов, возникающих при реализации этих программ.

Ожидается, что снять проблему поможет строительство новых школ. В том числе в 2018 году должно быть окончено строительство школы на 825 мест в Нарткале, а также начнется строительство школы в шестом микрорайоне Нальчика на 1224 места с двумя бассейнами, в следующем году планируется строительство школы на 500 мест в Чегеме и на 96 мест в селении Ташлы-Тала.

Среди других важные задачи названы обновление материально-технической базы коррекционных школ, модернизацию образовательных программ, методик и технологий обучения, обновление содержания предметной области «Технология».

В республике также будет создана система информирования родителей по вопросам образования, воспитания и обучения детей. Для этого в ближайшие годы начнут работать центры оказания психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям. И. о. министра также рассказал, что Кабардино-Балкария вошла в число 19 пилотных регионов по внедрению новой модели аттестации учителей на основе проектов типовых комплектов единых федеральных оценочных материалов.

Республика планирует до 2020 года перейти к региональной модели управления общим образованием, то есть передать управления общим

образованием с муниципального на региональный уровень. Это позволит решить одну из ключевых задач российского образования по созданию единого образовательного пространства и базового содержания для каждого ребёнка в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами.

Педагоги республики обсудили также одну из самых осуждаемых сейчас проблем – развитие языков и литератур коренных народов. По словам А. Кумыкова, во всех общеобразовательных учреждениях Кабардино-Балкарии с 1 по 11 класс преподаются родные языки (кабардинский и балкарский), а количество часов, отведённых на изучение родных языков, соответствует нормам Министерства просвещения РФ, уменьшения их не допускается. Он отметил, что во всех школах КБР изучение родного языка и литературы является обязательным и проводится по различным программам и учебным пособиям. А. Кумыков считает, что главной проблемой в развитии национального образования республики является несоответствие

используемых материалов современным требованиям. Он сообщил, что для решения этого вопроса разрабатывается подпрограмма «Развитие кабардинского и балкарского языков и литератур» для включения в Государственную программу КБР «Развитие образования в КБР».

Этническое своеобразие народов КБР сохраняет и преумножает республиканский конкурс «Родной язык – душа моя, мой мир», который ежегодно проводится на трех государственных языках Кабардино-Балкарской республики и направлен на укрепление престижа родных языков (кабардинский, балкарский, русский), культур народов, проживающих в Кабардино-Балкарии, выявление и поддержку лучших образовательных учреждений, учителей родных языков и талантливых детей, утверждение приоритетов воспитания в обществе на национальных традициях и обычаях. В рамках данного конкурса рассматриваются лучшие общеобразовательные учреждения по этнокультурному образованию (мастер-классы, внеклассные мероприятия, презентации, отражающие работу школьного методического объединения учителей родных (кабардинский, балкарский, русский) языков и литератур, смотр кабинетов, презентация работ учащихся «Как прекрасен этот мир»), лучшие учителя родных языков, а также проектно-исследовательские работы учащихся 8–11 классов.

В целом сохранение и развитие национальных языков в современных условиях потребует определенных усилий со стороны законодательной и исполнительной органов власти, органов местного самоуправления, общеобразовательных и профессиональных образовательных учреждений, ученых, учителей и методистов, творческих союзов, средств массовой информации и общественных организаций. Министерство просвещения, науки и по делам молодежи КБР совместно со всеми заинтересованными ведомствами продолжит работу по повышению качества преподавания родных языков и осуществлению постоянного мониторинга состояния и развития государственных языков Кабардино-Балкарской республики.

Обсуждена также и не менее актуальная проблема – обеспечение школьников учебниками. Сейчас дети получают учебную литературу, приобретенную за счёт средств республиканского и муниципального бюджетов, внебюджетных средств и библиотечных фондов. Для пополнения библиотечных фондов приобретено более 126 тысяч учебников. На эти цели из республиканского бюджета выделено 44,8 млн рублей, из муниципальных бюджетов – 5,7 млн рублей. А. Кумыков подчеркнул, что ответственность за обеспечение учебной литературой полностью ложится на образовательные организации и их учредителей. Он попросил с особой рачительностью отнестись к расходованию этих средств и максимально эффективно использовать имеющиеся библиотечные фонды, муниципалитетам районов и городских округов рекомендовано реализовать дополнительные альтернативные формы работы по обеспечению обучающихся бесплатными учебниками: привлечение внебюджетных источников финансирования, ярмарки по обмену, благотворительные марафоны и другие.

В свою очередь к участникам форума обратилась вице-президент издательства «Просвещение» Надежда Колесникова. Она поблагодарила организаторов мероприятия за приглашение и заметила, что сегодня перед системой образования стоят амбициозные задачи. Н. Колесникова заверила, что группа компаний «Просвещение» сделает всё, чтобы помочь и содействовать в их решении.

В совещании приняли участие заместитель председателя парламента КБР Салим Жанатаев, председатель общественного совета минпросвещения КБР Хаути Сохроков, уполномоченный при Главе КБР по правам ребёнка Светлана Тлинова, депутаты законодательного органа республики, представители органов исполнительной власти, руководители образовательных организаций.

В рамках совещания работа шла и на дискуссионных площадках, где обсуждались основные направления государственной политики в области образования. В том числе речь шла о роли директора школы в реализации государственной политики в сфере образования и проектный подход как управленческий механизм развития образования.

ИСТОРИЯ НАШЕЙ ШКОЛЫ

Осенью 2018 года МКОУ «Лицей № 1» г.п. Нарткала исполняется 80 лет. За эти годы школа дала многим сегодняшним специалистам – врачам, учителям, юристам, экономистам, ученым – путевку в сложную, но чрезвычайно увлекательную жизнь. Для каждого поколения она была своей, особенной, но всегда родной и любимой, так как традиции школы свято сохраняются и передаются из года в год.

Педагогический коллектив нашего образовательного учреждения отличается высокой работоспособностью, стремлением к новым высотам. Благодаря знаниям, педагогическому мастерству всего коллектива, школа находится в творческом развитии. Она по-прежнему молода, неиссякаема на таланты, изобретательскую инициативу, творчество, новизну.

Из 84 учителей высшее образование имеют 78, 6 – со средним специальным. Два учителя имеют звание «Заслуженный учитель КБР», 15 – нагрудный знак «Почетный работник общего образования РФ».

Наша школа является хранительницей традиций, бесценного педагогического опыта, накопленного за всю ее историю. Педагогический коллектив обновляется. Наряду с молодыми и учителями среднего поколения работают ветераны педагогического труда Г. М. Вдовина, Т. И. Утова, Е. Т. Губжокова, В. М. Иванова, Л. Н. Блиева. О каждом из них можно сказать много хорошего, доброго, каждый из них оставил в школе часть своего душевного пламени, частицу своего сердца. С хорошей отдачей, эффективно трудятся учителя И. А. Хажметова, М. М. Макоева, Н. А. Жилова, Т. С. Кагазежева, Н. Н. Назарова, И. Х. Кириленко, Ф. Х. Тхостова,

С. М. Шогенова, В. М. Бариева. Много похвальных слов заслуживают и молодые учителя, которые ответственно и добросовестно выполняют свой нелегкий педагогический труд. Это Л. А. Митракова, А. С. Ахаева, А. Х. Сокурова, А. Х. Тхазеплова, В. П. Солдатенкова, И. А. Мартынова.

О качестве образования можно судить по количеству золотых и серебряных медалистов – 356 за период с 1946 по 2018 годы. Педагогический коллектив школы приложил значительные усилия для того, чтобы учащиеся успешно освоили государственные стандарты образования. Только за прошедший год 50 победителей и призеров муниципального этапа Всероссийской предметной олимпиады. Трое учеников лицея набрали 100 баллов на ЕГЭ. Яна Авилова по русскому языку, Марат Кушхов по истории, Камболат Жамборов по обществознанию. Победители и призеры различных конкурсов и олимпиад: районные – 120, республиканские – 43, всероссийские, международные – 9. Школа гордится успешными учениками: Лиана Шафи – призер первенства России по тхэквондо, обладательница титула «Самая лучшая спортсменка – 2017 г.»; Рустам Жилиясов – победитель первенства России по вольной борьбе, Алина Ашинова, Изабелла Кушхова, Дения Шолохов стали победителями и призерами Международного фестиваля «Шемякинская весна» в конкурсе изобразительного и декоративно-прикладного творчества.

В школе функционирует танцевальный ансамбль «Синдика», который неоднократно становился победителем международных олимпиад и конкурсов.

Школа принимала участие в 2013 году в Санкт-Петербурге в конкурсе «100 лучших школ России». По рекомендации МОН КБР в 2013 г. МКОУ «Лицей № 1» г.п. Нарткала включена в национальный реестр «Лучшее образовательное учреждение РФ». В ноябре 2016 года началось возведение новой школы.

В 1921 году поселок Докшукино был зарегистрирован как самостоятельный населенный пункт с административным подчинением Кахунскому сельскому Совету.

В 1927 году в районе вокзала была однокомплектная четырехлетняя школа с одной учительницей Юлией Кирилловной (фамилию никто не помнит), которую в 1928 году сменила Виноградова, а затем Фаина Измайловна.

В 1928 году под руководством инженера Каратаева на станции началось строительство первого промышленного предприятия – элеватора, которое завершилось в 1929 году. На 1 января 1929 года в пос. Докшукино насчитывалось 35 дворов и проживало 160 человек.

В 1931 году началось строительство завода технического спирта. Директором был назначен Амин Мусович Ошноков. Услышав о большой стройке на Кавказе, сюда стали стекаться люди из разных мест. При

спиртзаводе была открыта однокомплектная 4-летняя школа фабрично-заводского объединения (ФЗО). Директором был назначен Тимофей Иванович Толстой.

Росло население, а значит, и число учащихся. Постепенно стала решаться и жилищная проблема. Поселок Докшукино постепенно разрастался, и в связи с этим возникла необходимость открытия средней школы.

В 1933 году ученики получают возможность перейти в здание, выстроенное под аптеку (впоследствии Дом пионеров, Музыкальная школа, БТИ, сейчас в этом здании находится зал тяжелой атлетики). Там было пять комнат и подвал. Школа стала семилетней. В 1935–1936 учебном году из стен школы вышел первый выпуск седьмого класса.

Классных помещений не хватало, часть из них была разбросана по поселку: за вареньеварочным заводом – начальная школа из четырех классных комнат (ныне МКОУ СОШ № 4), чуть дальше и левее – Нефтебаза, Консервный завод.

Школа была культурным центром быстро растущего поселка Докшукино. На сцене клуба учащиеся играли Пушкина, Гоголя, Чехова, сцены из пьес Островского. Было много кружков: хоровой, драматический, струнно-шумовой, кружок фотолюбителей. Многие увлекались шашками, шахматами. Играли в снежные баталии, лапту, всеми любимую игру «Казачьи – разбойники», в которых выделялись сильные, ловкие, смелые. Ученики школы принимали активное участие в различных спортивных состязаниях, ходили в походы на реку Урвань, удили рыбу, купались.

В день 15-летия Кабардино-Балкарии спортсмены Докшукинской средней школы были приглашены в г. Нальчик на спортивный праздник, на котором гостем был сам С. М. Буденный.

В середине 30-х годов силами учащихся семилетней школы во главе с директором Тимофеем Ивановичем Толстым был заложен Докшукинский парк.

Ацетонобутиловый завод был шефом школы, а школа его детищем. Комсомольцы школы входили в комсомольскую организацию завода. Спиртзавод дал жизнь поселку Докшукино.

Постепенно в школе складывались определенные традиции. На шалости не было времени. Самое строгое взыскание – исключение из школы на неделю-две. Ученик, отбыв наказание, должен был знать пройденный за этот срок материал и сдать экзамен. В школе уже было два кабинета: физики и химии. А пионерская комната была центром школьной жизни. Старшие учащиеся по своей инициативе взяли учебно-воспитательную работу в свои руки в помощь учительскому коллективу.

В школе большую роль играло детское самоуправление. Учительский коллектив опирался на совет дружины, комитет комсомола, учком. А входили туда лучшие из лучших. По зову единственного горна ребята бежали к школе. Зовут – есть дело. А дел было много: очистка террито-

рий, закладка парка. Принимали участие в борьбе с малярией. Работали на консервном заводе: сортировали вручную фрукты и овощи.

К концу 1938 года на средства спиртового завода в центре поселка под гостиницу было построено первое 3-х этажное кирпичное здание, хотя по архитектуре и внутренней планировке оно напоминало школу. Заложили фундамент еще в 1935 году, но в областном бюджете денег на строительство не предусмотрели. Тянуть дальше со строительством школы в молодом рабочем поселке нельзя было. Тогда с большим риском для себя директор строящегося спиртзавода Амин Мусович Ошников включил этот объект в смету заводских строений под названием «Гостиница». Учитывая трудности с нехваткой классных помещений, руководство республики и администрация завода решили переконструировать здание под школу и на этой базе развернуть среднюю школу. За короткое время – с июня по октябрь – была проделана большая работа по оборудованию здания. В те годы о лучшем никто и не мечтал.

9 ноября 1938 года в жизни поселка Докшукино произошло важное событие – была открыта первая просторная школа, и у подрастающего поколения появилась возможность получить среднее образование.

Торжественное шествие учащихся с красными флагами и песнями по первому асфальтированному полотну дороги от завода до школы, первый звонок, перерезанная алая ленточка отличницей школы Юлией Дмитриевой, символический ключ в руках директора завода И. М. Михайлова. Это было самое большое трехэтажное здание из красного кирпича. На балконе фасадной части в огромных каменных вазах цвели яркие осенние цветы. Небольшие скромные колонны указывали на центральный вход. На одной из колонн под стеклом впервые было обозначено: «Докшукинская средняя школа» (ДСШ). Ее светлые классные комнаты казались огромными, а коридоры – широкими и длинными, паркетные полы, раздевалка, сменная обувь, трюмо на этажах, буфет. Открытие новой средней школы было праздником для учащихся, учителей, родителей и всего населения поселка.

Директором СШ № 1 был назначен Тимофей Иванович Толстой учитель математики. За педагогическую деятельность в 1939 году он был награжден орденом Ленина, а в 1945 году ему было присвоено звание «Заслуженный учитель КБАССР», в 1956 году удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Первый завуч школы – Оксана Ивановна Оксюк. По архивным документам школы, а также по воспоминаниям выпускников, коллектив 40-х годов составлял 142 человека.

Первые выпуски совпали с началом Великой Отечественной войны, которая разрушила планы и мечты выпускников. Мобилизация в армию проходила на протяжении всего учебного года. Многие юноши храбро

сражались в боях за Родину, отдавая свои жизни. Виктор Мангуби в 1942 году ушел в армию, героически погиб под Ленинградом; Василий Бекетов в числе первых выпускников 1941 года ушел на фронт, принимал участие в боях за Кавказ; Николай Толстой погиб в боях под станицей Голубинской Краснодарского края, похоронен в г. Темрюке, посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени; Леонид Переверзев погиб в Прибалтике; Валентин Ерышкин хотел стать военным моряком, погиб, защищая город Ленинград; Николай Бабарыкин добровольцем ушел на фронт, не жалея жизни, до конца остался верен воинскому долгу; Николай Гуров в октябре 1940 года ушел в армию, героически погиб под Ленинградом; Богдан Черний сражался на Сталинградском направлении, погиб под Сталинградом, Николай Клочко, А. Дзюба, Алексей Емцов, Виктор Соломин и многие другие выпускники, чьи фамилии занесены на мемориальную доску комнаты Боевой славы школы.

Выпускники 1942 года, участвовавшие в Великой Отечественной войне, – Михаил Бусаров, Майя Вьюнова, Андрей Лихацкий, Жора Сергеев, Юрий Федоров, Юрий Фетисов (был тяжело ранен). Погибли смертью храбрых – Борис Андреев, Павел Шаталов, Марат (фамилия неизвестна). Память о них навсегда останется в наших сердцах. Судьба девушек сложилась по-разному. Юность была изуродована, исковеркана фашистами.

На фронт уходили и учителя школы. Среди них – молодой учитель математики Гид Наурузович Кабалоев, для которого школа стала родной. Хотелось многое осуществить, но помешала война. Уже летом 1942 года Кабалоев участвовал в кровопролитных сражениях между Доном и Волгой.

Октябрь 1942 года. Фашисты подходят к населенному пункту Докшукино. Все материальные ценности были вывезены. Учительница Валентина Николаевна Толстая и семиклассник Саша Кольшко школу покидали последними. Из пионерской комнаты

Саша Кольшко

они вынесли знамя и спрятали его в подвале.

Когда немцы заняли здание школы, Саша Кольшко и Вася Ракитянский проникают в темный школьный подвал. Из подвала вынести знамя было нельзя. Тогда Саша проник в бывшую лабораторию, размещенную тут же, в подвале, и надежно перепрыгал знамя. А где оно находится, сообщил Валентине Николаевне. После ухода фашистов Валентина Николаевна разыскала знамя и передала в школу. Сейчас знамя находится в стенах школы. Потускнело золотое шитье, алый шелк не так ярок и свеж, но это самая дорогая

реликвия для работников и учеников школы. Ни одна торжественная линейка не обходится без выноса этой святыни.

Докшукино стал прифронтовым поселком (линия фронта в течение 2-х месяцев шла по Баксану). Верхние этажи нашей школы фашистами были превращены в казармы, а первый этаж – в конюшню. Очень многое было разрушено, приведено в негодность. Практически все школьное оборудование и учебно-наглядные пособия были уничтожены, мебель сожжена. Посаженные детьми деревья вырублены.

При отступлении врага Саша Колышко вместе со своими товарищами, заметив шнур у здания, предотвратил взрыв родной школы.

После освобождения поселка Докшукино Саша ушел на фронт с действующими частями нашей армии и при выполнении очередного задания героически погиб (подорвался на mine).

Коллектив учителей, родители и учащиеся приложили все усилия, чтобы восстановить нормальные условия для занятий в школе. Материально и морально им помогал шефский рабочий коллектив, который одновременно в трудных условиях восстанавливал свой завод.

Война помешала стране осуществить переход к обязательному семилетнему и среднему образованию. Одной из важнейших задач послевоенных лет в области школьного образования было осуществление всеобщего обучения детей.

Организация обучения в послевоенные годы проходила в исключительно трудных условиях: не хватало школьных помещений, учебников, наглядных пособий. Остро ощущалась нехватка педагогических кадров.

Трудовая биография многих учителей началась в трудный послевоенный период. Но они выстояли, перенесли все тяготы, сумели остаться человечными, доброжелательными людьми, строгими и требовательными в работе и очень веселыми на отдыхе. Вернулись те, кто ушел на фронт. Постепенно налаживалась мирная жизнь. Методом народной стройки проводилась колоссальная работа по восстановлению школы.

1 августа 1945 года по Докшукинской средней школе, согласно приказу НКП КАССР за № 169, приступил к выполнению обязанностей директора школы Василий Андреевич Костенко.

В 50-е годы коллектив школы насчитывает 188 человек. Директор – Аркадий Степанович Пидлый, учитель истории, ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный учитель КБАССР и РСФСР, отличник народного просвещения.

С 1965 по 1969 годы школой руководил Александр Николаевич Прокудин – «Отличник народного просвещения РСФСР» (1975 г.), «Учитель-методист», участник Великой Отечественной войны, учитель математики. Завуч старших классов – Василий Семенович Бочаров, завуч начальных классов – Вера Евстафьевна Алексеева, завуч по вос-

питательной работе – Аркадий Степанович Пидлый. Коллектив школы насчитывает в это годы 176 человек.

В 70-х годах коллектив растет, пополняется молодыми педагогами. Каждый из них в гуще дел и событий.

С 1969 по 1978 годы школой руководил Борис Жангериевич Жемухов – «Отличник народного просвещения» РФ, награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «Ветеран труда», отмечен знаком «Победитель социалистического соревнования». С 1985 года – заведующий Урванским РОНО.

Завуч старших классов – Василий Семенович Бочаров, завуч начальных классов – Вера Евстафьевна Алексеева, Роза Сулеймановна Бекалдиева – организатор внеклассной и внешкольной работы (освобождена от занимаемой должности в связи с избранием ее секретарем Урванского райисполкома), военрук – Илья Глебович Хромов. Коллектив школы – 160 человек.

*Римма Хамидовна
Канчукоева*

Римма Хамидовна Канчукоева, учитель английского языка, становится членом Всесоюзного совета по народному образованию, депутатом Верховного Совета СССР, неоднократно избирается депутатом городского совета; в 2001 году удостоена Почетной грамоты президента КБР В. М. Кокова «За особые заслуги в обучении подрастающего поколения и многолетний плодотворный труд».

На ВДНХ СССР была развернута экспозиция, посвященная Римме Хамидовне Канчукоевой, в которой рассказывалось о ее методике преподавания английского языка, демонстрировались изготовленные ею пособия, которые знали во многих школах страны. У стендов экспозиции проводились семинары и занятия школы передового опыта. Р. Х. Канчукоева стала первым народным учителем СССР в Кабардино-Балкарии. Она добивалась отличной успеваемости.

Ее имя занесено на республиканскую Доску Почета «Трудовая слава Кабардино-Балкарии». Она награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовую доблесть», знаком «Отличник просвещения СССР».

С 1978 по 2000 гг. школой руководил Мухамед Данилович Бекалдиев – «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель КБАССР», награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, отмечен знаком «Победитель социалистического соревнования», «Заслуженный педагог», неоднократно становился лауреатом конкурса «Директор года», а возглавляемая им школа становилась «Школой года».

В 2000 году Мухамед Данилович ушел на заслуженный отдых.

Мухамед Данилович был светлой личностью, прекрасным товарищем. Обладая широким кругозором, глубокими познаниями во многих областях науки, он оставался очень скромным человеком. Он трудился и жил для людей.

С 2000 по 2006 гг. школой руководила Мария Паговна Мисрокова – «Почетный работник образования РФ».

С 2010 года директором лицея была назначена Елена Михайловна Иванова. За многолетний и добросовестный труд в 1997 году Елене Михайловне присвоено звание «Отличник народного образования РФ», имеет нагрудный знак «Директор года – 2013», «Директор – 2016», орден «Сердце отдаю детям», имеет многочисленные грамоты МОН КБР, РУО, местной администрации Урванского муниципального района. Елена Михайловна постоянно находится в творческом поиске, не останавливается на достигнутом.

Под авторством Е. М. Ивановой к 75-летию школы издана книга, посвященная истории самой первой школы г. Нарткалы. С приходом Елены Михайловны наблюдается положительная динамика в учебно-воспитательной работе и психологическом климате коллектива. Она пользуется заслуженным авторитетом среди коллег, родителей и учащихся. Е. М. Иванова является членом общественного Совета при МВД КБР в Урванском районе.

Ирина Азировна Хажметова – «Заслуженный учитель РСФСР», победитель национального проекта «Образование», призер республиканского конкурса «Учитель года – 1993», работает в школе с 1982 года, имеет высшую квалификационную категорию, педагогической стаж – 34 года.

Учащиеся среднего и старшего звеньев занимаются волонтерством, благотворительностью: посещают с концертами Республиканский центр социальной помощи семье и детям (РЦСПСД), Реабилитационный центр помощи пожилым людям (РЦППЛ).

Учительский коллектив с глубоким уважением вспоминает учителей, много лет отдавших школе. Среди них Луиза Яковлевна Текаева – учитель

*Мухамед Данилович
Бекалдиев*

*Елена Михайловна
Иванова*

английского языка, Маржан Адальбиевна Зихова – учитель математики, Валентина Дмитриевна Жирикова – учитель физики, Вера Александровна Нещадимова – учитель химии, Жасим Маликович Гурбанов – учитель трудового обучения. Среди наших учителей есть и такие, жизнь которых связана со школой с детства: были учениками – стали учителями. За всю историю школы 64 выпускника вернулись в родные стены уже в качестве учителей.

Наши известные выпускники

Благодаря высокому профессионализму педагогов наша школа все 80 лет славится своими учениками. И сегодня мы с гордостью говорим о них:

Борис Григорьевич Василенко – выпускник 1949 года, министр местной промышленности Кабардино-Балкарской АССР, депутат Верховного Совета КБАССР;

Натби Магомедович Бозиев – выпускник 1967 года, заместитель председателя Парламента Кабардино-Балкарской Республики;

Олег Лионович Шандиров – выпускник 1967 года, председатель Контрольно-счетной палаты КБР;

Арсен Баширович Каноков – выпускник 1974 года, Глава Кабардино-Балкарской Республики;

Тембулат Хусейнович Эркенов – выпускник 1975 года, генеральный директор ЗЭТ;

Замудин Русланович Иванов – выпускник 1980 года, полковник, заместитель военного комиссара КБР;

Ольга Хабаловна Сокурова – выпускница 1978 года, заслуженная артистка КБР, Республики Ингушетия, народная артистка Карачаево-Черкесской Республики, Республики Ингушетия, КБР;

Джамбулат Хусейнович Эркенов – выпускник 1977 года, генеральный директор «Эрпак»;

Темур Дакуевич Хакунов – выпускник 1984 года, доктор экономических наук;

Азамат Джабраилович Кошиев – выпускник лицея, глава местной администрации Урванского муниципального района и многие другие.

В судьбе каждого человека есть своя школа, которая ведет не только в страну знаний, но и учит жизни, является истоком становления всесторонне развитого человека. Приятно отметить, что выпускники называют нашу школу «школой щедрой души». Они говорят, что именно здесь им помогают преодолеть препятствия, которые возникают на их пути, что здесь замечательные учителя – добрые, понимающие, терпеливые...

КОМСОМОЛ В МОЕЙ СУДЬБЕ

(к 100-летию ВЛКСМ)

Из книги воспоминаний Бориса Зумакулова, первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ, – «О времени и о себе»

Зумакулов Борис Мустафаевич родился в 1940 году в селении Нижний Баксан Эльбрусского района Кабардино-Балкарской АССР. В 1944–1956 гг. проживал в Киргизской АССР в с. Новая Покровка, где окончил девять классов.

В 1956 г. вернулся в республику и начал трудовую деятельность разнорабочим в подсобном хозяйстве Тырныаузского комбината. В 1957 г. окончил 10 классов и в этом же году поступил в Нальчикское педагогическое училище, в 1958–1962 гг. учился в Кабардино-Балкарском госуниверситете. В 1962 г. Б. М. Зумакулов избирается секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ, а в 1963–1971 гг. занимает пост первого секретаря обкома комсомола. С января

1972 г. по февраль 1975 г. работал в аппарате ЦК ВЛКСМ – первым заместителем председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. В 1971 году окончил аспирантуру Кабардино-Балкарского госуниверситета, в этом же году защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С февраля 1975 года по август 1980 года Б. М. Зумакулов является заведующим отделом пропаганды и агитации Кабардино-Балкарского обкома КПСС. В 1985 году был командирован в Демократическую Республику Афганистан в качестве советника. В 1986 году окончил полный курс Академии общественных наук при ЦК КПСС. С августа 1980 года по август 1991 года занимал пост секретаря, второго секретаря, первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС. Б. М. Зумакулов был делегатом XV, XVI и XVII съездов ВЛКСМ и XXIV съезда КПСС, депутатом Верховного Совета КВАСССР пяти созывов.

Б. М. Зумакулов награжден двумя орденами «Дружба народов», тремя орденами «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Имеет государственные

награды республики Афганистан. Б. М. Зумакулов избран почетным председателем Совета ветеранов комсомола Кабардино-Балкарии.

Комсомольские годы для меня были самые плодотворные и запомнившиеся. В них было немало молодежной романтики и, может быть, завышенной оценки того, что мы делаем, к чему мы призваны. Нам казалось, что от того, как мы работаем, как живем, зависит многое в жизни страны, республики, словом, «левой пяткой вращаем шар земли». А если серьезно, то мы занимались всем – патриотическим, трудовым, эстетическим, нравственным и физическим воспитанием детей и молодежи. Кабардино-Балкарская организация ВЛКСМ была в шеренге лучших организаций, и этому подтверждение слова тогдашнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжелникова Он писал: «...Походы по местам боевой и трудовой славы, ученические производственные бригады, лагеря труда и отдыха, студенческие строительные отряды, конкурсы профессионального мастерства, научно-технического творчества молодых, самые высокие урожаи кукурузы в комсомольско-молодежных коллективах, массовое развитие спорта, туризма и альпинизма, восхождения на Эльбрус – вот далеко не полный перечень добрых дел комсомольцев Кабардино-Балкарии, о которых знала вся страна».

В это время республиканские организации неоднократно награждались Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, переходящим Красным Знаменем, многие комсомольско-молодежные коллективы были занесены в книгу Трудовой славы ЦК ВЛКСМ. Комсомол республики имел большие и заметные традиции. Например, лично Сталин, Верховный Главнокомандующий, присылал благодарственные телеграммы в адрес первого секретаря обкома комсомола Б. Е. Кабалоева.

Кабалоев Биляр Емазаевич – живой свидетель и участник военного и послевоенного развития Кабардино-Балкарии. В самое трудное время для республики он возглавлял комсомольскую организацию. Многие яркие, знаковые инициативы и дела молодежи приходятся на его период работы. Да, его называли любимцем молодежи Кабардино-Балкарии, потому что он был всегда в ее гуще. Молодым и ярким задором, своей энергией он зажигал комсомольцев, вел их за собой. Был всегда правдивым, говорил искренне, убежденно, и, если проводились какие-то мероприятия, он был их душой, мотором. Да и время было трудное, голодное, но овеянное героикой и романтикой созидания.

Сам же Кабалоев очень скромно пишет о формах и методах работы партийных, советских, хозяйственных и комсомольских работников в те годы. «...Не хватало семян весной, да и пахать и сеять было нечем и некому – без мужчин, без техники, без тягловой силы. Приходилось запрягать коров. Мы встречались с вернувшимися фронтовиками, изму-

ченными войной женщинами, молодежными работниками. Трудно было вести эти беседы, но надо было многое разъяснить, выяснить, чем и как помочь сегодня-завтра. Очень важно было в такое время суметь посеять у людей веру в завтрашний день, объяснить трудности».

И ему, Биляру, это удавалось – он пользовался большим и неподдельным авторитетом у партийного, комсомольского и хозяйственного актива республики.

Биляр Емазаевич родился в Кабардино-Балкарии, по национальности – осетин. Он прекрасно знал обычаи и традиции народов республики. Кроме отличного владения русским языком он прекрасно знал осетинский и кабардинский языки, а на бытовом уровне общался и на балкарском. Везде и всюду он был свой. И не случайно Кабалоева Б. Е. с должности первого секретаря обкома комсомола избирают, минуя несколько традиционных ступеней, секретарем Кабардино-Балкарского обкома партии. На этой должности он работает успешно вплоть до перехода в 1952 году на работу в Северную Осетию. Но, уезжая из Кабардино-Балкарии, душой и сердцем он остался здесь – в Озреке, в Нальчике, в Кабардино-Балкарии.

Период деятельности Кабалоева Б. Е. первым секретарем Северо-Осетинского обкома является временем дальнейшего укрепления братства и дружбы между нашими республиками и их народами. Некоторые это связывают с его дружбой с лидером Кабардино-Балкарии Т. К. Мальбаховым. Да, они действительно были друзьями, притом самыми закадычными. Но это было только подспорьем. А главное – Кабалоев Б. Е. любил нашу республику, нашу землю пламенно и нежно.

Мне посчастливилось быть на 80-летнем юбилее Б. Е. Кабалоева. Практически вся Осетия собралась тогда чествовать своего легендарного, я не боюсь этого эпитета, гениального сына. С приветствиями выступали президент Осетии Дзасохов А. С., генералы и адмиралы, великие артисты и деятели культуры, а их у осетин, как известно немало. Выступал и я, по поручению президента Кокова В. М., от имени Кабардино-Балкарии. Не знаю, удалось ли мне высказать всю любовь народов Кабардино-Балкарии к своему земляку. Во всяком случае, я очень старался.

В своем ответном слове юбиляр сказал, что «...у него две Родины, две матери, вскормившие и вырастившие его, – это Кабардино-Балкария и Осетия. Причем, обе для него равные, как две груди матери, кормящие ребенка. Я в этот момент еще раз возрадовался за нашего друга и земляка – великого и мудрого гражданина России, который сделал неоценимо много для двух наших республик и для России.

Я знал и помнил всегда, что лучшие традиции комсомола республики формировались представителями старших поколений. У молодежи республики были свои ДнепрогЭС и Магнитка. Их руками строились первенцы индустрии Кабардино-Балкарии – Баксанская ГЭС и Тырныаузский

вольфрамомолибденовый комбинат, Докшукинский спиртзавод, гидротурбинный завод и другие объекты. Не было механизмов, не хватало жилья, продовольствия, но ребята не ныли, не пасовали перед трудностями. Тогда на всю страну гремели имена бригадира Хачима Урусова, экскаваторщика Фицы Молова, имена вожаков молодежи Нарта Кашежева, Зои Малкаровой, Дадужи Маховой, Нарчу Саральпова, Хасанби Черкесова, Тики Хажукарова, Гида Хагажеева... Знали их в Кабардино-Балкарии, все их почитали, молодежь брала с них пример. Надо вспомнить добрым словом Билю Мисостишхову, Чажу Таппасханову – горянок, которые не только пошли в общественное производство, но и своим примером участия в общественно-политической жизни повели за собой сверстниц, для которых раньше не было хода за порог своего села или сакли.

«Комсомолец – на самолет!» Этот лозунг нашел в свое время горячий отклик у молодежи Кабардино-Балкарии. Многие парни ходили в аэроклуб, учились авиационному делу. Воспитанники этого клуба в годы войны показали прекрасный пример служения Родине. Это Алим Байсултанов, Ахмедхан Канкошев, Абдулсамат Юсупов, Кубати Карданов, Назир Канукоев, Абдуллах Тхакумачев. 40 тысяч юношей и девушек направил комсомол на фронт, двадцать из них стали героями, тысячи награждены орденами и медалями. В краеведческом музее г. Нальчика хранится комсомольский билет, пробитый вражеской пулей. Принадлежал он воину-комсомольцу Хизиру Шогенову. Перед боем Шогенов написал клятву родине и комсомолу. В упорном бою Хизир уничтожил много фашистов, но и сам был тяжело ранен. Чудом удалось его спасти.

В шестидесятые годы к жителям селения Яникой Чегемского района, к землякам Героя Советского Союза Алима Байсултанова приезжал Герой Советского Союза генерал-лейтенант Василий Федорович Голубев, бывший командир четвертого гвардейского полка морской истребительной авиации, человек, который прошел всю войну, совершил свыше 600 боевых вылетов, сбил 39 фашистских самолетов. Он сказал об Алиме: «Вы вырастили могучего орла, лучшего летчика Балтики. Позвольте низко поклониться Вам». Много славных дел у молодежи республики на трудовом фронте в годы восстановления народного хозяйства. Из руин и пепла в короткий срок были подняты города и поселки, восстановлены и вновь построены фабрики и заводы. На освоении целинных и залежных земель трудилось 4800 юношей и девушек. В 60-е годы мастерами высоких урожаев являлись Женя Сабанчиева, Владимир Маиров, Люся Батиргоева, Нина Нагаплежева. Так, Женя Сабанчиева получала свыше 100 ц кукурузы с гектара. Опыт работы ее звена был одобрен в ЦК ВЛКСМ, и ее имя было занесено на Всесоюзную Доску Почета.

Эти и другие факты говорят о том, что традиции старших поколений комсомольцев и молодежи до моего прихода были высоки и непререкаемы. И, надо признаться, немало беспокойных дней и бессонных ночей

было у меня впереди, чтобы утвердиться в комсомольско-молодежной среде и в активе, стать лидеров в такой авторитетной комсомольской организации. Для меня примером были вожаки молодежи, которые в разное время своим трудом, своим умением создавали престиж и авторитет комсомола республики, и я хотел бы назвать их имена. Это С. Кожаев, Я. Вербицкий, Е. Сухова, Э. Шериев, А. Грамп, А. Водахов, А. Мирзоев, Т. Жакомихов, М. Байсиев, М. Уначев, Н. Евгажуков, М. Кеневич, М. Наков, М. Хараев, Х. Берикетов, Х. Чеченов, Х. Атакуева, А. Мальбахов, Д. Махова, Б. Кульбаев, Ф. Арсаева, Р. Сабанчиева, М. Ахметов, М. Шекихачев, К. Эфендиев, Б. Бозиев, В. Дудуев, А. Балуев, М. Докшоков, А. Кануков, А. Балуев, В. Мастафов, А. Хажуев, А. Жигатов, А. Дышекова, В. Хамуков, М. Магометханов, Б. Чабдаров, А. Чофанов, Ю. Шурдумов, А. Ахубеков, Г. Новосельцева, М. Кодзоков и много-много других славных граждан республики – всех не перечислишь!

Тогда было время динамичное, особенно комсомольские работники долго на одном месте не засиживались. А я, будучи избранным первым секретарем обкома ВЛКСМ в 1963 году, проработал в этой должности вплоть до 1971 года, когда был приглашен на работу в Москву, на должность первого заместителя председателя Центрального Совета пионерской организации им. В. И. Ленина.

Первым секретарем ЦК ВЛКСМ с 1968 года работал Е. М. Тяжельников. Он много ездил по стране, бывал неоднократно и в Кабардино-Балкарии, посещал первичные комсомольские организации, был очень дружен с нашим первым секретарем обкома партии Т. К. Мальбаховым, ко мне также относился подчеркнуто уважительно.

Как сказал выше, я много лет проработал в должности первого секретаря обкома комсомола. Конечно, кое-кому казалось, да и мне самому, что я слишком уж «задержался», тем более что уже выросшим на моих глазах комсомольским работникам тоже надо было расти по службе.

И когда я получил предложение от заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ Владимира Титовича Иванова и второго секретаря ЦК ВЛКСМ Бориса Николаевича Пастухова, я, особо не задумываясь, дал согласие, хотя вопрос еще не был обговорен с первым секретарем обкома партии. Когда я об этом сказал Т. К. Мальбахову, он, как я понял, не был готов к такому повороту и не был очень доволен, но, в то же время, предложение о моем переходе на работу в Москву благословил.

Самое интересное произошло позднее, когда меня проводили в кабинет первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. Дело в том, что я давал согласие на работу в должности первого заместителя заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, а к Тяжельникову меня повел второй секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов.

Евгений Михайлович, внимательно полистав мое личное дело, вдруг говорит Пастухову: «А что мы первого секретаря обкома ВЛКСМ, кан-

дидата наук, работавшего пионервожатым, начальником пионерского лагеря отправляем на бюрократическую работу, а не на педагогическую, творческую. Вот у нас есть Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. Туда и надо рекомендовать Бориса Зумакулова». В это время я чувствую взгляд Б. Н. Пастухова, мол, держись, не давай согласия. Но Е. М. Тяжельников продолжал уже рассказывать, как надо строить работу, на что надо первое время обратить внимание, как это важно для воспитания детей и подростков, тем более, сказал он, что должность первого заместителя председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина – это в структуре ЦК ВЛКСМ и приравнивается к должности зав. отделом ЦК ВЛКСМ. Его дальнейшие рассуждения окончательно определили мою участь. Так я стал, как потом друзья меня называли, «первым пионером Советского Союза», и об этом не жалею. Ибо на самом деле по служебным своим обязанностям мне приходилось общаться с видными учеными, педагогами, видными военачальниками, космонавтами, великими артистами, деятелями культуры, искусства. Например, с маршалами И. С. Коневым, И. Х. Баграмяном.

Евгений Михайлович Тяжельников – один из тех, кто сыграл в моей жизни большую роль. Для нас всех тогдашних секретарей обкомов, крайкомов комсомола он был величайшим авторитетом. До прихода на должность первого секретаря ЦК ВЛКСМ в 1968 году Е. М. Тяжельников успел поработать ректором Челябинского педагогического института, секретарем Челябинского обкома КПСС. Кандидат педагогических наук, доцент, он в деятельность комсомола пытался внести научно-педагогические основы, вовлекал в сферу молодежного движения крупных ученых. Именно при нем были созданы подразделения в ЦК ВЛКСМ, отделы по работе с научной молодежью. Проводились конференции молодых ученых по конкретной тематике, были учреждены премии Ленинского комсомола за достижения молодых ученых в науке. Кстати сказать, первым лауреатом Ленинского комсомола в области науки стал наш земляк, бывший делегат XVI съезда комсомола Михаил Залиханов. В период деятельности Е. М. Тяжельникова стали входить в практику Всесоюзные слеты, областные и республиканские слеты по профессиям.

Помнится, Всесоюзный слет молодых чабанов проводился в Киргизии, в городе Фрунзе (ныне Бишкек), куда была приглашена делегация из нашей республики. Слеты «Слава труду», всесоюзные, республиканские, областные вахты памяти, посты № 1 у памятников и обелисков павшим героям Отечественной войны, походы по местам боевой и трудовой славы советского народа. Эти и другие яркие, эмоциональные акции комсомола инициировались, одухотворялись, организационно оформлялись лично первым секретарем ЦК ВЛКСМ Евгением Михайловичем Тяжельниковым. Он очень любил ездить по стране, бывать в комсомольских организациях, был прост в общении, обладал ярким талантом оратора, умел

любую аудиторию заинтересовать и сделать своим союзником. Бывал он неоднократно и в Кабардино-Балкарии, посещал комсомольские организации СКЭП, «Телемеханика», медицинского училища. Встречался с журналистами коллектива редакции «Советская молодежь».

Евгений Михайлович очень по-доброму относился ко мне. Наши личные отношения переросли в многолетнюю дружбу.

Итак, в 70-е годы я работал в Москве в должности первого заместителя председателя Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. По тому времени это была большая, заметная должность, ибо одновременно избирался и членом ЦК ВЛКСМ. Центральный совет пионерской организации издавал популярную газету «Пионерская правда», журналы «Пионер», «Вожатый», «Мурзилка», целый ряд другой газетной продукции. Одновременно мне, помимо всех прочих функциональных обязанностей, было поручено курировать всесоюзные детские здравницы «Артек», «Орленок» и следить за распределением по регионам путевок и правильным отбором детей. В то время было принято проводить целевые смены: «Слеты юнармейцев», «Юных натуралистов» и т.п., победителей различных конкурсов. Особенно тяжело было летом. В пионерские лагеря «Артек» и «Орленок» стремились попасть дети и внуки московской партийной, советской, комсомольской, хозяйственной и культурной элиты. Не было отбоя от писем, звонков и визитов. Однажды позвонил по «вертушке» незнакомый мне человек, представился как Петров и строгим голосом сказал: «Срочно дайте путевки для нужд семьи Брежнева». Я грешным делом подумал: при чем здесь Петров и семья Брежнева, и отказал. Потом было объяснение у самого Тяжельникова. Единственное оправдание – я недавно в Москве и ничего не знал о Петрове, пусть назвал бы свою официальную должность. Но, кажется, пронесло, случай постепенно забывался.

Вдруг где-то в июле-августе 1974 г. прихожу на работу, а в приемной сидит парень невысокого роста, с включенным чубом и в потрепанной кожанке. Я в кабинет – он за мной, и эдак вальяжно садится за приставной стол и с ходу бросает: «Мне две путевки для детей Марины Влади», – и подает письмо чрезвычайного и полномочного посла Советского Союза во Франции с просьбой выделить путевки для известной французской актрисы, активистки общества франко-советской дружбы Марины Влади.

Я весьма удивленно посмотрел на предъявителя бумаги и почему-то невольно спросил у него: «А при чем Марина Влади, посол СССР во Франции, резолюция Тяжельникова и Вы?» Он сделал еще более удивленное лицо, слегка прищурил глаза и, почти жалея меня, гордо сказал: «Вся Москва, вся Россия знает, что я – Высоцкий, муж Марины Влади, а у нее есть дети. А вы этого не знаете!» Я действительно до этого не видел лично Владимира Высоцкого, слушал его песни, но чтобы вот так неожиданно встретиться и по поводу путевок для Марины Влади!

В этот раз я, конечно, все быстро решил, чтобы снять неудобство момента, сам вызвал зав. сектором пионерлагерей «Артек» и «Орленок» Г. И. Чубарову и попросил принести два чистых бланка путевок. Здесь же при нем оформили, поставили печать. Пока это делали, секретарь-референт готовила кофе, а сотрудники то и дело под разными предложениями приходили посмотреть на самого Высоцкого. Мы выпили кофе, разговорились, оказалось, он хорошо знал Кавказ, Кабардино-Балкарию, любил горы и т. д.

Уходя, он дружески улыбнулся – достал из кармана поношенной кожанки две контрамарки с его инициалами и гордо сказал: «Приглашаю на Таганку, на все спектакли контрамарки действительны». Бывал я на спектаклях, видел блестящую игру Высоцкого, правда не стал заходить за кулисы, не стал обозначаться, ибо к этому времени у него не было отбоя от кумиров, почитателей, да и просто «фрондирующей» молодежи.

В годы моей комсомольской юности мы все как один ходили под впечатлением побед нашего советского народа в космосе. Да, мы гордились, мы были счастливы от сознания того, что наши советские молодые люди были первыми в космосе. Восторг и энтузиазм молодежи, да и взрослых, можно было разве что сравнить с победой в 1945 году над немецко-фашистскими захватчиками. Во всяком случае, я об этом слышал много раз от тех, кто победил в той войне и торжествовал победу.

Я отношусь к тем немногим счастливицам, которые были лично знакомы с космонавтами, и со многими из них меня связывали многолетние дружественные отношения. Может быть, кому-то покажется бахвальством, но именно фотография нашей делегации вместе с Ю. А. Гагариным и А. Н. Николаевым на Красной площади, которые также были делегатами съезда комсомола, были опубликованы во многих периодических изданиях, и напечатаны в большинстве книг о Юрии Гагарине.

Так уж случилось, что судьбе было угодно, что вместе с делегатами съезда из КБР и ряда республик Северного Кавказа Ю. А. Гагарин поехал на встречу с молодыми рабочими ЗИЛа. Более трех часов мы все находились в плену обаяния и душевной теплоты Юрия Алексеевича. Мы видели, как он, общаясь с людьми, прост и доступен. Как он понятно и искренне говорит, как его люди слушают. В его жизни отразилось все хорошее и чистое, что было в то время в простых русских, советских молодых людях. Для тех, кто может заподозрить меня в панибратстве и в желании покрасоваться на фоне Гагарина, могу сказать, что после трагической гибели первого космонавта планеты его жена Валентина и две дочери бывали здесь – в Кабардино-Балкарии. Мы показывали им красоты республики, поднимались на склоны Эльбруса на высоту 3,5 тыс. метров.

Может быть, в силу географического расположения республики, а может, иное какое-то тяготение, но практически все космонавты

тех первых героических лет после полетов приезжали в Кабардино-Балкарию, бывали в коллективах, в молодежных бригадах, проходили акклиматизацию в Приэльбрусье. Конечно, мы делали все, чтобы им понравилось – зачисляли их в комсомольско-молодежные бригады и смены, многим присваивались звания почетных граждан наших городов. Закладывалась аллея космонавтов. О пребывании космонавтов Алексея Леонова, Виктора Горбатко, Бориса Волынова, Владимира Шаталова, Алексея Елисеева, Георгия Гречко и многих других в Кабардино-Балкарии напоминают голубые ели у Дома Правительства КБР.

Как я уже упоминал, в годы работы в ЦК ВЛКСМ приходилось по делам Всесоюзной пионерской организации быть в контакте со многими руководителями союзных и федеративных органов, ведомств и организаций, имевших отношения к образованию, воспитанию, организации труда и отдыха детей и молодежи. В частности, приходилось часто бывать на союзных и федеральных фестивалях творческих Союзов, коллегиях, заседаниях правлений, где обсуждались проблемы детства и юношества. В 1972 году при подготовке и проведении 50-летия Всесоюзной пионерской организации им В. И. Ленина я входил в оргкомитет по подготовке и принимал участие в работе рабочей группы по подготовке постановления ЦК КПСС «О 50-летию Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина», а также в подготовке мероприятий ЦК ВЛКСМ по выполнению постановления ЦК КПСС. Ни в коей мере не завышая свою роль, тем не менее, хочу заметить: именно Центральному Совету Всесоюзной пионерской организации, который возглавляла Алевтина Васильевна Федулова, выпала тяжелая ноша проведения основных мероприятий по организованному и методическому обеспечению юбилея. О важности и ответственности их можно судить по тому, что торжественное заседание, посвященное юбилею, проходило в Кремлевском Дворце съездов с участием всего руководства страны во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

В рамках подготовки к юбилею был предпринят ряд конкретных государственных мер по подготовке детского движения в стране, по улучшению материально-технической базы детских дошкольных и внешкольных учреждений. К слову сказать, именно в это время было принято решение о строительстве Всесоюзной детской здравницы типа «Артек» в Приморском крае, строительстве новых Дворцов пионеров и школьников и обновлению существующих. Именно в это время было решено строить детский музыкальный театр в Москве, который ныне носит имя Натальи Ильиничны Сац.

Хочу подчеркнуть, что Алевтина Васильевна Федулова оставила яркий и незабываемый след в детском и юношеском движении. Она была женщиной незаурядной, красивой и обаятельной, но ко всему этому еще высокообразованной, хорошо чувствующей пульс жизни детской

организации, умеющей находить друзей организации, спланировать их и настраивать, как говорится, «на дела хорошие».

В период работы в комсомоле в республике, а потом в Москве в ЦК ВЛКСМ у меня сложились очень теплые доверительные отношения с секретарями ЦК ВЛКСМ С. П. Павловым, В. А. Саюшевым, В. Т. Дувакиным, А. Х. Везириным, Г. П. Елисеевым, Л. К. Балясной, З. Г. Новожиловой, Т. А. Куценко, Б. К. Пуго.

С особой благодарностью я вспоминаю Б. Н. Пастухова, который, будучи первым секретарем ЦК ВЛКСМ, Председателем Госкомитета СССР по печати, зам. министра иностранных дел РФ, послом Советского союза в Афганистане, оказывал мне дружескую, братскую поддержку. Безусловно, Пастухов был и есть знаковый человек, он много сделал для страны, для нашего Отечества и, думается, история это оценит и воздаст ему должное.

В феврале 1975 года мне в Москву позвонил сам Т. К. Мальбахов и предложил вернуться в Нальчик, на работу в обком КПСС, назвал конкретную должность заведующий отделом пропаганды и агитации областного комитета. Я поблагодарил Тимбору Кубатиевича и попросил дать время для раздумий. Он же, к моему удивлению, легко согласился, но добавил: «Жду ответа завтра». Я, естественно, пошел к своему первому секретарю ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникову. Когда зашел в его кабинет, сразу понял – шеф обо всем знает. Не успел я сказать о цели своего визита, Тяжельников произнес: «Знаешь, Борис, нам не хотелось тебя отпускать, но мой друг Тимбора Кубатиевич очень сильно попросил, и я единственно что мог сделать – это взять отсрочку по времени, для встречи с тобой». Много добрых слов сказал Тяжельников в мой адрес, я был очень тронут, но понял: моя судьба решена и мне надо возвращаться в Нальчик.

Надо сказать, коллеги по аппарату Центрального Совета провожали меня очень тепло. ЦК ВЛКСМ наградил Почетной грамотой, вручал лично Е. М. Тяжельников. Когда вернулся домой, на меня нашла такая грусть, было трудно объяснить. Вроде бы радость возвращения домой, в Нальчик, где ждали и мать, и многочисленные друзья и родственники, возвращение на партийную работу, по тому времени вполне заметная должность... но, тем не менее, завершился длительный этап в моей трудовой деятельности, да и вообще жизни, трудной и сложной, но овеянной романтикой молодости. И сегодня, по прошествии многих лет, я как «сладкую песню» своей юности и молодости вспоминаю дни работы в комсомоле и, вопреки всякого рода домыслам «доброжелателей», считаю: комсомол много сделал для страны и земли нашей, и в моей судьбе, как и в судьбах миллионов молодых людей, сыграл выдающуюся роль, за что мы будем ему вечно благодарны.

*Валерий КРУШЕЛЬНИЦКИЙ,
заслуженный журналист КБР,
член СП России*

НАША КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

Комсомольская эпоха в истории нашего советского государства всегда ассоциировалась и будет ещё долгие десятилетия ассоциироваться с высокой нравственностью и моралью, огромной духовностью, патриотизмом, честностью и порядочностью, дружбой между всеми народами, живущими в великой стране Советов, преданностью и любовью к своей малой и большой Родине. Эти высокие принципы советского комсомола мы всегда должны помнить и чтить.

Яркую, незабываемую страницу в истории станицы, а затем и города Прохладного оставило его молодое поколение и прежде всего его комсомолия.

После освобождения от белогвардейцев в марте 1920 г. станицы Прохладной здесь прошло собрание молодых станичников, на котором была организована первая комсомольская ячейка. В неё вошли Арсений Головко – будущий советский адмирал, Александр Казаченко – будущий учитель, оставивший о Прохладной интересные записки, Иван Прасол, Фёдор Негрей – один из первых прохладненских милиционеров, Тимофей Головин – будущий начальник Прохладненского паровозного депо, Стас Василевский, Леонид Поскудный, Дима и Люся Сорокины, Лиза Яровая, Мария Козлова, Иван Ситник, Дима Ткаченко, Маруся Самохвалова, Василий Бузо, А. Вормин – железнодорожник, А. Сорокин, А. Н. и В. Н. Остапенко – дочери казнённого белогвардейцами прохладненского политкомиссара Николая Остапенко. Комсомольская ячейка первые свои заседания проводила на втором этаже дома купца Алавердова (в этом доме сегодня располагается редакция городской газеты «Вести Прохладного»).

В первую ячейку вошли и красные бойцы Виктор Дорошев и Николай Королёв. Секретарём станичной комсомольской ячейки был избран Виталий Строев, его заместителем – Арсений Головко. В своё время Виталий Строев вспоминал: «...Арсений был шустрым парнем. В то время ему исполнилось всего 14 лет, но энергия в нём кипела, до всего ему было дело. Он участвовал в экспроприации у кулаков в населённых пунктах Прохладненского района излишков зерна, уделял внимание ликвидации

*Арсений Головко, курсант
военно-морского училища
им. М. В. Фрунзе*

неграмотности у взрослого населения станицы, активно боролся в отряде ЧОНа (части особого назначения) с бандитизмом. Но каким бы делом ни занимался Арсений Головка, он всё время мечтал о море. И я очень рад, что его мечта со временем претворилась в жизнь».

Он же в 1921 г. становится секретарём волостной комсомольской организации, ибо к этому времени комсомольские ячейки уже были созданы на чугунолитейном заводе «Дарьял», Прохладненской ж/д станции, в с/х школе (сегодня ТСХТ), станицах Солдатской, Екатериноградской, Приближенной, селениях Алтуд, Карагач и других населённых пунктах Прохладненского района.

Первые прохладненские комсомольцы принимали самое активное участие в проведении всех знаменательных событий в жизни станицы. В первую очередь это касалось революционных праздников. Они приводили в порядок клуб, писали лозунги, разучивали революционные песни. Главными запевалами этих песен были комсомольцы: Володя Грабовец, Пётр Кравцов, Наташа Богатырёва, Лиза Яловая, Мария Козлова, Борис Середин и др.

В станице Прохладной в 1921 г. был организован и отряд ЧОНа (части особого назначения), и первые прохладненские комсомольцы принимали самое активное участие в борьбе с бандитизмом. Первым отрядом Прохладненского ЧОНа командовал Василий Леонидович Скибо. В народе этот отряд получил название «Терские орлы». Активно в нём воевали Арсений Головка, Фёдор Негрей, Василий Бузо и другие молодые ребята.

Но кроме борьбы с бандитами прохладненские комсомольцы, выполняя решения советской власти, принимали участие в хлебозаготовках, ликвидации неграмотности среди взрослого населения, организации субботников, как на ж/д станции Прохладная, заводе «Дарьял», артелях и мастерских, так и непосредственно на территории самой станицы.

Из архива, имеющегося в локомотивном депо, мы узнаём, что по примеру московских железнодорожников весной 1920 г. «...в паровозном депо станции Прохладная была проведена «Неделя труда» – прообраз будущих субботников и воскресников. Основным трудовым ядром этой «недели» стали молодые железнодорожники. За эту неделю ими было отремонтировано 32 паровоза, 800 грузовых и 2 пассажирских вагонов. В недели труда приняло участие 2378 трудармейцев».

Кроме того, один из первых субботников был проведен в весенние дни 1922 г., когда «...лес при Суздальской мельнице, на границе Прохладной и селения Прималкинского, был превращён в сад-парк для гуляния народа». Это был наш нынешний нижний парк. В том же году был заложен и верхний парк.

Прошло несколько лет. Значительно выросло число комсомольских организаций и ячеек, как в станице, так и на территории Прималкинского и Прохладненского районов. Это способствовало тому, что в 1925 г. организуется Прохладненский райком комсомола, секретарём которого становится Старухин.

С каждым годом в стране укрепляется Советская власть. Перед народом ставятся новые задачи, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Комсомол страны, Кабарды и Балкарии, а в их числе и прохладненские комсомольцы принимают самое активное участие в организации на селе первых сельскохозяйственных коммун, товариществ по обработке земли (ТОЗов, которые затем преобразовывались в колхозы).

При активном участии прохладненской молодёжи и комсомольцев в станице была организована в 1926–1927 гг. сельхозкоммуна «Прогресс». В 1929 г. она становится колхозом «Терек». Инициатором его создания и одним из первых его председателей становится прималкинский комсомолец Михаил Фёдорович Красюк. Он же был и одним из первых станичных трактористов. Погиб в годы Великой Отечественной войны.

Из этой же сводной ведомости мы узнаем о том, что безвозвратные потери наших земляков с 1941 г. по 1945 г. составили 6046 человек: по городу Прохладному – 3583 человека, по Прохладненскому и Прималкинскому районам – 2463 человека. Как мы уже говорили выше, с началом войны в военкоматы нашего города и района пошли люди призывного возраста, пожилые и совсем юные – ученики средних школ.

Много славных имен помнят прохладненцы: Герой Советского Союза адмирал Арсен Головкин, летчик-истребитель Николай Диденко, летчик А. И. Бирюка, разведчик Виктор Бойченко, летчик Николай Спивак, лейтенант Воронов, знаменитый снайпер кавалер ордена Славы 3-х степеней – Николай Герасименко, Иван Радченко, кавалер ордена Александра Невского лейтенант Иван Клюев, младший лейтенант Александр Ковалев, партизан-подпольщик Владимир Меликьянц.

Юные подпольщики сжигали машины с горючим, добывали для раненых советских солдат и партизан лекарства. Погибли партизанки Харитина Куликова и Мария Васильева. О героической борьбе наших земляков, в том числе и комсомольцев, можно перечислить еще много фактов.

Героизм прохладняне проявляли не только на фронтах, но и в тылу – под лозунгом «Все для фронта, все для победы». Под руководством своего комсомольского актива городская молодёжь и комсомольцы, вместе со старшим поколением в первые послевоенные годы восстанавливали разрушенный фашистами Прохладный. В нём было много сожженных жилых домов, были уничтожены медицинский комплекс, железнодорожный узел, многие другие промышленные и гражданские объекты.

Пример в труде показывали и комсомольцы железнодорожной станции Прохладная, в частности одного из крупнейших ее подразделений – локомотивного депо имени Героя Советского Союза Г. Варавченко. Одних только членов паровозных бригад здесь насчитывалось до 350 человек, из них машинистов, непосредственно работающих в депо, было до 150 человек. Более половины из них это люди молодого возраста, поэтому по примеру других железных дорог страны здесь в начале

1950-х годов начинают организовываться комсомольско-молодежные паровозы, смены и бригады. Появились комсомольские поезда, носящие имена Г. Варавченко, героев-краснодонцев, героев-космонавтов.

Все эти и многие другие достижения молодых прохладненских железнодорожников – это была, прежде всего, работа узлового комитета комсомола, которым в разные годы руководили Николай Талалайкин, Борис Ярмоленко, Анатолий Самойленко, Антонина Кочерова, Надежда Ляшенко, Михаил Можар, Наталья Ведмич, Лидия Гусева. А в локомотивном депо с молодыми железнодорожниками в 1950–1970-е годы работали секретари комсомольской организации А. Беседин, В. Козлов, А. Самойленко и другие.

В жизни города Прохладного большую созидательную роль играл не только железнодорожный транспорт, но автомобильный, как грузовой, так и пассажирский. От его работы во многом зависело бесперебойное обеспечение, в намеченные сроки, промышленных, сельскохозяйственных, торговых и коммунальных предприятий необходимым сырьём, оборудованием, а также перевозка пассажиров и многие другие виды работ, от которых зависело нормальное функционирование всего народного хозяйства города.

В городе работали и многие другие молодёжные и комсомольско-молодёжные коллективы. Авангардом социалистического соревнования были не только эти коллективы, но очень многие молодые передовики производства.

Большую роль в этих соревнованиях играл «Комсомольский прожектор», его печатные органы на местах.

Наряду со всеми, молодые строители, как, в общем, и вся молодёжь, все комсомольцы города Прохладного, умели не только хорошо и отлично работать, но и принимали самое активное участие в общественной, культурной и спортивной жизни города и Прохладненского района. Среди комсомольцев организовывались спортивные состязания, туристические походы, культурно-развлекательные мероприятия.

Комсомольское движение нашего города под руководством городского комитета ВЛКСМ всегда было очень активным. Комсомольцы и молодёжь города Прохладного и Прохладненского района постоянно участвовали в регулярно проводимых субботниках и воскресниках, шефствовали над участниками и инвалидами Великой Отечественной войны, над пионерскими организациями, занимались другой многочисленной общественной работой.

В организации и проведении городских мероприятий системную и активную помощь оказывали руководители республиканских органов. Всегда были запоминающимися встречи с первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома комсомола Борисом Мустафаевичем Зумакуловым. Простой, очень доступный в общении Борис Мустафаевич всегда оказывал необходимую помощь в решении той или иной проблемы.

*Первые комсомольцы ст. Прохладная.
Первый ряд с п р а в а – В. П. Строев, секретарь комсомольской ячейки.
Второй ряд – второй с п р а в а С. О. Ерусалимский*

Прохладненская комсомольская организация зарождалась в тяжелые годы гражданской войны. Верная помощница Коммунистической партии, она всегда была в первых рядах борцов за Советскую власть.

Первая комсомольская ячейка в Прохладном возникла в марте 1920 года. Ее возглавил Виталий Строев. Среди 20 комсомольцев ячейки были Арсений Головко, Александр Казаченко, Дмитрий и Людмила Сорокины, Леонид Подкурский, Мария Козлова, Федор Негрей, Семен Головин, Виктор Дорышев, Николай Королев и другие.

Трудно было в то время. Свирепствовали каратели, бесчинствовали деникинцы. Притаившиеся кулаки и бывшие белогвардейцы подстерегали комсомольцев и коммунистов и стреляли в них из-за угла.

Много славных страниц вписали прохладненские комсомольцы в годы первых пятилеток. С их участием строились Комсомольск-на-Амуре, Магнитка, Баксангэс, теплоэлектростанция, мотороремонтный завод в городе Прохладном!

Мы с гордостью называем имена ветеранов труда: П. П. Антоненко, В. А. Мирошниченко, И. Ф. Недоступа, Ш. А. Гороха, С. И. Логвинова, Н. И. Гордуся, А. Г. Пилинского, Е. Ф. Сисенкову, А. К. Кулаковского, которые с честью пронесли комсомольскую эстафету первых пятилеток.

Тысячи воинов-комсомольцев города Прохладного встали на защиту завоеваний Октября в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками они везде и всюду проявляли стойкость и мужество. Замечательными советскими патриотами показали себя на фронте воспитанники прохладненского комсомола А. И. Бирюк, И. К. Маслюченко, А. И. Портянко, кавалеры орденов Славы трех степеней В. Ф. Буцало, И. А. Герасименко, М. П. Павленко и многие другие. Комсомольцу Варавченко Григорию Даниловичу за исключительный героизм и отвагу посмертно присвоена высшая степень отличия – звание Героя Советского Союза.

Мужественно сражались с врагом прохладненские комсомольцы Т. Н. Анисимова, О. И. Герасименко, А. К. Попова, Т. М. Букша, М. П. Кулаковская, Т. П. Захарченко и другие. Мы будем вечно благодарны всем тем, кто боролся за укрепление социалистического Отечества в боях и труде.

Нельзя забывать то, что во главе комсомольской организации г. Прохладного, Прохладненского района в те годы стояли очень энергичные, влюблённые в свой город, в свою малую Родину, талантливые руководители, которые много сил, энергии, здоровья вкладывали в то, чтобы те задачи, которые ставились перед молодёжью страны, Кабардино-Балкарии и конечно же г. Прохладного, выполнялись с честью и достоинством.

И вожаки прохладненской комсомолки, их актив никогда не должны забываться. Вот эти имена: В. Строев, Старухин (1920–1930 гг.), Андрей Мельник, Анатолий Кожемякин, Николай Громыко (1940–1950-е гг.), Сантиков Анатолий Хасетович (1961–1968 гг.), Новосельцева Галина Петровна (1968–1972 гг.), Левченко Алла Витальевна (1972–1976 гг.), Власов Александр Алексеевич (1976–1978 гг.), Матросов Александр Петрович (1978–1984 гг.), Широбоков Александр Михайлович (1985–1988 гг.), Самохин Виталий Геннадьевич (1987–1989 гг.), Бурдюгов Вячеслав Георгиевич (1989–1991 гг.) Огромную благодарность за активное участие в жизни города, мобилизации на это благородное дело молодёжи и комсомольцев нельзя не сказать в адрес М. И. Абазехова, Н. А. Маслова, А. Д. Ахубекова, Р. П. Шищенко, Х. Х. Хашкуева, Н. Ф. Хапаевой, Б. А. Этуева, О. В. Ляпина, А. Самойленко, А. Голосовой, А. И. Розсоха, Е. И. Балабуркина И этот список вторых секретарей Прохладненского ГК ВКСМ и его актива ещё можно продолжать и продолжать. Их было много. Но мы их всегда будем помнить.

Из сведений о числе лиц, призванных в Красную армию с начала Великой Отечественной войны и по 15 августа 1944 года, подписанных военкомом КБАССР полковником Добровольским (Центр документации новейшей истории КБР Ф. 5, оп. 1, д. 770, л. 61), мы узнаем, что прохладненским военкоматом на фронт было призвано 7492 человека, Прималкинским – 1676 человек. А с августа 1944 г. и по май 1945-го в армию было призвано еще около 3000 человек.

Султан ТХАЗЕПЛОВ

МЫ ИЗ СТРАНЫ КОМСОМОЛИИ

Прошло уже пятьдесят лет с тех пор, как советские войска, вместе с войсками государств, входивших в организацию Варшавского договора, смогли предотвратить захват власти в Чехословакии оппозиционерами, которым помогали западные спецслужбы. Это произошло после того как правительство Чехословакии обратилось за помощью к Советскому Союзу и другим странам социалистического содружества.

Страны Западной Европы и Америка хотели совершить в Чехословакии то же самое, что удалось им сделать в СССР в 1990-х годах. Я в то время проходил срочную службу в группе советских войск в Германии (ГСВГ). Мне пришлось принять участие в этих событиях с 22 августа по 27 октября 1968 года.

В ряды Советской Армии меня призвали 23 ноября 1966 года, а служить пришлось в авиации. В Калининградском военном авиационно-техническом училище (КВАТУ) мы прошли учебу, и я со многими моими сверстниками получил специальность «Авиамеханик самолетов с реактивными двигателями». После семи месяцев учебы меня для дальнейшего прохождения службы направили в ГСВГ.

Мы обслуживали самолеты во время учебных полетов, делали предварительную подготовку самолетов к полетам, занимались техническим обслуживанием боевых машин. Офицеры занимались с нами политподготовкой, мы заступали на дежурство и в караул. Так проходило время, но занятия по воинской специальности стали проводить заметно чаще обычного, на политзанятиях офицеры подробно говорили о том, что происходит в Чехословакии.

21 августа рано утром мы узнали, что советские войска, вместе с другими войсками стран-участниц Варшавского договора, пришли на помощь чехословацкому народу по просьбе их правительства. Этим же утром 21 августа 1968 года на нашем аэродроме произвели посадку военно-транспортные самолеты АН-12. Мы погрузили в эти самолеты все имущество полка. Ночь провели около самолетов, ждали команду на вылет, рано утром 22 августа весь личный состав полка погрузился в эти же самолеты. Через два часа наш самолет совершил посадку на территории Чехословакии. Когда мы вышли из самолета, нас удивило одно: во всех местах, где можно было писать, были написаны антисоветские лозунги (после, когда мы встречались с солдатами чехословацкой армии, они рассказали нашим офицерам, что все эти лозунги были написаны по приказу их командира полка). Но этому командиру полка в начале сентября пришел вызов из Москвы на учебу в Военно-воздушную академию. Мы разгрузили транспортные самолеты, определили, где можно

ставить самолеты нашей эскадрильи. Потом в небе появились самолеты нашего полка, они сели один за другим. После постановки самолетов на стоянку мы начали заниматься своим хозяйством. Поставили палатки для личного состава, а их было много, для летчиков, технического состава, для столовой и т. д. Так, незаметно для нас, подошел вечер. Мы заступили на караул, на каждом посту по два солдата.

Вечером, когда я находился на аэродроме, меня нашли двое солдат, прибывших из Польши. Они были из мотострелкового полка, который прибыл накануне. Сразу же по прибытии на аэродром они стали спрашивать наших солдат: «Есть ли здесь кабардинцы?» Те указали на меня. Один из них – младший сержант Шуков Амурбий из села Куба. Второй солдат – из села Малка, имени и фамилии второго я уже не помню. Мы поговорили о доме, о родных, о Чехословакии, где на тот момент находились, о службе, потом попрощались и разошлись по своим подразделениям, больше побыть вместе не позволяло время. На следующий день они убыли на новое место службы.

Вечерами, когда выпадало время, свободное от нарядов, мы общались с солдатами чехословацкой армии. Беседы наши касались в основном событий в Чехословакии. Мы говорили, что западная пропаганда ввела их в заблуждение. Сначала они относились к нам настороженно, боялись своих командиров, опасались разговаривать с нами. Но потом стали приходить к нам чаще, даже иногда со своими офицерами, но те не вступали с нами в контакт, а стояли сзади своих солдат и внимательно нас слушали.

По вечерам, в свободное от нарядов время, на открытой площадке собирались солдаты и офицеры, чтобы смотреть советские кинофильмы, сюда приходили и чехословацкие солдаты. Им тоже нравились наши фильмы, с каждым разом зрителей становилось больше. В политическом отношении наш рядовой солдат был более грамотным, чем их офицеры (я имею в виду офицеров технического состава), и в международном положении наши солдаты разбирались лучше. Что касается летного состава чехословацкого полка, как нам говорили их солдаты, ночных полетов они не совершали давно. Наши же летчики с первого дня летали и днем и ночью, чехословацкие солдаты видели, как взлетают наши самолеты – ночью при включенном форсаже, и садились на взлетно-посадочную полосу в свете прожекторов.

В конце октября 1968 года поступил приказ о возвращении на место постоянной дислокации. 27 октября мы возвратились на наш аэродром. Всем солдатам, побывавшим в Чехословакии, была вручена благодарность от имени министерства обороны СССР на красиво отпечатанном бланке. Тем солдатам, которые изъявили желание вступить в члены КПСС, была предоставлена такая возможность без прохождения кандидатского стажа. Чехословакия оставалась членом Варшавского договора среди братских республик социалистического лагеря.

В заключение могу утверждать уверенно, наша пресса в то время писала чистую правду. Мы, воины Советской Армии, гордились мощью нашей армии, видели сами, какой силой она обладала не только в Европе, но и во всем мире.

*Ахмед НАХУШЕВ,
главный государственный налоговый инспектор
(МРИ ФНС РФ № 2 по КБР)*

*Диана НАХУШЕВА,
студентка 3-го курса направления «Экономика»
института права, экономики и финансов КБГУ*

ОТЕЦ И СЫН ПОГИБЛИ, ЗАЩИЩАЯ КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

Спустя более 74 лет после выхода Указа о награждении удостоверения к медали «За оборону Кавказа» красноармейца Кармокова Гузера Машуковича и его сына красноармейца Кармокова Худина Гузеровича передали Кармокову Хамиду Гузеровичу

В 2015 году мы начали работу по увековечению памяти защитников Отечества Кармокова Гузера Машуковича и его сына Худина Гузеровича. В год 75-летия освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков и завершения битвы за Кавказ решили и дальше продолжить эту работу.

Гузер Машукович Кармоков родился в 1895 году в селении Атажукино I Нальчикского округа Терской области (ныне с.п. Заюково Баксанского района КБР), кабардинец. Был женат на Сабанчиевой Хуце Ташевне. У них родились дети Худин (1925 г.р. – погиб на фронте 23.07.1943 г.), Лиуаз, Маруз, Лиза, Хамид (14.03.1937 г.р.), Ольга. Стоит отметить, что Гузер Машукович был участником Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в составе Кабардинского конного полка. После войны был одним из организаторов и руководителей колхозного движения села Заюково.

**Кармоков
Гузер Машукович,
красноармеец
1895 – 08.10.1942**

Когда началась Великая Отечественная война, Г. М. Кармоков был мобилизован в ряды Красной Армии Баксанским РВК КБАССР 19 марта 1942 года и направлен в 17-й запасной артиллерийский полк в станицу Усть-Лабинская Краснодарского края. Принимал участие в боевых действиях в сформированной 29 июля 1942 года 328-й стрелковой дивизии (2-го формирования). После 9 сентября 1942 года дивизия была выдвинута на Туапсинское направление, 20 сентября вошла в состав 18 армии, а 8 и 9 октября 1105-й стрелковый полк активно оборонялся и вёл контратаки вдоль долины

реки Гунайка. Немцы вклинились в оборону на участке 2-го батальона и отрезали полк. В течение 2-х дней 1-й и 2-й батальоны вели бой в окружении и выходили из него.

Согласно донесению о безвозвратных потерях по 328-й стрелковой дивизии № 36212 от 18 декабря 1942 года стрелок 1105-го стрелкового полка 328-й стрелковой дивизии красноармеец Кармоков Гузер Машукович погиб в бою 8 октября 1942 года (в донесении 328-й с.д. только за период с 7 по 10 октября 1942 года в с. Гунайка-2 погибло 32 воина, призванных из КБАССР). Первичное место захоронения Г. М. Кармокова – Краснодарский край, Армянский район, Гунайский с/с, с. Гунайка-2 (топоним «гъуанакъо» происходит от адыгейского, где «гъуане» – дыра, отверстие в значении пещера, а «къо» – балка, долина, т.е. «гунайка» – долина пещер. Здесь следует отметить один малоизвестный в истории факт. Он не упоминался в военной литературе и мемуарах, в сводках. Скрытый в горах, в долине реки Гунайка, осенью 1942 года немцами был построен военный аэродром – единственный аэродром в этой горной части Кавказа).

Имя Гузера Машуковича Кармокова увековечено на обелиске в с.п.

Заюково –

К сожалению, имя героя, как и остальных 30 погибших вместе с ним воинов, призванных из КБАССР, на месте их захоронения не увековечено.

В Книгу памяти КБР (издание 2015 г., том 2, стр. 149, 150) сведения внесены так: «**КАРМОКОВ Гузер Машукович**, 1895 г.р., кабардинец, с. Заюково. Призван в Советскую Армию в 1941 г. Баксанским РВК. Рядовой. Погиб в 1942 г.».

С учетом вышеизложенного, сведения в отношении Г. М. Кармокова следовало внести в Книгу памяти КБР так: «**КАРМОКОВ Гузер Машукович**, 1895 г.р., кабардинец, с. Заюково. Призван в Советскую Армию 19.03.1942 г. Баксанским РВК. Красноармеец. Погиб 08.10.1942 г. Похоронен – братская могила, п. 4-я Гунайка, с.п. Октябрьское, Туапсинский р-н, Краснодарский край».

Вслед за отцом на фронт отправился и старший из сыновей Гузера Машуковича – 17-летний Худин Гузерович. Он был мобилизован в ряды Красной Армии Баксанским РВК КБАССР в 1942 году. Участник битвы за Кавказ. Воинские формирования Северо-Кавказского фронта, разгромив немецко-фашистские войска в ходе Краснодарской наступательной операции, в марте 1943 года вышли к заранее подготовленным рубежам обороны противника на Таманском полуострове. Немцы, стремясь во что бы то ни стало удержать плацдарм на Северном Кавказе, создали глубоко эшелонированную и сильно укрепленную систему обороны, получившую название «Голубая линия». Попытка её прорыва сходу в

марте 1943 года не увенчалась успехом. С весны 1943 года и до начала Новороссийско-Таманской операции советские войска вели на Голубой линии позиционные бои с целью улучшения тактических позиций. В боях за освобождение хутора Садовый Крымского района Краснодарского края Х. Г. Кармоков проявил мужество и отвагу. Выполняя боевой приказ о наступлении на хутор Садовый, 22 июля 1943 года красноармеец Кармоков в составе полка, под ураганным пулемётно-миномётным и артиллерийским огнём врага, преодолев проволочное заграждение и минное поле, с боем ворвался в окопы противника. В этом ожесточенном бою он и погиб.

Согласно донесению о безвозвратных потерях по штабу 395-й стрелковой дивизии № 27256 от 6 августа 1943 года стрелок 723-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии красноармеец Кармоков Худин Гузерович погиб в бою 23 июля 1943 года. Первичное место захоронения – Краснодарский край, Крымский район, х. Плавленский, юго-восточнее 1 км.

В июле 1943 года командир части полевая почта 42696 подполковник М. Н. Жирнов (командир 723-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии 22-го стрелкового корпуса 56-й армии Северо-Кавказского фронта) направил матери погибшего воина – Сабанчиевой Хуце Ташевне, извещение о гибели и месте захоронения Х. Г. Кармокова, которое до сих пор хранится в военном комиссариате.

В нём было написано (орфография и стилистика сохранены): *«Ваш сын красноармеец Кармаков Худин Гузарович, уроженец с. Заюков Баксанский р-н КБССР в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 23 июля 1943 г. Похоронен: 1 км юго-восточнее хут. Плавненского, Крымского р-на, Краснодарского края».*

На извещении работники военкомата сделали резолюцию: *«Извещение вручено семье».*

Согласно информации из списков захоронения красноармеец Кармоков Худин Гузерович похоронен – Краснодарский край, Крымский район, Киевский с/с, х. Плавненский.

Имя Худина Гузеровича Кармокова увековечено на обелиске в с.п.

Заюково –

КАРМОВ ХУДИН ГУЗЕРОВИЧ

**Кармоков
Худин Гузерович,
красноармеец
1925 – 23.07.1943**

На месте его захоронения имя увековечено как Кармоков Худин Гузарович.

В Книгу памяти КБР (издание 2015 г., том 2, стр. 150) сведения внесены так: **«КАРМОКОВ Худин Гузарович, 1924 г.р., кабардинец, с. Заюково. Призван в Советскую Армию в 1942 г. Баксанским РВК. Сержант. Погиб в 1942 г.»**.

С учетом вышеизложенного, сведения в отношении Х. Г. Кармокова следовало внести в Книгу памяти КБР так: **«КАРМОКОВ Худин Гузарович, 1925 г.р., кабардинец, с. Заюково. Призван в Советскую Армию в 1942 г. Баксанским РВК. Красноармеец. Погиб 23.07.1943 г. Похоронен – братская могила, х. Плавненский, Киевское с.п., Крымский р-н, Краснодарский край»**.

В Перечне управлений, соединений и частей, принимавших участие в обороне Кавказа, 328-я и 395-я стрелковые дивизии, в которых воевали Кармоков Гузер Машукович и его сын Худин Гузарович, значатся, и они подлежали награждению медалью «За оборону Кавказа». Никому из родственников награды не были переданы.

19 мая 2018 года от имени Хамида Гузаровича Кармокова мы подготовили документы и отправили заявление в Главное управление кадров МО РФ с просьбой рассмотреть вопрос о передаче ему удостоверений к медали «За оборону Кавказа» красноармейцев Кармокова Гузера Машуковича и Кармокова Худина Гузаровича.

2 июля 2018 года Главное управление кадров МО РФ направило Хамиду Гузаровичу письмо:

«Ваши обращения по вопросу передачи удостоверений к медали «За оборону Кавказа» отца, Кармокова Гузера Машуковича, и брата, Кармокова Худина Гузаровича, рассмотрены.

Передача Вам удостоверений к медали «За оборону Кавказа» будет организована в установленном порядке после поступления их из Управления Президента Российской Федерации по государственным наградам».

Мы рады, что наша очередная работа по поиску и передаче невручённых наград Великой Отечественной войны наследникам награждённых лиц завершилась удачно. Спустя более 74 лет после выхода Указа о награждении Хамиду Гузаровичу Кармокову передали удостоверения к медали «За оборону Кавказа» красноармейцев Кармокова Гузера Машуковича и Кармокова Худина Гузаровича, подписанные Президентом Российской Федерации.

Рады, что сохранены в семейной памяти и в истории нашей страны имена отца и сына, погибших, защищая Краснодарский край.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

ЗАРАМУК КАРДАНГУШЕВ И ЕГО ВРЕМЯ

Когда речь заходит о Зарамуке Кардангушеве, обычно в сознании людей, знавших его при жизни, возникает образ человека, который преуспел в целом ряде сфер деятельности. Да, действительно, это был человек из числа тех, которые проявили свое дарование сразу в нескольких областях – в лицедействе и драматургии, певческом искусстве и художественной прозе, в академической научной работе и популяризации фольклора и литературы. Он учился в сельской школе и в известном Ленинском учебном городке, имел два диплома о высшем образовании, и оба с отличием, – окончил знаменитый ГИТИС и КБГУ. Можно только удивляться тому, что в результате этот поистине высокообразованный человек не превратился в рафинированного интеллигента. До конца своих дней он оставался по натуре таким, будто совсем недавно явился из какой-то глубинки, где до того был одним из самых рядовых жителей. Разумеется, за этой кажущейся простотой был невообразимо уникальный талант, которому чтобы проявиться не требовалось никакое возвышение над массой своих сограждан. Напротив, умение раствориться в среде обычных людей, умение проявлять уважительное отношение к каждому человеку тоже было особенностью его дарования. Однако это не внедренное учебой актерское мастерство временного перевоплощения на сцене, а свойство самой природы. Это и делало его характер истинно народным, открытым, благожелательным в любой ситуации и по отношению к любому человеку.

При всей уникальности его личности, Зарамук Кардангушев, надо признать, был во многом типичным человеком своего времени. Неслучайно считается, что всякое время выдвигает людей, достойных себя, и в этом плане наш герой воплотил в себе те впечатляющие признаки своего времени, которые составляют сущность всего противоречивого XX века. Ему довелось родиться не просто в эпоху крушения старого мира, как принято говорить о временах Русской революции и Гражданской войны, но также в эпоху, когда еще были живы многие атрибуты традиционной народной культуры и уклада жизни, о которых мы знаем больше по письменным источникам, как о временах неких чужих людей, хотя эти люди – наши прямые предки. В том, уходящем мире, который

*Зарамук Патурович Кардангушев,
Аскер Магамудович Гадагатль*

застал в отроческие годы Зарамук, люди не были созерцателями, воспринимающими события через демаркационную линию телевизионного экрана или компьютерного монитора. Они сами творили историю, сами воевали, сами пахали и сеяли. Они не слушали пассивно чужие голоса со сцены или экрана, а сами сочиняли песни, преисполненные страсти и боли, сами же эти песни пели, сами играли на гармошке и плясали, вкладывая в слова, мелодию, в танцевальные пируэты собственные, а не сценические переживания. Еще были живы наследники легендарных джегуако, носителей народной карнавальной и повседневной культуры, певцы и песнетворцы, плясуны и исполнители игры на музыкальных инструментах, живые хранители исторической памяти народа. В доме Кардангушевых еще в детские годы Зарамука частыми гостями бывали уникально одаренный исполнитель-инструменталист Эльмурза Шаожев, певец, поэт и рассказчик Амирхан Хавпачев со своими товарищами, другие наследники традиции. Ныне всеми забытый, но, судя по всему, необычайно талантливый джегуако Хажпаго Долов, сам родом из Псыгансу, с малых лет приметил юное дарование и негласно взял опеку над Зарамуком. Он брал с собой мальчика на торжества, на которые его самого приглашали как известного носителя художественной культуры, требовал от мальчика, чтобы он запоминал все подробности, ритуалы, тонкости застольного этикета, заставлял слушать живое исполнение песен и преданий, а на следующий же день, уже дома, строго экзаменовал, не прощая никакой оплошности. Зарамук рано остался сиротой, и его заботливо опекали старшие братья, которые и сами любили народное искусство, и поощряли всячески его увлечения. Это можно считать первым важным этапом в становлении личности уникального явления, каковым явился Зарамук Кардангушев в истории адыгской культуры и науки.

Следующим этапом стали годы учебы не у народных исполнителей, с которыми связь никогда окончательно не прерывалась, а в образовательных учебных заведениях. Это тоже было веянием времени, о котором в наши дни, кажется, еще не сложилось окончательно объективного представления. Страна строила принципиально новую систему социальных отношений, бывшие низы оказались верхами, бывшие привилегированные лишились не только былых привилегий, но иногда и гражданских прав. Одни возносились на головокружительную высоту и порою теряли от этого голову, у других головы летели с плеч в буквальном смысле, и часто – ни за что. Тем не менее, государство провозгласило курс на всеобщую грамотность, на развитие языков и культур всех народов огромной страны. Сам воздух был пронизан духом обновления – далеко не всегда справедливого и дальновидного, но в целом содержащего в себе много поистине перспективных элементов для миллионов граждан. Один из этих миллионов, Зарамук Кардангушев получает возможность учиться в престижнейшем из художественных вузов страны, Государственном институте театральных искусств имени А. В. Луначарского.

Природное дарование, начальные уроки мастерства у представителей традиционной джегуаковской культуры, феноменальная память, которую он не утратил до последних дней своей жизни, – это переплелось с академической системой обучения, считающейся одной из лучших в мире. Зарамук не просто постигает тайны сценического мастерства, не только участвует в студийных постановках, он еще выкраивает время брать уроки в Московской консерватории, где преподаватели воздают должное его природным способностям, но, к счастью, не решаются на кардинальный шаг для постановки голоса в соответствии с канонами классического вокала. Как во всей натуре Зарамука Кардангушева преобладает природное, народное начало, так и в его пении навсегда доминирующим фактором остаются уроки не консерваторских профессоров, которые смогли бы только «подогнать» богатейший по тембру голос под определенные стандарты, а начальная школа его братьев, а также Амирхана Хавпачева, Хажпаго Долова, других народных исполнителей, которые, правда, «университетов не кончали», но зато за ними стояла своя самоценная уникальная многовековая традиция, не похожая ни на европейскую, ни на восточную, в то же время не менее достойная внимания. Десятки и даже сотни народных песен в традиционном исполнении остаются в активном культурном обиходе благодаря именно Зарамуку Кардангушеву, который сам их исполняет и распространяет на кассетах, дисках и других носителях, а кроме того он составляет книги, собирает их в многотомные издания и тиражирует. Я говорю это в настоящем времени, потому что то, что делается нами сейчас, тоже продолжение начатого им. Во многом именно Зарамуку адыгская исполнительская традиция обязана тем, что до настоящего времени она не утрачена окончательно, хотя под напором накатывающихся со всех сторон глобальных процессов она изрядно сдала свои позиции. Уместно будет заметить, что и к изданию замечательной «Антологии карачаево-балкарского музыкального фольклора» Кардангушев имеет самое непосредственное отношение, потому что задумывалась и доныне осуществляется она по типу адыгского музыкального издания, инициатива которого принадлежала именно ему. Это отличие, если оно и есть, в том, что балкарские коллеги благоразумно учли те неизбежные во всякой первой работе накладки, которые очевидны в адыгской серии.

Вернемся, однако, к годам учебы. Если бы Зарамук возвратился по окончании вуза только с красным дипломом, уже это было бы поводом для гордости. Но в годы учебы он увлекся и драматургией. Причем не только увлекся, а решил перевести на язык сцены одно из замечательных сказаний о любви: пьеса «Каншоби и Гошагаг» имела столь оглушительный успех, что ее постановка стала одной из выпускных дипломных работ кабардинской студии. Спектаклем по этой пьесе открывался первый сезон обновленной театральной труппы в 1940 году, а впоследствии она была показана около тысячи раз только на сцене Государственного драматического театра. Кроме того, пьеса была включена в школьную

программу, ставилась многими народными театрами и школьными самодеятельными кружками вплоть до середины 80-х годов. Это одна из причин большой популярности песни о любви адыгской княгини Гошага и балкаро-карачаевского князя Каншоби.

Нередко случается так, что наш Создатель, без меры щедро одарив кого-либо, как бы спохватывается, боясь, что передал, и насылает вслед ему суровые испытания. Если посмотреть с этой позиции, то чуть ли не вся жизнь Зарамука состоит из ослепительно белых и так же ослепляюще черных полос. Служа в Красной Армии в Киевском военном округе, он в первые же дни войны уже на передовой. Вскоре он оказывается в окружении и, в конце концов, попадает в плен. Как он пишет в своих воспоминаниях, он делал две попытки побега. После первой его, раненого в ногу, через некоторое время поймали и бросили в концлагерь. Вторую он подготовил уже более продуманно, сумел добраться до своих, но, как бывший в немецком плену, до конца войны был, как говорится, приписан красноармейцем на передовой. Венцом злоключений стали два серьезных ранения. После второго он лежал в госпиталях почти до конца сорок пятого года, а по возвращении в республику еще целый год долечивался дома. Только после этого, прихрамывающий и с осколком, который так всю жизнь и просидел у него в миллиметре от височной артерии, он смог вернуться на сцену театра.

Однако испытания, уготованные ему судьбой, на этом не закончились, а можно считать, только начинались. Не прошло и двух лет после возвращения в театр, как в очередную черную полосу ушла из жизни верная жена, оставившая на руках у мужа-инвалида маленького сына. Но, вслед за черной, в очередной раз ему улыбнулась белая полоса, принесящая новую супругу, с которой Зарамук Патурович в полном согласии прожил все отпущенные ему остальные годы. В 1949 году он переходит в Научно-исследовательский институт (нынешний ИГИ КБНЦ РАН), где А. Т. Шортанов собирал группу для фольклорной экспедиции. За годы работы в нашем институте нам доводилось много раз обращаться к архивным материалам, и мы хорошо усвоили: если в рукописи обозначено, что ее записал Зарамук Кардангушев, ее можно сразу же отбирать для публикации. С той поры и фактически до последних дней жизни, не исключая и четырех лет работы в книжном издательстве, он накрепко связан с собиранием, публикацией и исследованием фольклора. Десятки отдельных статей и текстовых публикаций, сборники материалов, среди которых двухтомные издания антологического характера и народной афористики, однотомники благопожеланий, нартских сказаний, песен, даже анекдотов, монографический труд по адыгскому этикету и традиционной культуре, исследование вместе с текстами песен и сказаний об Андемиркане – ко всем этим изданиям причастен Зарамук Патурович или единолично, или в соавторстве с коллегами. Вершиной его энциклопедической деятельности явилось многотомное издание народных песен и инструментальных наигрышей, работу над которой инициировал именно

он в первой половине 70-х годов и продолжал всю жизнь. Надо к этому прибавить, что членский билет Союза писателей СССР, подписанный еще А. Фадеевым, он носил совсем не напрасно: его пьесы, рассказы для детей, многочисленные литературные обработки народных сказок, опубликованные на кабардинском языке в Нальчике и в переводе на русский в Москве – убедительное тому свидетельство.

На этом благостном фоне научной и публичной деятельности не обходилось без пресловутых черных полос. У него было три сына, и судьба распорядилась так, что всех троих он похоронил одного вслед за другим. Также ему выпало видеть смерть двух своих внуков, братьев, сестер, племянников. Еще в пятидесятые годы сам он заболел астмой. С годами к ней и к последствиям войны прибавились радикулит и сахарный диабет. Многие годы он был под присмотром врачей разной специализации. За несколько лет до своей кончины он признавался, что перенес 20 операций по разным поводам. Несмотря на все это, у него хватало мужества оставаться бодрым, жизнелюбивым, внимательным к каждому, кто к нему обращался.

Оглядываясь на все, что успел сделать этот с виду неприметный, скромный человек, нельзя не удивляться силе его духа. То, что он совершил, во многом было вопреки року и вопреки желаниям злопыхателей. Ему никто не создавал тепличных условий, мало когда ему доводилось пользоваться благорасположением всемогущих чиновников. Чаще они мешали ему, чем содействовали. Но он не роптал, а упрямо делал свое дело.

Однажды он одному собеседнику, который был очень сильно и незаслуженно обижен чиновниками, заявил следующее:

– Ты не обращай внимания на то, что тебе пытаются мешать, это у них обязанность такая. Если бы я каждый раз обижался и опускал руки, мне бы не удалось выполнить и доли того, что сумел сделать вопреки чинушам.

Конечно, это глубоко философское отношение к делу, но оно никак не означает, будто Зарамук Патурович просто молча терпел. Еще в послевоенные годы один из аппаратных деятелей упрекнул Зарамука за то, что тот позволил себе оказаться в немецком плену.

– Да, – ответил он. – Но я бежал из плена и продолжал воевать на передовой, а вот ты – самострел: выстрелил себе в ногу, чтобы не воевать.

Разговор шел в кабинете высокого начальника, но это не смутило Зарамука. Между тем, он всю жизнь был в дружбе с Алимом Кешоковым, и их дружба началась в годы не самые благополучные для обоих. Он также с теплотой рассказывал о работе под началом А. Т. Бичоева, В. К. Глостанова, очень высоко ценил Зарамук масштабность мышления и поддержку Х. И. Хутуева в работе над серией народных песен. Его связывали теплые дружеские отношения с Темботом Керашевым, Аскером Гадагатлем, Шалвой Инал-ипа, Аллой Алиевой, многими другими достойными людьми, которых он считал близкими себе по духу, а не по службе.

Случилось однажды, что он пришел на работу в каком-то возбужденно-приподнятом настроении, что-то невнятное бормоча про себя.

Когда мы осторожно полюбопытствовали, оказалось, что рано утром, прогуливаясь по парку перед приходом в институт, он встретил двух оставшихся чиновников, которые начали наперебой расхваливать Зарамука, прибавляя при этом, что он достоин любых наград и любого уровня внимания со стороны властей. Видимо, тут они проявили уж слишком много рвения, которого у них не наблюдалось во времена их нахождения при должности. Когда вошедшие в раж собеседники дошли до установки прижизненного памятника из чистого золота, неприязнительный трудяга Зарамук не выдержал и остановил их, указывая на шпиль Дома правительства, где те когда-то решали судьбы многих людей:

– Эй, пусть проявит к вам Аллах свою милость, что бы вам стоило все это сказать, когда вы сидели вон в том здании!

Случай не такой заурядный, как кажется, потому что мы, кабардинцы, балкарцы, русские, люди всех национальностей далеко не всегда можем воспитать и выдвинуть из своей среды таких ответственных людей, которые способны своевременно позаботиться о своем народе, об общественном благе, о лучших сынах нашей земли, а особенно же о культуре. Когда мы сегодня во всей стране, а также и в нашей благословенной республике, не ощущаем достаточного внимания к проблемам духовности, к вопросам высокой чести и достоинства каждого из народов, то в этом повинны, прежде всего, мы сами. И если бы из нашей среды время от времени не появлялись люди, готовые так же бескорыстно творить добро и красоту, как это всю свою долгую жизнь, вопреки всякого рода невзгодам и препонам, умел делать Зарамук Патурович Кардангушев, жизнь всех нас была бы еще более серой и безрадостной.

Как, видимо, и многие другие, я иногда задаюсь вопросом, что же двигало в жизни и творчестве такими людьми как Зарамук Кардангушев, Заур Налоев, Алим Теппеев, с которыми мне довелось работать в одном тесном коллективе. Одним словом на него не ответить, но кажется, во многом их поступки определялись тем, что явления реального мира они соотносили с тем, что они со всей ясностью встречали в мире виртуальном, а в нем высшими проявлениями духа были поступки нартских героев, подвиги Андемиркана, мудрость Жабаги Казаноко.

Да, жизненные обстоятельства нынче таковы, что новых Зарамуков нам ожидать не приходится. Они дети своего времени, своей эпохи. Но всякий знает, что наше время не менее остро нуждается в людях высокой духовности. И если только общество будет здоровым, появятся новые люди, другие, с другими взглядами, но такие же вдохновенные, такие же пассионарные, причем не просто повторяющие прежних, но достойным образом продолжающие дело своих предшественников. И пока будет так, будет существовать каждый большой и малый народ, будет на земле жизнь. Вот во имя чего мы вспоминаем сегодня этого замечательного человека.

*Борис ЗУМАКУЛОВ,
Уполномоченный по правам
человека в КБР, д.и.н., профессор,
заслуженный деятель науки КБР и КЧР*

ДОРОЖУ НАШЕЙ ДРУЖБОЙ

С Баширом Биляловичем Хубиевым я познакомился в начале 80-х, когда он был избран секретарем партийной организации Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Мне, секретарю обкома КПСС, часто приходилось бывать в институте, участвовать в итоговых партийных собраниях коллектива. В то время авторитет института был очень высок. Достаточно сказать, что в институте работали такие видные ученые, как Гугов Рашад Хусенович, Улигов Устирхан Алиевич, Мамбетов Галим Хизирович, Шортанов Аскербди Тахирович, Налоев Заур Магомедович, Темиржанов Владимир Хасанбиевич, Хашхожева Раиса Халифовна, Гузеев Жамал Магомедович, а возглавлял институт Ханафи Исхакович Хутуев, известный политический и государственный деятель того периода, доктор исторических наук. Все они, естественно, были членами партии, и Хубиев, молодой и энергичный партийный секретарь, мог объединять коллектив, настраивать ученых на работу, гасить возникающие конфликтные ситуации, которых было немало. Скажу откровенно, мне импонировали в нем неподдельная искренность, мягкость в отношениях, умение находить компромиссные решения, проявляя при этом твердость, если дело касалось принципиальных вопросов.

В первые годы так называемой перестройки в республике начались процессы демократизации всей общественной жизни. Башир Билялович прошел этот отрезок пути достойно, не потеряв лица и не изменив своим принципам. В этот сложный период мы были рядом, а дружба, возникшая в трудных условиях, сохраняется навсегда.

Мы с юбиляром относимся к тем, кто стоял у истоков зарождения в РФ и КБР принципиально новой образовательной, научной и профессиональной специальности «Социальная работа». Я, в то время министр труда и социального развития КБР, предложил ректору Владимиру Калиметовичу

Башир Билялович Хубиев

Тлостанову начать в университете подготовку специалистов социальной работы. Тлостанов В. К., мудрый и талантливый руководитель, сразу идею поддержал. «Так как денег нет и не предвидится, – сказал он, – центр только урезает финансирование, можно выйти на договорные отношения подготовки специалистов для социальной сферы. Мы готовим, вы платите и обеспечиваете трудоустройство». В тот же день мы в кабинете Тлостанова составили проект договора. Владимир Калиметович переговорил с министром науки и образования РФ, я согласовал финансовые вопросы с президентом КБР Коковым В. М. Так был решен вопрос об открытии в КБГУ образовательной специальности «Социальная работа». И первый набор студентов был сделан в 1993 г. на базе юрфака, без специализированной кафедры.

Для того чтобы в полной мере заработали механизмы, надо было создавать выпускающую кафедру и подобрать человека, который мог бы организовать работу и возглавить ее. И тут я вспомнил Хубиева Башира Биляловича, в то время заведующего кафедрой политологии, который как никто другой подходил на эту роль. Ректор Б. С. Карамурзов поддержал мою кандидатуру, и, как говорится, «процесс пошел».

С тех пор прошло четверть века. За это время подготовлено более 5000 специалистов, более 20 выпускников защитили кандидатские диссертации, многие занимают ответственные должности в системе государственной службы Кабардино-Балкарской Республики. И в этом определяющая заслуга доктора философских наук, профессора КБГУ, академика Академии социального образования Российской Федерации Хубиева Башира Биляловича.

Активная, научная и образовательная деятельность не мешает Б. Б. Хубиеву выполнять важную общественную работу по линии правозащитной деятельности. Он член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в КБР, кроме того входит в состав редакционного совета издания «Формирование гражданского общества и права человека в Кабардино-Балкарской Республике». Уже осуществлено одиннадцать изданий этой серии, и во всех он не только участвует в редактировании, но и выступает с глубокими исследованиями по проблемам гражданского общества, семейной политики, защите социальных прав граждан.

Хубиев Б. Б. безусловно одарен талантом ученого. Но в отличие от многих из нас он еще обладает и огромным, неумным трудолюбием, целеустремленностью в решении поставленных перед собой задач, к своим профессиональным обязанностям относится с высокой ответственностью. Его монографии, статьи, философские размышления являются важным вкладом в науку.

Башир Хубиев умеет дружить и может поддерживать дружбу. Про таких говорят: «Надежен, как скала!» Я очень дорожу нашими отношениями. И в день славного юбилея желаю ему и его прекрасной семье счастья, мира и благоденствия!

*Хасан ДЗУЦЕВ,
доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
Северо-Осетинского государственного университета
им. К. Л. Хетагурова*

НЕИЗМЕННЫЙ ДРУГ

Профессор Башир Билялович Хубиев относится к плеяде ученых советской эпохи, чье имя достойно звучит и в постсоветский период. Хотя в наше время принципиально изменилась методология социально-гуманитарных наук, творческие способности ученого от этого не пострадали. И пример тому – продуктивность нашего юбиляра, его научное лицо, соответствующее тому призванию, которому он служит. На его примере можно убедиться в правоте известного простого правила: «хороший ученый – раб своей профессии».

Если человек достигает степени доктора наук и звания профессора, то справедливо полагают, что он обладает большими знаниями. Но если этот человек, получив признание в науке, еще и способен к сотрудничеству с другими и может функционировать в обществе гармонично, он становится уникальным ученым и руководителем любого коллектива. За годы нашей учебы в аспирантурах, я в Институте социологии АН СССР, он в Институте этнологии АН СССР, затем и выполняя совместные образовательные и научные проекты в течение полувека, убеждался я в том, что такими уникальными качествами обладает профессор Башир Билялович Хубиев. Особенно памятны 80-е годы, когда совместно с московскими учеными мы были вовлечены в выполнение научного проекта «Новое и традиционное в культуре и быте народов Северного Кавказа», весьма сложного, трудоемкого и ответственного для нас, в то время начинающих.

За прошедшие полвека наши научные и творческие связи не прекращались. Это касается и участия во Всесоюзных, а позже и в многочисленных Всероссийских научных конференциях. В них он всегда задавал тон выступления. Как специалист в области философии, социологии и политологии, Хубиев возглавлял общегуманитарные и специализированные выпускающие кафедры в университете, также участвовал и участвует в научных грантах по самым различным научным направлениям. В компетентности юбиляра как ученого я лишней раз убеждался при совместном выполнении научного гранта РГНФ на актуальнейшую тему современности – по проблематике религиозного экстремизма на Северном Кавказе и издании по ней фундаментальной монографии. Его социально-философское осмысление причинно-следственных связей явлений и процессов в современном обществе вполне созвучно мировым достижениям в области социально-гуманитарного знания.

В социальной жизни любого общества очень важным является такое понятие, как рациональность. Башир Билялович всегда рациональный человек, и наши частые научные и творческие контакты свидетельствуют, что он во всем рационален, и фундамент получения основ науки строил с коллегами и со студентами в соответствии с принципами эффективности. Выгодна для студента та или иная дилемма или нет? Он поднимал ее все выше и выше. Все эти годы, как один из ведущих специалистов в области социального образования и науки на юге России, он привлекался Минобрнауки России к аттестации и аккредитации многих вузов, будучи членом президиума учебно-методического объединения вузов России, выполнял роль консультанта в реализации образовательных программ в северокавказских вузах. С учетом всего этого, вполне закономерна та высокая оценка его достижений в науке и образовательной деятельности, которая выразилась в государственных наградах Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики.

Башир Билялович прекрасно понимает, что мы живем в мире, отмеченном новыми рисками, где доверие в человеческих сообществах выходит на передний план. К сожалению, в современном обществе эта форма отношений имеет тенденцию к разрушению. Доверие для Хубиева в его социальной, научной и педагогической деятельности – ключевое понятие, и те люди, которые окружают Башира Биляловича, всегда уверены в его порядочности, процент доверия ему всегда со знаком плюс. Если бы мы жили еще в традиционных обществах, он был бы и там эталоном и образцом для всей общины.

*Юрий МУСАЕВ,
д.х.н., профессор, заслуженный деятель науки КБР*

ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

1 сентября – начало нового учебного года для подавляющего большинства российских школьников, студентов, их родителей, учителей и преподавателей. Думаю, что ко Дню знаний читателям журнала «Литературная Кабардино-Балкария» будет интересно узнать об одном из членов редакционного совета данного коллектива Б. Б. Хубиеве.

Мысль вновь вернуться к его недавней 75-летней юбилейной дате возникла не случайно, и, на мой взгляд, она является уместной, так как 45 лет своей жизни он посвятил научной и образовательно-педагогической деятельности. Так как наш юбиляр – человек скромный, я вряд ли от него узнал бы обо всем том хорошем и добром, что он сделал в своей жизни для нашей республики и окружающих его людей. Юбилейная дата человека, прежде всего, – история его жизни на

данный момент, и, конечно, молодым людям полезно знать, как судьба и, в первую очередь, сам человек определяют жизненный путь.

Башир Билялович Хубиев родился 2 июня 1943 года в селе Чегем-2 КБАССР. После окончания средней школы и службы в рядах Советской армии в 1967 году поступил и в 1972-м с отличием окончил историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета. Во время учебы на историческом отделении он сразу включился в работу научного студенческого общества факультета. Здесь проявились его способности к научным изысканиям, которые выразились в активном участии в научных конференциях и опубликовании своих первых научных статей. По окончании КБГУ был направлен на работу в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, где с 1972–1984 гг. занимал должности младшего, старшего научного сотрудника, одновременно учился в аспирантуре Института этнографии АН СССР (сектор Кавказа). В институте его учителями были видные ученые-кавказеды В. К. Гарданов и Г. Х. Мамбетов. В 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию «Культура и быт кабардинцев разных типов поселения». Стремление к совершенствованию знаний, высокая коммуникабельность, социальная активность, умение реализовывать прогрессивные технологии развития своей специальности привело к тому, что он стал заметным этнографом-исследователем, участвовал в создании этносоциологического труда «Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев» (1982 г.).

В 1984 г. Башир Билялович перешел на работу в КБГУ на должность доцента кафедры научного коммунизма и права, таким образом, наступил новый этап его трудовой, научной и образовательно-педагогической деятельности. В период с 1990 по 2015 гг. он последовательно был заведующим кафедрами: научного коммунизма и права, политологии, теории и истории социальной работы. Б. Б. Хубиев является одним из организаторов нового научного и образовательного направления «Социальная работа», открытого в КБГУ в 1993 году. Много сил, труда и энтузиазма он приложил к организации и становлению этой принципиально новой для России профессии. В связи с этим в своей образовательно-педагогической и научной деятельности ему пришлось заниматься инвайронментальной социологией – одной из научных дисциплин, использующих социально-экологический подход в рамках локального общества и окружающей среды...

(И здесь мне придется извиниться перед молодыми читателями журнала «Литературная Кабардино-Балкария» за необходимость воспользоваться научной терминологией и пояснить некоторые её значения:

Социум – это одна огромная группа людей, которых могут объединять общие моральные устои, отношение к миру, самим себе и к качеству

среды обитания; *инвайронментализм* – это движение за качество среды обитания.)

Высокий авторитет и научная компетентность predeterminedили членство Башира Биляловича в диссертационных советах КБГУ имени Х. М. Бербекова и Пятигорского государственного технологического университета. Под его руководством защищались молодые талантливые выпускники отделения «Социальная работа», которые ныне трудятся в стенах родного университета. С 1999 г. Б. Б. Хубиев руководит магистерской программой «Организация социальной работы с разными группами населения и в разных сферах жизнедеятельности», а также научно-образовательным проектом «КБГУ в составе Европейской ассоциации школ социальной работы». Участие в научных грантах по различным программам всегда считалось одним из приоритетных направлений научно-педагогической деятельности преподавателя вуза. В 2001–2003 гг. Б. Б. Хубиев руководил научным грантом «Дети, семья и толерантность в российском обществе» по Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». По результатам работы участниками гранта опубликованы три коллективных труда, защищены две кандидатские и одна докторская диссертации. Он также был соруководителем научной темы «Разработка методик формирования в обществе установок толерантности через средства массовой информации» (2004–2005 гг.); обладателем гранта Минобрнауки РФ «Аттестационно-педагогические измерительные материалы по специальности «Социальная работа» (2005 г.). В эти же годы он является автором проекта «Социализация и адаптация пожилых людей и инвалидов пенсионного возраста» (2005–2006); соисполнителем двух грантов РГНФ: «Роль семьи, традиционных общественных институтов, средств массовой информации в решении задач профилактики национальной и религиозной нетерпимости среди молодежи» и «Эволюция социальной и биологической реакции детей, подростков и молодежи на инвайронментальные влияния» (2006–2007 гг.). Наряду с этим является руководителем лауреатов научных конкурсов студентов «Пенсионная реформа в России» («Нефтегарант» – КБГУ, 2012 г.), «Социализация и адаптация пожилых людей и людей с инвалидностью в российское общество» (Селигер, 2012 г.).

Весомый вклад Б. Б. Хубиев вносит в развитие социальной науки. Он является научным руководителем НОЦ КБГУ «Интеграция высшего образования в профессиональную социальную деятельность». Имеет более 250 научных работ, среди которых 8 монографий, 20 учебно-методических работ и десятки научных статей в реферируемых журналах ВАК.

Итогом многолетнего научного изыскания стала защита докторской диссертации по философским наукам «Семья как социально-ценностная

общность форм бытия человека» в Пятигорском государственном гуманитарно-технологическом университете. Подготовил двух кандидатов наук, руководит одним аспирантом и тремя соискателями. Является руководителем кафедральной НИР «Актуальные проблемы теории, истории и методологии социальной работы».

Его труды выполнены на стыке этнологии, социологии и социальной философии. Основные области научных интересов – микросреда и культура, проблематика гражданского общества, социальное обеспечение; социальные институты и социальные процессы; социально-философские аспекты современной семьи. Особое научное направление занимает философия образования, духовная культура, имеющие непреходящую эвристическую ценность. Следует выделить достижения в разработке философской концепции семьи, место социальной философии в научном обосновании вектора развития теории и практики социальной работы и статуса смежных наук в этом процессе.

Значимый вклад Б. Б. Хубиев внес в разработку концепции об особой роли социального образования как всеобщего компонента российской системы образования в условиях глобализации. Его монографии, статьи, философские размышления по широкому кругу проблем социального развития, в том числе в области теории и методологии социальной работы, а также по проблематике философии семьи, в настоящее время стали частью историографии современной социальной науки и образования. Это дает право отметить весомый вклад Б. Б. Хубиева в становление и развитие социальной базовой основы образования и науки при подготовке научно-педагогических кадров. Его деятельность являет наглядный пример сочетания деловых качеств организатора и редких способностей ученого-исследователя. С 1997 г. он – член президиума совета УМО вузов России по образованию в области социальной работы, принимал участие в обсуждении ГОС и ФГОС ВО второго и третьего поколений. Является одним из разработчиков учебного и учебно-методического сопровождения реализации образовательных программ в области социальной работы в КБГУ. Ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики». В настоящее время является профессором кафедры теории и технологии социальной работы. Башир Билялович Хубиев ведет активную общественную работу. Возглавляет Ассоциацию социально ориентированных ученых КБР. Он член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в КБР, общественного совета при Министерстве труда, занятости и социальной защиты КБР, редакционных советов научного проекта 11-томной серии книг «Формирование гражданского общества и права человека в Кабардино-Балкарской Республике» и журнала «Литературная Кабардино-Балкария». Член двух общественных академий – Российской академии социального образования (с 1997 г.), Международной академии образования

(с 2007 г.), занесен в современную энциклопедию социальной работы (М. 2008, с. 376, 377). Будучи зав. кафедрой, Б. Б. Хубиев всегда отличался умением объединять коллектив, настраивать на творческую работу. Его талант заключается в предвидении и в гибком решении любых, даже нестандартных, проблем. Его коллегам по кафедре импонирует в нем неподдельная искренность в отношениях, умение находить компромиссные решения, проявляя при этом твердость, если дело касается ключевых вопросов качества учебного процесса, уровня теоретических знаний и практических навыков выпускников. Судя по отзывам людей, хорошо знающих Башира Биляловича Хубиева, он относится к такому старшему поколению кафедры, без которых ни в одном коллективе не может быть традиций, мудрости и дальновидности.

Профессиональная, общественная и научная деятельность Б. Б. Хубиева отмечены почетными грамотами парламента КБР (2018 г.) и правительства КБР (2004 г.), серебряным почетным знаком имени Петра Великого «За достижения в социальном образовании» (2006 г.); Минтрудсоцразвития КБР (2001 г.), Минобрнауки КБР (2007 г.); званием «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2012 г.).

По своей природе Б. Б. Хубиев, будучи требовательным к себе и окружающим, располагает к себе людей объективностью и честностью, полон энергии и жизнелюбия, постоянно в поиске новых планов и идей. И мне кажется, что сдержанный внешне, наш юбиляр – человек интенсивных эмоций с богатым, прекрасным ощущением своего пространства и пространства окружающих его коллег, сердечный, приятный в общении, с очень добрым внутренним миром. Башир Билялович глубоко интеллигентный человек, прекрасный семьянин, у него замечательная супруга и дети.

Жиляби КАЛМЫКОВ
к.и.н., доцент КБГУ

УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ С ВЫСОКИМ РЕЙТИНГОМ

Наша дружба с Баширом Биляловичем Хубиевым длится уже полвека, со времени учебы на историческом отделении Кабардино-Балкарского госуниверситета. С первого дня знакомства (1969 г.) было заметно, что он весьма организованный и основательный в учебе студент. На его характере и поведении сказалось, видимо, то, что до поступления в университет за его спиной уже были служба в армии и работа на производстве. Вскоре я в нем увидел еще человека спокойного, честного, тактичного и приятного в общении. В студенческой среде не только

факультета, но и всего университета он пользовался достаточно высоким авторитетом. Его уважали и преподаватели. Будучи скромным и высоконравственным человеком, он никогда не выпячивал себя, но однокурсники и окружающие увидели в нем еще и лидерские черты характера. Академическая группа, в которой учился Башир Билялович, была на особом счету в комитете комсомола университета и в деканате историко-филологического факультета. В группе из 25 человек с первого курса до самого окончания университета царили культ учебы, состязательности и крепкая дружба. Активное участие в научных, спортивных и культурно-массовых мероприятиях было нормой каждого из них. Башир к тому же еще и успевал принимать участие во многих вузовских научно-практических конференциях, где он, как правило, завоевывал призовые места. Учитывая лидерские качества, студенческий коллектив факультета избрал его председателем студпрофкома, а его однокурсника Залим-Хана Гукемухова – секретарем бюро комсомола факультета. И в учебе, и в общественной жизни факультета активными были и другие студенты этой группы, в частности А. Шарданов, В. Сокуров, З. Жириков, А. Арипшев, Р. Хутов, В. Малкандуев, С. Кучменов и другие, которые затем стали работниками комсомольских и партийных органов.

Атмосферу крепкой дружбы и коллективизма студенты этой группы пронесли через многие десятилетия, периодически встречаясь на различных площадках. В истории КБГУ является уникальным тот факт, что однокурсники, по инициативе Анатолия Шарданова и Башира Хубиева, спустя 50 лет после окончания университета (2017 г.), выпустили книгу воспоминаний под названием «Между прошлым и будущим», на страницах которой они рассказывают о том, как в студенческие годы зарождалась и крепла дружба, о пройденном ими жизненном пути после окончания вуза, с теплом и благодарностью вспоминают своих преподавателей и университет в целом. Я считаю, что этот оригинальный опыт может быть полезным в воспитательной работе среди нынешних студентов.

В годы учебы Башира Биляловича в университете я возглавлял пятитысячную комсомольскую организацию КБГУ. Тогда он был членом партии, одним из инициативных и творческих активистов, на кого комитет комсомола опирался в организации первых студенческих фестивалей вузов Северного Кавказа и других общественно-политического характера мероприятий. На летних каникулах вместе со своими однокурсниками он принимал активное участие в студенческом строительном движении КБГУ и республики. По поручению парткома и комитета комсомола в качестве комиссара, а затем и командира строительных отрядов КБГУ он в 1969 и 1970 гг. выезжал в Алтайский край. В 1970 году в докладе первого секретаря Алтайского краевого комитета партии на итоговом слете студенческий строительный отряд, возглавляемый Баширом Хубиевым, был награжден переходящим знаменем, а его самого от-

метили как одного из лучших организаторов студенческого строительного движения в крае. За высокие производственные показатели и большую политико-массовую работу среди местного населения его наградили грамотой краевого комитета партии и ценными подарками. А в 1971 году ректорат и комитет комсомола поручили ему, студенту 4-го курса, возглавить отряд из 30 студентов, направляемый в разрушенный землетрясением Дагестан. И здесь отряд с честью выполнил план строительно-монтажных работ, и к началу учебного года благополучно вернулся в университет. В своих благодарственных телеграммах в комитет комсомола дагестанские коллеги высоко отзывались о наших студентах и командире отряда.

Надо признать, что выезжать в далекие края страны (Алтай, Дагестан) во главе группы из 30–35 молодых ребят и организовывать в течение двух месяцев не только производственную деятельность и быт, но и воспитательную работу, ответственно и сложно. При этом чтобы студенты оставались удовлетворенными и своими заработками и отдыхом. Каждый раз Башир с этим архисложной задачей справлялся на отлично. Особо следует подчеркнуть, что студенты возвращались домой без единого ЧП, повзрослевшие, гордые и с чувством исполненного долга. В дальнейшем это было заметно и по учебе, и по их активности в культурно-массовых мероприятиях на факультете. В этом и заключался главный смысл студенческого строительного движения.

После успешного завершения университета в 1972 году Башира Биляловича направляют в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, в сектор этнографии, который возглавлял профессор Мамбетов Г. Х. Такое редко бывало: как правило, выпускников истфака распределяли по школам республики. Очевидно, что здесь решающую роль сыграли проявленные им способности к исследовательской работе. В период учебы он проводил много времени в архивах КБР и Северной Осетии. Такое стремление Башира Хубиева не оставалось незамеченным заведующим кафедрой истории России профессором Кумыковым Т. Х. и преподавателями исторического отделения, которые и дали ему рекомендацию в институт.

В институте он прошел все этапы профессионального роста – от лаборанта сектора до старшего научного сотрудника, окончил аспирантуру Института этнографии АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию по проблематике этнической социологии – «Культура и быт кабардинцев сельских поселений разного типа».

В 1984 году, будучи уже кандидатом наук и набравшись организаторского опыта в научной и общественно-политической сфере (он продолжительное время был партийным лидером коллектива института), Башир Билялович был переведен в КБГУ на должность доцента кафедры научного коммунизма и права. Он очень быстро вписался в универси-

тетскую среду, поскольку и до этого вел занятия по совместительству, и стал одним из самых востребованных не только как ученый и педагог, но и как лектор и общественник. В том же году комитет комсомола рекомендовал его в состав лекторской группы Общества «Знание» обкома партии, и до конца ее функционирования ежемесячно мы с ним выезжали на различные предприятия и в организации республики с лекциями и беседами на общественно-политические темы. В 1989 году его избирают заведующим кафедрой научного коммунизма, впоследствии преобразованной в кафедру теории современного социализма, а затем и политологии.

Научный и организаторский потенциал доктора философских наук, профессора Хубиева в полной мере раскрылся тогда, когда ему поручили создать и возглавить новую в практике вузов России и Северного Кавказа кафедру теории социальной работы. Практически через эту кафедру, которую он возглавлял более 20 лет, прошли подготовку все ныне работающие в республиканских учреждениях системы социальной защиты населения КБР. Кафедру несколько раз реорганизовывали под новыми названиями, но костяк, созданный Баширом Биляловичем, остается один и тот же. О научных и педагогических достижениях возглавляемого им коллектива красноречиво говорят следующие цифры и факты. За 25 лет подготовки кадров по направлению «Социальная работа» (первый набор был сделан в 1993 г.) выпуск специалистов, бакалавров и магистров составил более 5000 человек. Это число превышает количество специалистов, занятых в настоящее время в Минтрудсоцразвития КБР – основного потребителя кадров. За эти годы выпускниками магистратуры защищены более 30 кандидатских диссертаций, а преподавателями выпускающих кафедр – 5 докторских и 3 кандидатских диссертации. Число научных грантов, в которых кафедра принимала участие, превышает два десятка. Издано около 50 монографий и сотни научных статей. По сведениям Башира Биляловича, только им самим по проблематике теории, истории и методологии социальной работы издано около 170 научных работ, а всего за свою научную карьеру – более 250 работ – монографий, учебных пособий и научных статей. Таким успехам могли бы позавидовать даже старейшие кафедры университета. Отсюда видно, что весомые награды, полученные им – и государственные, и правительственные, и ведомственные, – он заслужил в полной мере.

Я не могу еще не сказать несколько слов о человеческих качествах Башира уже в зрелом возрасте, которыми продолжаю восхищаться и которым хочется подражать. Мы работали на разных кафедрах, но мне приходилось общаться с ним в разных обстоятельствах и по разным вопросам. За долгие годы наших тесных дружеских связей мне не приходилось сомневаться в его порядочности. Он готов подставить плечо в горести и радости, без всяких корыстных побуждений. Никогда не замечал за ним, чтобы он о ком-то за спиной говорил плохо. Поддер-

живая хорошие отношения со всеми, в то же время он принципиален и требователен к себе и к коллегам. И в выборе друзей он также разборчив. Башир Билялович из тех, о ком адыги говорят: человек – слово и дело, сказал – сделал. Таково его жизненное кредо!

С молодости его успех в работе и в жизни вообще, как я мог заметить, объясняется особым уважительным отношением к старшим по возрасту. Часто бывает так, что он является инициатором, когда надо отмечать юбилеи заслуженных старших товарищей по работе. Для каждого он находит подходящие добрые слова и пожелания. А к молодым, особенно к студентам, у него особое отношение, для них он и наставник по профессии и воспитатель. Потому ему молодые коллеги и студенты бесконечно доверяют и обращаются к нему за советами.

Педагог он отменный, можно сказать, от бога, виртуозно владеет ораторским мастерством. На своих лекциях он восхищает слушателей широкой эрудицией, логикой суждений и четкостью изложения учебного материала, за что его особо уважают. Поэтому его рейтинг как педагога и ученого из года в год только повышается. Уверен, что его профессиональный потенциал далеко еще не исчерпан, и мы вправе ожидать новых достижений в науке и воспитании студенческой молодежи.

*Ауес КУМЫКОВ, д.ф.н.,
профессор, зав. кафедрой КБГУ
Хаким ГЕГРАЕВ, к.и.н.,
доцент, директор ИСРСиТ КБГУ
Лукьян ЕЛЕЕВ,
к.и.н., доцент КБГУ*

У ИСТОКОВ ПРОФЕССИИ

*К 25-летию научной, образовательной и профессиональной
специальности «Социальная работа в КБР»*

Знаменательная дата совпала с 75-летним юбилеем удивительного человека, талантливого ученого и наставника Башира Биляловича Хубиева, стоявшего у истоков этой профессии, возглавляя все эти годы специализированную выпускающую кафедру теории и технологии социальной работы КБГУ. В этом году у юбиляра еще одна значимая дата, определившая его профессиональные достижения, – 45 лет научной и образовательно-педагогической деятельности.

Окончив истфак КБГУ в 1972 г., Б. Б. Хубиев направляется на работу в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт,

что редко бывало в те годы, поскольку выпускников ориентировали на работу по полученной профессии. Здесь он проработал до 1984 г., окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. Параллельно преподавал общественные дисциплины в КБГУ, в Нальчикском филиале Краснодарской школы милиции, а также в Северо-Кавказском институте искусств.

Свою научную и образовательную карьеру Б. Б. Хубиев в дальнейшем связал с университетом, куда в 1984 г. был переведен на должность доцента кафедры научного коммунизма и права. Он последовательно возглавлял кафедру научного коммунизма (1990–1991 гг.), политологии (1991–1995 гг.), а с 1995 г. по 2015 г. заведовал специализированной кафедрой теории и технологии социальной работы, с 2016 г. – профессор этой же кафедры.

В 1993 г. в КБГУ открывается новое образовательное и научное направление «Социальная работа», и Хубиев Б. Б. становится одним из его организаторов. При поддержке ректора Б. С. Карамурзова и в то время министра труда и социального развития КБР Б. М. Зумакулова юбиляр много сил, труда и энтузиазма приложил для становления этой принципиально новой для России профессии. С тех пор прошло 25 лет. Кабардино-Балкарский государственный университет одним из первых в стране, в 1995 году, перешел на уровневую подготовку кадров данного направления. За истекший период университет выпустил около 5000 специалистов, бакалавров и магистров. Об эффективности их подготовки свидетельствует тот факт, что многие из них успешно трудятся руководителями подразделений в различных отраслях социальной сферы, 24 выпускника успешно защитили кандидатские диссертации, некоторые из них вышли на международный уровень с докторскими диссертациями и монографическими исследованиями, на базе этого научного направления защищены 5 докторских и 6 кандидатских диссертаций. И в этом определяющая заслуга доктора философских наук, профессора Хубиева Башира Биляловича.

Из 45 лет своей научно-педагогической деятельности 25 лет Б. Б. Хубиев посвятил отечественной социальной работе. Богатый опыт и организаторский талант особенно ярко проявились в качестве члена президиума Совета УМО вузов России по образованию в области социальной работы (с 1997 г.), он принимал участие в обсуждениях государственных образовательных стандартов ГОС и ФГОС. За эти годы университет становится ведущим российским вузом, занимая место в первой десятке, а в регионе – своеобразным методическим центром. Неслучайно такая активная работа была отмечена высоко. В числе первых специалистов – членов УМО, Б. Б. Хубиев получил правительственную награду «Серебряный Почетный знак имени Петра Великого». Он руководил многими научными проектами, результатом которых были

коллективные труды, докторские и кандидатские диссертации. Под его руководством впервые в России кафедра стала обладателем гранта Минобрнауки РФ «Аттестационно-педагогические измерительные материалы по специальности «Социальная работа» (2005), по которым проводились аттестации выпускников вузов РФ.

Весомый вклад Б. Б. Хубиев внес в развитие социальной науки, он являлся руководителем научно-образовательного проекта «КБГУ в составе Европейской ассоциации школ социальной работы» (с 2012), научным руководителем научно-образовательного центра КБГУ «Интеграция высшего образования и профессиональной социальной деятельности», руководителем лауреатов научных конкурсов студентов: «Пенсионная реформа в России» (Нефтегарант – КБГУ, 2012 г.); «Социализация и адаптация пожилых и людей с инвалидностью в российское общество» (Селигер, 2013 г.).

Он автор более 250 научных работ, среди которых 8 монографий, и двух десятков учебно-методических изданий, более 50 статей в реферируемых журналах ВАК. Итогом многолетнего научного изыскания стала защита докторской диссертации по философским наукам «Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека». Научная компетентность предопределила членство Башира Биляловича в диссертационных советах Кабардино-Балкарского государственного университета и Пятигорского государственного технологического университета. Под его руководством защищались молодые талантливые выпускники КБГУ.

Его монографии, статьи, философские размышления по широкому кругу проблем социального развития, в том числе в области философии и социологии семьи, социологии молодежи, гражданского общества, защиты прав человека, в настоящее время стали частью историографии современной социальной науки и образования. Это дает нам право отметить весомый вклад Башира Биляловича Хубиева в становление и развитие социального образования и науки, подготовку научно-педагогических кадров в КБГУ. Его деятельность являет наглядный пример сочетания деловых качеств организатора и редких способностей ученого-исследователя.

Будучи руководителем выпускающей кафедры, Б. Б. Хубиев показал себя как компетентный руководитель, умеющий объединять коллектив кафедры на принципах взаимоуважения и совместной творческой работы. Нам, коллегам, всегда импонировала в нем искренность в отношениях, умение находить компромиссные решения, проявляя при этом твердость, если дело касалось ключевых вопросов качества учебного процесса, уровня теоретических знаний и практических навыков выпускников.

Башир Билялович ведет активную общественную работу. Он член Экспертного Совета при Уполномоченном по правам человека в КБР,

Общественного Совета при Министерстве труда и социальной защиты КБР, входит в редакционные советы научного проекта 11-томной серии книг «Формирование гражданского общества и права человека в Кабардино-Балкарской Республике» и журнала «Литературная Кабардино-Балкария». Член двух общественных академий – Российской Академии социального образования (1997) и Международной академии социальной работы (2007), возглавляет Ассоциацию социально ориентированных ученых КБР. Вошел в современную энциклопедию социальной работы (2008).

Образовательная, научная и общественная деятельность Б. Б. Хубиева отмечены званием «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2012 г.); ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки КБР» (2017 г.), он награжден Серебряным почетным знаком имени Петра Великого «За достижения в социальном образовании» (2005 г.); Почетными грамотами Парламента КБР (2018 г.), Правительства КБР (2004 г.), Минтрудсоцразвития КБР (2007 г.), Минобрнауки КБР (2012 г.), Кабардино-Балкарского государственного университета (2013 г., 2018 г.).

Для нашего юбиляра превыше всего семья. И он, и его очаровательная супруга, Светлана Хусеновна, которая в течение многих лет работала в университете старшим преподавателем кафедры немецкого языка, по праву гордятся своими замечательными детьми: Марат – кандидат медицинских наук, министр здравоохранения КБР, Альбина – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института права, экономики и финансов КБГУ, внуком, внучками.

Башира Биляловича отличают завидная трудоспособность, принципиальность, деловые качества, безупречная культура общения. Его личное обаяние, доброжелательность, умение красиво, достойно вести себя в различных ситуациях позволили ему добиться заслуженного авторитета и уважения среди профессорско-преподавательского состава и студенческого коллектива института КБГУ. Таланты ученого-педагога и общественного деятеля, гуманиста, просветителя молодежи сделали его заметной личностью и вуза, и республики.

Коллеги Института социальной работы, сервиса и туризма и кафедры в день славного юбилея желают Баширу Биляловичу Хубиеву и его прекрасной семье счастья, мира, благоденствия, крепкого здоровья и творческого долголетия!

ИМЕН В РОССИИ СЛАВНЫХ МНОГО...

Олимпийское золото Мурата Карданова

Мурат Наусбиевич Карданов

*Умом его природа наделила,
А Лобжанидзе на орбиту запустил...
Не зря семья Карданова взрастила –
Он Кабарды достойный сын.
Судьба его не баловала.
Фортуна улыбалась не всегда.
Мурат – сильнейший на планете!
Мы несказанно рады за тебя...*

*Геннадий Сало.
Нальчик. 26 сентября 2000 г.*

Я – Дохов Магомед, учусь в 7-м классе обычной сельской школы, хожу в спортивную школу, занимаюсь греко-римской борьбой. У меня есть некоторые спортивные достижения, но самое значительное для меня – это первое место на турнире имени заслуженного строителя КБР Руслана Гешева, потому что на этом соревновании присутствовал Мурат Карданов – наш знаменитый олимпийский чемпион. Он вручил мне кубок и сказал: «Молодец! Так держать!» Мне казалось тогда, что счастливее меня нет на белом свете. Потому что Мурат Карданов – мой кумир, живой пример для подражания всей нашей молодежи. И мой отец следил за его спортивным путем, как только Мурат заявил о себе как спортсмен. Тем более что он родом из соседнего села Зарагиж. И начинал он свою карьеру с занятий в школьном спортзале. И тема моего сочинения вполне соответствует этому человеку. Именно труд, ежедневный, ежечасный, сделал его чемпионом. Первым олимпийским чемпионом Кабардино-Балкарии! Прошло 17 лет после Олимпиады в Сиднее, где он завоевал свое олимпийское золото.

И 26 сентября 2000 года стало памятным днем в истории спорта КБР. Невероятно трудным и долгим оказалось для Мурата восхождение на вершину спортивного Олимпа. Судьба приготовила ему столько серьезных испытаний, что другой давно бы ушел из спорта. Но несгибаемый Мурат Карданов, человек долга и чести, рыцарь без страха и упрека,

достойный представитель современных нартов, не свернул с тернистого пути и дождался своего звездного часа. Да, действительно, терпенье и труд – все перетрут. Как эти слова подходят ему!

Спорт – это титанический труд, а большой спорт – тем более. Единборства в крови горских мальчишек. Они рождаются уже бойцами.

И вряд ли девятилетний мальчишка, целыми днями смотревший спортивные репортажи из олимпийской Москвы, теперь уже в далеком 1980 году, предполагал, что спорт не только навсегда войдет в его судьбу, но и выведет его на самую высокую олимпийскую вершину победы, прославит на весь мир!

Спорт для Мурата Карданова – это стиль его жизни, увлечение, работа. Мурат считает, что спорт развивает в человеке не только силу физическую, но и духовную. Спорт порождает уверенность в себе, волю к победе. Обязательность и пунктуальность он предпочитает праздности и безделью. Надо оградить современную молодежь от алкоголизма и наркомании. Когда нет ориентира в жизни, человек теряет лицо, поэтому нужно добиваться массового увлечения спортом. А еще Мурат говорит, что главную победу над собой уже одержали пришедшие в спорт. Они навсегда становятся поклонниками здорового образа жизни, а к таким быстрее приходят удача и счастье.

Так кто же он – наш олимпийский чемпион?

Мурат Карданов – заслуженный мастер спорта России, четырехкратный чемпион России, трехкратный победитель Кубков мира, награжден орденами Почета, Мужества, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, медалью «За выдающийся вклад в развитие Кубани» I степени, «Заслуженный работник физической культуры и спорта КБР».

Это всего лишь малая доля титулов Мурата. И всего этого он достиг до тридцатилетнего возраста. При этом он успел получить 2 диплома и защитить кандидатскую диссертацию.

И, наконец, самая главная победа в его жизни – золотая медаль на XXVII Олимпийских играх в Сиднее.

Естественно, что с первой минуты, когда об этом узнали жители КБР, Мурат стал национальным героем. Он посвятил свою победу родной Кабардино-Балкарии, своим землякам, своему Нальчику!

А что касается финального поединка с Мэттом Линдлэндом, нельзя сказать, что победа над ним далась Карданову легко. Соперник был очень сильный и настойчивый, а еще представлял сильную державу. И наш Мурат понимал, какой резонанс будет иметь в мировом сообществе исход этого поединка.

Тут на ум приходят строки из «Мцыри» Лермонтова:

*...И мы сплелись, как пара змей,
Обнялись крепче двух друзей,*

*Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.*

Итог схватки 3:0! Эффектно и неоспоримо! Мурат Карданов – один из сильнейших мастеров греко-римской борьбы в мире! Первый номер российской сборной в весовой категории до 82 кг!

Великий спортсмен и настоящий мужчина, обаятельный и интеллигентный, красивый, как внешне, так и внутренне, очень добрый и очень скромный в жизни, он добился цели – на радость восьмистам тысячам жителей родной Кабардино-Балкарии и почти полуторастам миллионам россиян.

Имя Мурата Карданова навеки вошло в славную олимпийскую летопись России. Его участие в Играх – эпохальное событие в истории спорта республики. Мы можем гордиться тем, что он родился на щедрой, благодатной земле Кабардино-Балкарии.

Р. С. Сегодня Мурат Наусбиевич Карданов – заместитель председателя Правительства КБР, так пожелаем ему крепкого здоровья и больших успехов!

От редакции

Нашего юного автора представляет учитель русского языка и литературы школы селения Нижняя Жемтала Черекского района КБР Елизавета Касимовна Сокурова.

*Хасан ТХАЗЕПЛОВ***ЭКСПЕДИЦИЯ – 2516***Главы из научно-фантастического романа¹*

Со стороны трудно было догадаться, что она сейчас ведет сеанс с этим объектом мысленно и напряженно, собрав всю силу воли, чтобы узнать о нем всё возможное и передать ему наше послание. А для этого необходимо было проникнуть в его энергоинформационный каркас, где таится тайна тайн. А что он защищен плотной энергоконструкцией высокого порядка – сомнений не было...

Наблюдая за её сосредоточенным напряженным состоянием, так и хотелось устремить взгляд дальше, вглубь экрана, к этому таинственному объекту, и любоваться его алогичной формой. Физически реальной с точки зрения земной теории, но за ней угадывались невидимые горизонты будущих ещё не известных нам миров.

Я не успел найти точку опоры для своих пространных мыслей, как вдруг, откуда ни возмись, на дальнем горизонте, хотя какой может быть здесь горизонт, возникли тускло светящиеся шары, вращающиеся в разные направления внутри многокольцевого поляризационного спутника. Кольца спутника тоже в свою очередь вращались в разном направлении, не имея единого центра оси, будто всем этим управлял разнополярный магнитный протуберанец, то ли втягивая в себя, то ли испуская из себя нечто, видимо, комплекс определенных действий, в том и в другом случае проявляя неочевидную изобретательность.

Мне сперва это показалось кольцами-миражами, движущимися в космических магнитных плоскостях со своими координатными сетками, связанными с ирреальным пространственным расположением не обозначающего себя источника.

Они, кольца-миражи, демонстрировали единую природу свечения как в оптическом, так и в радиоизлучении, взаимодействуя с пространственной кинетической энергией, будто подавали специальный сигнал неизвестной природы.

Чувствуя, что всё это не так просто, что здесь кроется скрытое от нас проявление, я приказал ЦИБу перевести изображение на систему цветонизатора и проявить все цветовые нюансы спутника. Теперь на экране вырисовывалась интересная картина: тускло светящиеся шары и кольца показались переливающимися разноцветьем красок узорами, сплетением цветных полос.

¹ Продолжение. Начало см.: № 6, 2017.

Удивленный таким необычным зрелищем и сложной формой явленного образа, я обратился к ЦИБу:

– Скажи, Дружище, то, что я вижу, ты воспринимаешь так же или иначе?

– Да, Командир. Всё то, что ты видишь, я воспринимаю так же ярко, как и ты.

– Тогда ответь мне, что мы видим и что всё это означает? Не трансформированные ли это узлы компонентов взаимодействующих энергетических полей?

Я не успел я додумать свою мысль, как внутри сателлитона между кольцами возникли разнообразные темные структуры, испещренные изменяющимися черными впадинами и такими же черными пульсирующими дырами. Не знаю почему, но у меня пробежала мысль: мобильная информонесущая структура, закольцованная сама на себя вокруг определенного устойчивого центра.

– Вы видите, что происходит? – в волнении посмотрел я на сидящих и обратился к ЦИБ: – Что это может значить? С нами играют или пугают нас?

– Я не могу ответить, что это значит, откуда возникло, но оно напоминает гигантскую элементарную частицу в магнитном поле между ядром и оболочкой медленно вращающегося мини-реактора с эффектом магнитной намотки. И я не понимаю, зачем и каким образом оно разделяется и собирается вновь в другой интерпретации, не теряя при этом высокой энергетической стабильности с упорядоченной энергетической цепью, обладая при этом способностью перемещаться! – отчеканил ЦИБ строгим голосом.

Члены командирского совета, сидевшие удрученно с думой о Харите, зашевелились и вступили в наш разговор. Первым подал голос, как и положено по рангу, Тхаз Да Мир, обращаясь к ЦИБу.

– Скажи, пожалуйста, то, что ты поведал нам, проанализировано хотя бы экспресс-наблюдением, или это предположение из космологического каталога твоего базового хранилища? При удачной расшифровке твоего суждения мы можем прийти к принципу и подобию энергоцепи разных уровней космического сознания. А это, извините, приближает нас к мысли о вероятности того, что это не мертвая материя. А это значит...

– А это значит, что нам недоступны каналы связи высшей информации. Где-то так, Дружище, если даже принять это на уровне интуиции?

– Возможно, Командир. Но то, что я обнаружил, подходит к соответствию с общим космологическим пониманием последовательного ряда однородных, но многообразно изменяющихся явлений.

– Да, все мы правы своей земной логикой. Но, перешагнув уровень нашего понимания различий внутренней структуры с внешним образом мира, логика начинает хромать. Тем более там, где кажущийся порядок меры хаоса – многолик, а беспорядок – неустойчивое состояние самоорганизующегося порядка. Тебе, Дружище, всё это знакомо, и ты, обобщая их строгой логикой, сепарируешь факты и явления. Вот так, друзья, – сказал я, обращаясь к ЦИБу в основном и давая поручения всем остальным.

Начатый разговор увел меня вглубь, я начал убеждать себя, что я – человек, возвращенный предвидениями и обобщениями, что наблюдаю реальный мир в его строгой логической последовательности и этими усилиями земного наблюдателя ухитрюсь выходить иногда из строгой логики землянина.

И вот сейчас вся эта совокупность цветowych переливающихся полос сателлитона напомнила мне сияющий спектр земной радуги. И отличие одного от другого было в том, что радуга всегда была на одном месте, а сателлитон двигался, и его движение якобы было подчинено, как мы это потом выяснили, законам движения элементарных заряженных частиц в магнитном поле, образуя локальные разорванные кольца. И все они, расширяясь в диаметре, накатывались на звездолет, будто затягивая его в свою внутреннюю полость. Я вздрогнул при виде этого. Находящиеся рядом члены совета съежились и, вглядываясь в экран, насторожились.

Мы не успели осмыслить происходящее даже своим натренированным воображением, в тот же миг все кольца разом отпрянули от звездолета и превратились в прозрачно святающиеся полые воронки с направленным на звездолет конусом. Из воронок медленно вытянулись серебристые потоки лучей и, принимая форму растянутых овалов, стали вращаться, циркулируя по воронкам, всё разрастаясь в поперечнике и диаметре. Дальше всё произошло мгновенно: огромные овальные лучи, продолжая циркулировать по воронкам, вошли друг в друга и, превратившись в огромное черное колесо, накатились на звездолет. В этот же миг на экране Хариты вспыхнул всепоглощающий яркий свет и мгновенно

исчез. Одновременно с исчезновением этой вспышки послышался неистовый крик Хариты: «Мама!» – и жалобные всхлипы сопровождались нечеткими звуками. Это она, цепляясь то за кресло, то за компьютерный стол, сопротивляясь невидимой силе, которая тянула её прямо в экран. И неумолимо втягивались в экран – сперва вздыбленные волосы, затем голова, медленно превращаясь в тающий силуэт... Торопливый крик ЦИБа... Моя команда отключить экран, и с отключением экрана она выпадает обратно и... все стихает. Мы смотрели на этот ужас с болью в душе, и чтобы совсем не расклеиться, я приказал ЦИБу выключить экран.

В зале настала мертвая тишина, сидящие будто боялись посмотреть друг на друга. Глядя на их строгие взгляды в никуда и непроницаемое напряжение лицевых мышц, можно было угадать внутреннее переживание каждого. А у меня в голове смешались воедино злость, досада, тревога, растерянность. Мы так долго работали с объектом, и вдруг случилось нечто, погубившее все наши труды и надежды... И Хариту... Что теперь? Как быть дальше? – в голове носились вопросы. Была ли ошибка в наших действиях? – анализировал я мои поступки и рекомендации, – если да, то где и в чем была недоработка? Чем вызваны драматические события? Может, метод общения был выбран ошибочно, не соответствовал объективному ходу развития событий по здешним законам? Где та истина, которая укажет нам соответствующие принципы? Неужели во всем и везде истина достигается путем проб и ошибок?

Я старался таким образом отложить на потом все свои критические замечания, чтобы создать особый психологический климат, надеясь тем самым, что в мыслях у меня возникнут экстравагантные идеи, из которых можно будет выбрать решение. Этим способом я вызывал у себя мозговой шторм и напряжение интуиции, надеясь, что это поможет разобраться с возникшей проблемой.

Находясь в таком подавленном состоянии, когда любой посторонний звук заставляет вздрагивать, я услышал резкий голос ЦИБа:

– Командир! Объект странным образом отдаляется от нас по спиралевидной траектории, окутывая себя плотным энергетическим каркасом из сгустков высокоэнергичных компонентов жесткого рентгеновского излучения с признаком пульсирующего универсата. Энергетический каркас создает вокруг себя силу тяготения своей массой с отрицательным знаком по отношению к фоновому излучению.

– Концентрация такого излучения характерна лишь для величин промежуточных подсистем виртуальных квазичастиц из распада элементарных темной материи.

– Это так, Командир, – вступила в разговор исследователь структур физических объектов Элен Жорж, – если учесть, что в них обнаруживается особая форма – самозамыкающаяся поляризованная энергия, не имеющая своей структуры, и это напоминает бесструктурный элемент поля.

– И это при условии, дорогая Элен Жорж, если источник излучения – из неравновесных активных сред и резонатором могут являться сверхкороткие импульсы при определенных условиях.

– И с релятивистскими скоростями, – добавила она как истинный исследователь структур физических явлений.

Слушая её, я одновременно размышлял. Объект убегает, что ли, думал я, от этого огромного черного колеса, или занимает наблюдательную позицию, чтобы смотреть, как дальше развернутся события? И опять промелькнул в голове один и тот же вопрос: откуда и зачем появился этот циклопический космический калейдоскоп с дискретным набором структур определенных форм и цветов, имея вид логически обоснованной динамики? И я не находил какой-то правдоподобный утешительный ответ, пусть даже противоречивого характера. Я мог бы согласиться в другое время назвать это чудодейственным парадоксом, но в этой ситуации, перед таким явлением наше понятие парадокса казалось недостаточно полным. Как всё же, удивлялся я, может совместиться в одном явлении несколько противоречивых друг другу структур, видов и подвидов, образуя собой единство разноплановых событий? Все это было похоже на фантограмму, где описывается и то, что может быть, но не реализуется, и то, чего быть не может, но возникает в воображении. А иногда даже то, что и вообразить трудно. Глядя на всё это, я не ждал озарения, и идти ему навстречу тоже не хотелось, и даже не потому, что этому мешала наша психологическая инерция. Неравномерные вспышки сознания и подсознания, порой и одновременно, противоречиво, рисовались в воображении, полагаясь на интуицию. Но она, интуиция, не могла разрешить разноплановые противоречия и подсказать способы их устранения. Потому и полагаться на интуицию было неразумно.

Всё, что я рассказываю сейчас длинным рядом слов, пробежало перед внутренним взором единой вспышкой, пока суровая реальность не вернула меня назад. Озабоченность и напряженность, ставшая нашим постоянным состоянием, держала всех готовыми к любым действиям. При этом надо было соблюдать все законы всемирных взаимоотношений, заключенные с ближними космическими соседями по бессрочной хартии. Она допускала и присоединение других мирных разумных видов, соблюдающих нормы хартии. В принципах этих законов главенствовало непотворение угрозе силой без предварительного анализа намерений противостоящей силы. И вот такой угрожающей нам силой мы считали неизвестный объект. Но с появлением огромного черного колеса наше мнение переменялось. Вы всё видели сами.

– Командир! – прозвучал голос ЦИБ предупреждающие. – Черное колесо, вращаясь, отходит от корабля и направляется в сторону объекта, увеличиваясь в размерах. Оно пытается напасть на объект, но объект отбрасывает его каждый раз какой-то огромной невидимой силой. Для

активного наблюдения за происходящим я не могу открыть звездные экраны и оптические регистраторы, чтобы не допустить проникновения чужеродных полей и волн, несущих зло внутрь корабля.

– Дружище, следуй строгому приказу не открывать никакие экраны и всевозможные регистраторы, связывающие нас с внешним миром. Для наблюдения за происходящим и его регистрации разрешаю открыть эллиптический многоканальной спиральный шлюз через распределитель диапазонов частот ПИ-излучателя инверсионной фокусировки. Этот канал недоступен пока никому.

– Да, Командир! Включаю распределительное равновесие фокусирующих систем.

– Хорошо. Замкни колебательную монохроматическую волну с ударной волной процессии.

– Есть, Командир! Регистратор начал выдавать круговой обзор на волне командирского канала сверхкороткими импульсами.

– Мы все слышим тебя, Дружище. Докладывай, что происходит там.

– Там настоящая битва. Черное колесо накатывается на объект, как грозная десница зла, и упорно старается поглотить его и заключить внутрь себя. Оно старается раздавить объект, то расширяясь, то сжимаясь по диаметру. А объект невидимой мощной силой отбрасывает его раз за разом. Похоже, что борьба идет не на жизнь, а на смерть, будто у них фатальная встреча. Ого! А теперь мощнейший энергетический импульс выстрелил из невидимой точки объекта, и Черное колесо, вращаясь, хаотично откатывается прочь. Объект остается нашим невозмутимым спутником, а Черное колесо убралось вдаль, но не исчезло из нашего поля зрения.

– Что ты думаешь обо всем этом, Дружище?

– Полагаю, Командир, что объект, защищая нас, вступил в жестокую борьбу и победил.

– Повтори еще раз, Дружище!

– Полагаю, что объект на нашей стороне и защищает нас.

Услышав это, мы не стали сдерживать радости. Объект оказался на нашей стороне! Тревога немного спала, и её место начало заполнять воодушевление. Теперь мы не одни – думали все, глядя в лица друг другу.

Но тревога не исчезала. Хотя Черное колесо укатилось далеко, было зафиксировано, что оно не исчезает, оно чего-то ждет, а значит, оно не побеждено. Значит, надо быть ко всему готовыми и срочно активизировать боевой арсенал корабля. С этой мыслью я вызвал командира спецгруппы корабля Дису Дахэ и приказал в срочном порядке усилить охрану корабля и приготовить оборонительное оружие класса лазерных пламенных факелов и при необходимости иметь наготове наступательный веерный блок узкокороткосегментных импульсных носителей. Используя при не-

обходимости боевой арсенал корабля, мы не нарушаем установленный закон Всемирной хартии.

– Я давно предлагала, Командир, продемонстрировать нашу мощь, – выпалила Диса.

– Но оказалось, что ты была неправа, – перебил я. – Выходит, что неизвестный объект – вовсе не враг, а спаситель наш. Что на это скажешь?

– Да, я тогда поспешила с выводом, была неправа.

– Не просто неправа – ты не обдумала свои действия. А теперь вот ясно, кто друг, а кто враг. И настало время необходимо подготовить все составляющие для обороны и атаки. И всё время ждать моего приказа. Только мой приказ может быть началом какого-либо действия. Думаю, это понятно?

– Понятно, Командир. Всё сделаю как положено, жду вашего приказа.

– Я очень желаю, чтобы не было такого приказа.

– Я с вами согласна, Командир, пусть всё обойдется, – и с этими словами она удалилась твердой походкой, как подобает галактическому адмиралу.

«Так, с этим разобрался, – подумал я, утешая себя, – теперь необходимо внимательно проследить за действиями Черного колеса, дабы быть, как говорят на Земле, начеку!» И вызвал ЦИБ.

– Дружище, наблюдай внимательнее за Черным колесом и передавай мне всё, что происходит с ним, а также докладывай о сопровождающем нас объекте и об всём, что происходит в пространстве вокруг корабля и по курсу.

Костяк командирского совета постоянно находился в зале управления из-за того, что мне легче было оперативно обсуждать неизбежно возникающие вопросы и проблемы совместно, сразу принимая решения, по возможности безотлагательно. Это давало возможность четко и слаженно управлять ситуацией и звездолетом.

– Командир! – прозвучал голос ЦИБ. – Черное колесо вновь начало светиться причудливыми узорами фосфоресцирующего света, выбрасывая при этом сгустки искрящихся частиц. Физическая природа их остается неясной. И оптическая яркость тоже расположена внутри медленно вращающегося колеса.

– Можешь дать в двух словах образное определение сути?

– Не могу, Командир. Войти в морфологический ящик его природы не удастся. А теперь регистрирую, как вокруг него сгущается газоподобный диск, имеющий вращение против движения самого колеса.

– А сопровождающий нас объект?

– Он мирно несется рядом с нами, будто наблюдая за всем происходящим.

– Твои выводы, Дружище?

– Предполагаю, что Черное колесо окутывает себя мощной неясной многополярной магнитной средой с комбинаторной структурой. И структуру разложить на составляющий ряд не удастся.

– Ответь, пожалуйста, ЦИБ, – обратился к нему внимательно следящий за нашим разговором Тхаз Да Мир, – возможно ли такое, что оно стягивает к себе, как ты выразился, комбинаторную структуру для усиления своего гравитационного поля, для воздействия иными путями на наш корабль?

– Исключать такое действие с его стороны я бы не стал. Ещё и потому, что оно не колеблется в своей решимости.

– И то, что оно, видимо, меняет тактику, говорит о его хитрости и коварстве, – в разговор вступил Кондо Руслануко.

– Командир! – вмешалась в разговор Диса Дахэ. – Мы как раз, очень кстати, могли бы найти практическое применение нашему новому боевому изделию АМЭВ.

– Не зная его истинных намерений, мы не можем этого делать. Чем тогда мы отличаемся от него самого?

Все молчали в задумчивости, даже ЦИБ прислушивался к разговорам, не делая определенного вывода. Тогда я резко сказал:

– Нет! Во-первых, это боевая единица, созданная нашими руками здесь, в корабле, которая ещё не прошла испытаний в боевых действиях. Для применения её должна быть веская ситуация: выбор между жизнью и смертью. Её применение может нарушить пространственный покой неопределенной протяженности пространства вокруг нас. Исходная величина её поражающей мощности многократно увеличивается в процессе возрастания динамической амплитуды и не управляема никакими силами тяготения окружающей среды. Недаром же мы назвали её «Дисперсией». А что это означает, вы все прекрасно знаете. Это воистину оружие космического масштаба. Так что нам придется не торопиться с применением нашего изделия «Амплитудно-модулированная электромагнитная волна». А всё же, друзья, надо быть готовыми ко всяким неожиданностям.

Я посмотрел в сторону Дисы Дахэ, она увидела в моем взгляде требование и незамедлительно ответила:

– Командир, мы всегда готовы к своему часу.

Я хотел на этом приостановить наш разговор, но ЦИБ опять сообщил:

– Командир, Черное колесо уже не черное, даже не круглое, оно не спеша меняет свой цвет и форму: то возникает темно-серебристый овал, то багрово-синий многоугольник, на вершинах которого вспыхивают маленькие разноцветные звездочки, – доложил ЦИБ, будто рассказывал о некой динамике самоизменяющегося явления энергонасыщенной картины.

– Я не могу понять, Командир, чего хочет от нас это чертово колесо! – раздраженно выпалила Элен Жорж. – Может, оно создает нам

некоторую иллюзию эффекта, выдавая себя за превосходящую силу? Ну прямо зло берет, как настойчивый мутант с планеты Эрей.

– Всякое возможно, – задумчиво сказал я. – Но всё же оно не иллюзия и не эффект, а самый настоящий, но редкий в природе биогенный хамелеон, умеющий распадаться и собираться вновь в первоначальном виде либо с иными характерными параметрами, даже с иным выбором элементарных частиц, – добавил я и все на меня посмотрели с озадаченным видом: откуда, мол, ты все это знаешь? Да я и сам не понял, откуда взял всё это. Даже удивился себе.

Как ответ на общий немой вопрос ЦИБ включился и начал передавать через громкоговоритель зала:

– После частичного по нашим возможностям экспресс-анализа дошедших до нас всех видов полей, волн и излучений выяснилось, что состояние и форма материи – аморфны. Они чужды нашему миру сознания. Исходя из этого, данный феномен не представляется возможным исследовать в наших условиях.

В зале стало так тихо, что можно было при желании услышать гудение собственных нервов.

– Что же вы так притихли, для нас есть хорошая научная работа, – постарался я приободрить людей.

Рядом сидящий Инал Тхьэээплъ посмотрел на меня искоса и выдавил:

– Научная ли работа, Командир?

– Да, Инал, вся наша экспедиция – это научная работа землян. И наш каждый новый шаг – это вклад в науку землян.

Не успел я закончить свою речь, как вновь заговорил ЦИБ:

– Командир! Наблюдаю картину распадающегося колеса на концентрические светящиеся колечки, а затем колечки сливаются колебательными движениями и, тускнея, исчезают.

– Исчезают? Как исчезают? – изобразил я неподдельное возмущение, хотя это было и безадресно и ни к месту, и добавил оживленно: – Повнимательнее, Дружище, коварный враг – хитрый враг, он не знает пощады, он подкрадывается незаметно.

– Командир! Он, оказывается, не исчез. Он появился вновь на прежнем месте с видоизмененными внешними очертаниями. Оно теперь – диск двойной системы, равномерно медленно вращающийся вокруг некой своей оси.

– Так что же оно такое?! – не выдержал я. – Не поддающаяся никакому объяснению псевдосистема, не имеющая грани между живой и неживой материей? Оно же противоречит всем законам природы.

– Какую природу вы имеете в виду, Командир? – спросил с иронией Уван Черный. – Природы в нашем понятии или находящейся за гранью постижимого?

– Да я сам теряю уже понимание, в каком мире мы сейчас и здесь, – сказал я с отсутствующим взглядом.

Видя мое гнетущее настроение, возникшее внезапно, Тхаз Да Мир пришел на выручку и, будто глядя вдаль, чтоб не встретиться взглядами, выразил, как бы между прочим, всем очевидную мысль:

– Мы ещё не отошли от укоренившейся в нашей психике философской доктрины землянина как вида, выросшего в плену Солнечной системы. А здесь, в большом мире, не так, как дома, где мы выросли. Чем дальше мы углубляемся в природу мира, тем она больше усложняется: меняются исходные первоосновы, их константы, величины систем, характеристики, внешние и внутренние признаки и так далее, – он замолчал, будто искал, чем завершить свою мысль, а потом отрезал: – И всё это в непрерывном взаимопереходе поглощения и выделения!

Едва он закончил свое нехитрое рассуждение, как Алия Аскерли Доду выжидающе посмотрела на него, а затем на меня, и вступила в разговор, как я подумал, чтобы успокоить наши нервы в такой сложной ситуации, когда Черное колесо с чертами убийцы висело над нами, угрожая своей непостижимостью.

– Мир, – начала она, – очевидно, имеет намного больше разнообразных проявлений, что это Черное колесо. И для нас это неразрешимая загадка по нашу сторону мира. А по ту сторону, за гранью необъятного, сколько может быть разнообразия видов, подвидов, их групп, систем в группах! А сколько несметных количеств информонесущих субстанций, как материальных, так и иных диковинных носителей, которые нам не дано увидеть сквозь толщу времени и тяготения нашего обозреваемого мира.

– Да, Алия, и это всё – мир вокруг нас. А сколько ещё таких, до которых наша мысль не добралась, – добавила Элен Жорж. Когда она начала говорить, я понял, что речь она ведет вовсе не из-за меня, а по существу обсуждаемой нами проблемы.

Она продолжила:

– Мы уже здесь непосредственно столкнулись с тем, что необходимо привыкнуть и выработать в себе механизм мыслить новыми, необычными для человека земли категориями, доведя нашу ориентированность в любой ситуации до автоматизма. А для этого надо прочнее установить связь с этим миром, где мы находимся, и выработать механизм взаимопроникновения, что могло бы дать возможность раздвинуть пределы нашего сознания. – Она остановилась, оглядела присутствующих и твердым голосом добавила: – Тогда в наших укоренившихся привычках земного воспитания мы не искали бы дилеммы выбора между конечной и бесконечной величинами свойств материи и в наше сознание вошла бы космическая психология, – закончила она свою речь, сложив аккуратно по-женски приметные руки на колени.

Я вызвал ЦИБ и спросил:

– Дружище, как там вокруг нас?

– Всё мирно, Командир, неизвестный объект следует нашим курсом на безопасном расстоянии, а Черное колесо, монотонно видоизменяясь, маячит вдальке, тоже следуя нашим курсом.

– Хорошо, Дружище. Слушай разговор, происходящий здесь, чтобы затем мы с тобой обсудили и использовали бы в деле всё, что стодится в критические моменты.

– Я все фиксирую, Командир, и анализирую объяснения, связанные с разнородными явлениями, подчеркивая более убедительные особенности. Вы, люди, в своем мышлении схожи предварительными особенностями, предвещающими нелегкое благополучие, и в то же время вы склонны к мировоззренческим проблемам трагедийной жизни и драматическим коллизиям. Это всё очевидное противоречие.

– Но ты ведь тоже физическое воплощение ума человека. Значит, ты стоишь на фундаменте человеческих достижений.

– Я этого не отрицаю, Командир. Бесспорное достижение человека Земли, воплощенное во мне – колоссальная работа. Тем более, я не аналог тех непосредственных направлений развития технологий ракетостроения, а тенденция родной моей цивилизации. Видимо, поэтому я и склонен искать в ваших сходных следствиях критические значения, чтобы связать свойства, взаимодействия и взаимосвязь процессов для дальнейшего предложения выводов по ним.

Я увлеченно слушал ЦИБ, будто загадочного собеседника в разговоре о духовном и физическом совершенстве человека.

– Твои выводы, Дружище, очень помогают в наших серьезных спорах и разногласиях, привлекают внимание к недооцененным предложениям и выработке решений, – обобщил я сказанное.

В разговор вступила не очень разговорчивая, но выражающая свою мысль предельно лаконично Тим Мил Ана:

– Поддерживая ЦИБ во всех его действиях и высоко оценивая необходимое значение в дальнейшем его анализа наших разговоров по многим темам, я хочу добавить от себя и вернуться к сказанному Элен Жорж. Человек, способный глубоко проникнуться жизнью природы, живет предчувствиями и переживаниями, ориентируясь на прижизненную и справедливую концепцию: мы бессмертны, пока живы, и подсознание мира продолжается теми закономерностями, окутанными неясностью последующих основ жизни. Но человек есть человек, его реакции и патологии могут меняться в разных социальных и природно-ситуативных адаптациях, преодолевая аномалии психологического тормоза, что ослабляет мышление, раскованность мыслей. А устойчивая психика при благоприятных условиях динамики побеждает всякое выражение зависимости. И если мы в этой ситуации, как выразилась Элен Жорж, сможем обрести космическую психологию, преодолев инерционное тяготение условностей землянина, тогда мы станем свободными от

привычки мерить всё рассудительной логикой и сравнительной справедливостью.

– И это может быть названо, ну, примерно так: психореформаторный трамплин побуждения к гармоническому прогрессу с противоречивой индивидуализацией личности в условиях космического культивирования индивида, – поспешил вступить в разговор двух подруг Уван Черный и под пристальным взглядом Нурупх, сидящей тоже рядом с подругами, продолжил: – Это, конечно, по-научному, так сказать. А простым языком – перешагнуть порог своих нравственных категорий и обзреть признаки невидимых, в то же время реально существующих за чувствованием, последующих уровней постижения как неисчерпаемой цепи фундаментальных основ мироздания.

– Перешагнуть границу собственного сознания? – спросил с удивлением Жан Ибн Арсени.

– Да, друг мой, перешагнуть границу собственного сознания и вступить в область сверхсознания, которое обычный человек не может ощутить и войти в это состояние, – ответил Уван.

– Обычный человек не может, – вступила в разговор Нурупх, с видом несогласия поглядывая на Увана. – Да, обычный неподготовленный человек не может. Но мы необычные люди, понимаем мы это или нет. Или вы ещё не прониклись верой в заранее предначертанную судьбу, уготовленную нам ещё на Земле? Как это понять нам, как ухватить ниточку, невидимо связующую с миром, многомерную по своей природе суть человека, и осознать, что наша экспедиция, я верю в это, всё же станет своего рода озаряющей мечтой для пытливого взора человека. И позовёт следующие за нами поколения в мир гармонии, диалектического познания закономерностей, радости и любви безмерной ко всем и вся!

Она закончила неожиданно возникший разговор необычным для неё же приглушенным грустным тоном и села, встретившись мимолетно с испуганным взглядом Увана. Я это заметил и мне показалось, что её речь, содержащая нотки какого-то предопределенного смирения перед судьбой, действительно растрогала Увана. Он будто уловил предчувствие неумолимо грядущих событий. На его лице сгушались еле уловимые скрытые линии печали, выдающие его переживания. Да и мы все первый раз слышали в её словах такое скрытое сочетание тягот душевных с одухотворенным устремлением, завуалированное в непостижимое спокойствие.

Всё это рождало в зале тишину, будто неуловимая грусть тяготела над всеми. Экипаж сидел в задумчивости. Скорее всего, люди притихли от услышанного, каждый связывал свою судьбу со сказанным Нурупх, пытаясь представить свое будущее. Во всяком случае, я так думал. И я тоже, как и все, думал о себе, но не о себе одном, а обо всех нас, о судьбе экспедиции, о судьбе первого звездолета Земли, о ставшем мне близким другом Бироше, о наших трудягах-роботах. Сопоставляя быстротечны-

ми мыслями факты нашей жизни с её предсказаниями, я тоже думал, как и она, но не мог понять, почему она сейчас внезапно повела такой разговор? Может, женское сердце всколыхнул ужас случившегося с её близкой подругой Харитой? Может, она неожиданно заскучала по дому? А может, почувствовала что-то далекое, нам неведомое, скрывая причину этого? Кто знает, интересны всё же её неожиданные откровения.

Она будто видела воочию такое, с чем нам не дозволено было соприкоснуться. Она будто завораживала нас необычайной гармоничностью слов, отзывающихся на зов куда-то в незнакомый нам мир, хотя всё, что вокруг нас – незнакомый мир. И я подумал с интересом: оказывается, зная её как особого члена экипажа, совсем не знаю как человека, у которого натура намного сложнее, чем её повседневный образ. Мне необходимо стало глубже распознать её внутренний мир, глубину её мышления в образном восприятии единства мира и в иерархической лестнице видов разума с равновероятным толкованием. Короче говоря – способность представления человека о проецируемости его самого на более высокий план. Но как это сделать? Прямыми вопросами и ответами невозможно выявить общую сложную картину внутреннего мира, психологические реакции, даже какие-то мистические ощущения, необходимые именно ей. Потому как она являлась аккредитованным представителем объединенного правительства Земли в космосе на всех уровнях встреч с внеземными цивилизациями. Это накладывало на неё и на нас всех особую ответственность от имени землян. Поэтому я решил встретиться с ней в приватном порядке.

Но в это время неожиданно прервал нашу беседу, назовем это так, ЦИБ обеспокоенным голосом:

– Командир! Черное колесо начинает проявлять активное движение, разрастаясь внутри себя разнонаправленными многокольцевыми вращениями, будто создавая энергетический комплекс смешанного уровня между вращающимися кольцами.

Услышав тревожное известие ЦИБа, находящиеся рядом коллеги разом сбросили угнетающий их груз тоски и в ожидании моей команды притихли.

– Прослеживается ли, Дружище, возрастание и развитие энергетического комплекса или стабилизируется импульсный всплеск, имея тенденцию однонаправленности? – спросил я спокойным голосом.

– Доминирует импульсный всплеск сложноорганизованной структуры, развертываясь в конусовидную форму, образуя энергетический каркас, – доложил ЦИБ удрученным голосом.

С ним такое бывало нечасто. А я про себя подумал: надо готовиться к выходу на позиции. И дал команду ЦИБ:

– Незамедлительно активизировать все виды высокоонизированных систем прямого аннигилирования на борьбу с врагом для подавления

любых поражающих энергетических форм и инициатив, направленных против звездолета и его экипажа! Диска Дахэ быть наготове к любому развитию событий. Всем руководителям подразделений занять свои боевые посты и ждать моего приказа. ЦИБу отдельно: всю информацию на корабле замкнуть на командира и дублировать у себя. Связь через внутренний модульный фильтр. Все члены совета свободны, кроме Тим Мил Аны, Увана, Кондо Руслануко, Нурупх и Элен Жорж. Вы мне нужны как специалисты в своих направлениях. Тим Мил Ане прошу пригласить сюда Тхагуримаго в сопровождении лечащего его хирурга.

Пока мы стали ожидать приглашенных, я объяснил, зачем задержал остальных. И обратился к Тим Мил Ане:

– Ты предложила накануне привлечь Тхагуримаго к нашей работе. Я думаю, этот час настал. Потому вас и оставил, чтобы оценить его готовность к началу работы. Вы – специалисты, которые в полной мере могут оценить его действия, делая свои выводы. Он не просто член экипажа звездолета, как мы, он является представителем той группы людей, которые подверглись чипизации на Земле ещё при нас. Как вы помните, ученые-передовики-глобалисты, используя свои достижения в области диагностики мозга в симбиозе с вживленным чипом, установили ему программу реализации возможности расширения приемно-анализирующих свойств мозга в условиях большого космоса.

– Я помню, что эта тема была известна на Земле больше своим новаторством, нежели прямой необходимостью и превосходством перед другими миниатюрными системами магнитно-гравитационных ловушек, – подтвердил свое знание в этом вопросе Уван Черный.

– Я ещё по школе помню, – вступила в разговор и Элен Жорж, – что некоторым нашим навязывали участие в этом эксперименте, но те, которых я знала, отказались. Противников идеи чипизации было много, так же, как и инициаторов.

– Даже мы шутили тогда, – вступил в разговор Кондо Руслануко, – называли эту идею – ЧПМ, то есть чрезвычайное происшествие в мозгу.

Думая закончить наш разговор до прихода приглашенных, я хотел как бы подытожить, но заговорила Нурупх:

– Я четко не представляю себе, Командир, мою задачу в этом вопросе, считаю себя неподготовленной к таким несколько необычным для меня направлениям, даже подчеркну – специальному направлению. В связи с этим хочу прояснить свою задачу, чтобы быть максимально полезной. У других специализация позволяет разглядеть общую тенденцию и закономерности тех или иных событий, которые могут происходить в процессе работы Тхагуримаго.

– Да. Им надо будет достаточно квалифицированно разбираться в будущих его экспериментальных работах, с которым они постоянно будут соприкасаться. А они все со сложными формами структурной

среды физического пространства, где конкретные противоречия не уравновешены, а фундаментальное представление о природе вещей – исключительно и гармонично. Здесь мы будем фиксировать не только его исследовательские работы, но и следить за его психическим состоянием, за его развитием и возможными отклонениями.

– Я понимаю, Командир, поставлена задача. Но это похоже, скорее всего, на опеку. Мы же не можем постоянно находиться рядом с ним, фиксируя всё, что он делает, какими категориями мыслит. У нас у всех сейчас задача поважнее, связанная с Черным колесом, а также с неизвестным объектом. Кстати, мне необходимо с вами поговорить. Это очень важно.

– Хорошо, Нурупх. Как мы разрешим начатую проблему, так и поговорим.

По её взгляду я понял, что разговор будет важным. Мы ещё со школы на Земле учились понимать друг друга одним взглядом, не требуя слов. Конечно, мы не могли в полной мере обрести навыки ясновидения, яснослышания и умения предвидеть события будущего, как Харита. Но нам помогал возвращенный из небытия первобытный инстинкт прямой и обратной биологической связи людей Земли. Этот будущий разговор с Нурупх меня почему-то взволновал. К чему бы? Ведь я даже не догадывался, о чем пойдет разговор. А тут ещё Тхагуримаго задерживался. Я воспользовался этой паузой.

– Понимаю, что некоторые из вас не хотят быть опекунами взрослого человека, – сказал я. – Но это не так. Он не просто человек, а человек, носящий в себе вживленный в мозг чип, воспринимающий мир и своим мозгом, и вживленным чипом. Что это такое, вы знаете, но значение, которое придают этому эксперименту, мало кому известно. В его работе могут быть колоссальные перепады напряжения. И как вам это знакомо – чрезвычайно сильное напряжение мысли может вызвать всевозможные срывы и стрессы. А ты, Нурупх, психолог и специалист по переговорам с другими существами космоса. Вот тебе и работа. Так что нам всем придется довести это дело до конца. Вот и делайте выводы: как он себя поведет, выходя за пределы своего сознания в большой космос, имея колоссальную возможность объять вживленным чипом то, что простой человеческий мозг не способен. Мы все являемся утвержденными членами комиссии по изучению его возможностей на всем протяжении пути. А таких, как он, на Земле лишь несколько. Для каждого поставлена своя задача в разных областях пространства нашей Солнечной системы. А Тхагуримаго определили к нам со своей программой. Имея всё это в виду, он тоже входит в нашу исследовательскую работу, и необходимо по возможности собрать всё, что можно, о нём и его работе. Логически связанную цепь доказательств его пользы для науки или же вреда, представляет ли он, или нет, интерес для науки сегодня и завтра. Какова его

приспособляемость и адаптивные возможности в космосе, чтобы изучить диапазон простираения действия чипа в область многопанорамной картины происходящих явлений. Затем он должен расшифровать их. Эта наша с вами общая научная работа. Поэтому мы сейчас официально начинаем программу загрузки его в экспериментальный процесс.

– А что с расшифровками и с выводами? – спросил Кондо Руслануко.

– Если будут таковые, этим есть кому заняться. Ты все понял, Дружище?

– Понял, Командир.

– Как там вокруг нас?

– Черное колесо так же медленно вращается, а внутри зияет большой глубины провал, мерцающий, будто на дне, черными огоньками.

Разговаривая с ЦИБом, я заметил, что Тхагуримаго хочет что-то сказать, и спросил его об этом.

– Командир! Нам поручили программу большой сложности. Она была как-то проработана на Земле до уровня её значения или последствий?

Конечно же, мой заместитель знал об этом, но поменьше, чем я. Данная тема официально ещё на Земле не была в числе загадочно-интригующих даже среди посвященных журналистов.

Просто-напросто тогда ещё не было четко сформулирована её будущность. Ведь чипизация грозила ещё и тем, что вживление в мозг инородного тела, имеющего собственную память и логику, хранящего определенную информацию, было непредсказуемо по своим последствиям. В тандеме с мозгом уже не имело обратного хода разделение. А возможная переменчивость в приобретенном характере симбиоза в ту или иную сторону не была существенно обозначена.

Нурупх сидела, молча слушая всех и иногда покачивая головой в знак согласия, как вдруг тихим голосом выдала свою реплику безадресно:

– Всё же её распространение пропагандировали, доведя добровольно-принудительные обязательства в сочетании с благими обещаниями до абсурда.

– Сверхвосприятие, сверхразум, сверхсила, которые им пророчили в земных условиях, имели определенные успехи. А мы вот здесь попробуем, скорее всего, начать программное изучение возможностей в условиях далекого космоса вам всем известного человека, члена экипажа и носителя идеи симбиоза Тхагуримаго с очень важным для нас всех поручением. Но это будет только лишь началом обширной программы его испытательного процесса. Если повезет, мы будем расширять программу по мере освоения поставленных задач, с предельной осторожностью.

Не успел я закончить предварительное объяснение присутствующим причины нашего сбора, как раздвижная дверь широко открылась и размашистым твердым шагом вошел крепко держащий себя Тхагуримаго в сопровождении хирурга. Первым заговорил Тхагуримаго:

– Приветствую вас, труженики космоса, чьи жизни посвящены в глубочайшие таинства природы. Я здесь. Явился по вашему велению, Командир.

– Прошу, – указал я обоим на кресла и сразу подумал: скудное воспитание превосходит обычные бравирующие амбиции, а аномальный характер с патологической трансформацией личности проявляет неравномерности интеллектуального дефекта. В своих быстротечных оценочных мыслях я всё же не мог не заметить, как сбоку сидящая Тим Мил Ана смотрела на меня ненавязчивым взглядом. Было ясно, что она догадалась о моих мыслях о Тхагуримаго и кодированными словами передала мне тихим голосом: он духом еще слаб, работаем над этим.

– Ну что, друзья, – обратился я к сидящим, – наш друг Тхагуримаго определенно вернул свое прежнее состояние и проявляет желание продолжить свою работу дальше. В связи с этим я поручаю ему исследовать пространство вокруг звездолета на наличие каких-либо враждебных скрытых сил или угрожающих кораблю и членам экипажа непознаваемых ЦИБом разного рода волн, полей, частиц или же каких-то форм полевых структур. Я уверен, что космос кишит всем этим. Но что из них есть или станет нашим врагом – нам необходимо выяснять везде и находить для всех свое противопоставление. Это общее поручение пока. Самое главное поручение сейчас вам, уважаемый Тхагуримаго, – я хотел подчеркнуть, что он уважаемый и тем самым взбодрить, – это помочь нам по возможности разобраться с Черным колесом, которое атаковало нас недавно, а теперь находится недалеко от нас, угрожая своим влиянием.

Поставив задачу перед Тхагуримаго здесь при членах комиссии, я не имел намерения потребовать от него сейчас же начала работы, не выходя из командирского зала, и быстрого результата о Черном колесе. Главной целью было начать работу с ним по приложенной программе. А для этого у него есть кабинет-лаборатория. Поэтому, чтобы всем уяснить свою задачу, я спросил ещё раз каждого:

– Скажите, есть ли ко мне какие-либо вопросы относительно стоящей перед нами задачи?

– У меня есть, – отозвался Кондо Руслануко. – Чем мы можем помочь Тхагуримаго в его работе? Мы не знаем ни законов, ни правил обращения с таким уровнем восприятия мира. Как возможно контролировать нам поступающую к нему информацию и проследить возникающие намерения в его голове?

– Знаете, Командир! – вдруг Тхагуримаго резко перебил Кондо Руслануко с недовольным взглядом. – Я не нуждаюсь в вашем внимании и в вашей помощи. Мои возможности влиять на окружающий мир превосходят ваши на несколько порядков. Так что я вам нужен, а не вы мне. Моя внутренняя природа может взаимодействовать с внешним миром в виде логически обоснованной динамики информационных потоков.

Я сам по себе эксперт своего сознания, воспринимающий сущность природных явлений с последующим обобщением воспринятых эмпирических материалов.

Мы с Тим Мил Аной удивленно переглянулись, что означало – вот кто он. Вот его истинное лицо. Видя наше недоумение, присутствующие тоже оцепенели. А он продолжал:

– Вы поставили задачу, и эту задачу я выполню. Но эту задачу я выполню по-своему. И как вы можете контролировать меня? – закончил он гордо с тоном сарказма.

Я хотел тотчас же одернуть его за такое вызывающее обращение, но под взглядом Тим Мил Аны передумал, вспомнив её слова, что он еще слаб духом. Тогда я своим обычным тоном обратился к нему:

– Вы не так нас поняли, уважаемый Тхагуримаго. Мы обсуждаем вопрос, как оказать вам содействие в начале вашей работы, чтобы уточнить программу действий и оказать всевозможную помощь, если будете нуждаться в этом. Во время выполнения первого задания вашим помощником назначаю Кондо Руслануко. Впредь вы будете относиться к его рекомендациям как к моим приказам. Вы меня поняли? – отрезал я, чтобы заглушить в нём иллюзию вседозволенности.

Видимо, не ожидая такого поворота, выраженного резким тоном от меня, он сконфузился, посмотрел испуганным взглядом и выдавил:

– Хорошо, Командир. Я понял. Будет сделано, Командир.

При виде мгновенно переменившегося его лица после моих слов и удрученного налета во взгляде у всех присутствующих спало напряжение, а Тим Мил Ана как бы пыталась улыбнуться краешками губ. А я опять подумал о нем: самонадеян, груб, непоследователен и труслив. Значит от него можно ожидать чего угодно. Всё это говорит о том, что за ним необходим жесткий контроль. И еще подумал: Кондо Руслануко будет с ним нелегко. Но он не из тех, кого можно легко согнуть. Но всё же мне надо ещё раз поговорить с ним.

После всех наших бесед я сделал распоряжение Тхагуримаго и Кондо Руслануко отправиться в лабораторию и подготовиться к работе, а Хирургу, так мы называли его лечащего врача, велел быть рядом с ними. А всем тем, которые присутствовали здесь, разрешил разойтись по своим рабочим отсекам, кроме Нурупх.

Оставшись вдвоем с ней, я заговорил первым:

– Ты хотела поговорить со мной. А сейчас как раз есть время, пока ЦИБ молчит. Ну, о чем ты хотела поговорить?

– Я и не знаю, как начать.

– А ты начни сразу сначала и продолжай. Не волнуйся, разговор только между нами.

– Да у меня нет никакой тайны, чтобы скрывать от других. Просто не пойму, к чему все это... Ну, в общем, у меня было видение – не сон,

не грезы, а настоящее внутреннее видение. Какая-то мягкая и приятная волна нахлынула на меня, и языком знакомой мне эмоциональной тональности стал общаться со мной наш таинственный объект. Он внедрял в мой мозг, что спасет нас от всех неприятностей, грозящих бедой на всем нашем пути.

– И он знает, что нас ожидает?

– Я этого не знаю. Общаясь каким-то мистическим образом, он поведал мне, что наш звездолет со всем экипажем благополучно поведет к намеченным координатам и будет встреча...

На этом слове Нурупх замолчала.

От услышанного я не выдержал и с трудом выдавил из себя застрявшие внутри слова:

– Какая встреча? – и посмотрел на нее, вытаращив бессмысленные глаза.

– Не знаю, Командир, он на этом прервал общение и исчезло ощущение его присутствия. Больше он не появлялся, – сказала она с грустью в голосе и невинным взглядом уставилась на меня.

Я не знал, что и говорить. Встал и начал ходить по залу быстрыми шагами, раздумывая, что ответить. Потом стал размышлять вслух, заодно будто спрашивая её:

– Может, это у тебя полная мистика? А может, твои постоянные мысли о таинственном объекте превратились в образы общения? Психоэмоциональное напряжение требует стимулирующей мотив психодинамики. Мне кажется, ты в своих постоянно напряженных мыслях выпала на какой-то промежуток времени в полосу между сознательностью и бессознательностью, где твои желания реализовались фантомно, языком символов эвристического состояния духа. Ведь даже Харите не удалось достучаться до него и разглядеть какие-то его поведенческие особенности. А тут – общение с тобой. Как-то нелогично для информонесущих звеньев в системе физических тел. А может, я и не прав. Может, в плоскости собственного воображения через четко поставленную цель возникает возможность мозга сканировать физическое тело на каком-то определенном расстоянии. Кто познал тайные пути мира запредельного...

Нурупх глядела на меня застенчиво, не зная, что возразить и чем меня поддержать, но всё же начала:

– Я понимаю вас, Командир, но всё же таинственный объект общался со мной, вот как вы сейчас, но не так же, а четким внутренним голосом, понятным на моем языке. И внедрял в мой мозг то, что я вам поведала.

Может, и правда это, подумал я про себя, глядя на неё прищуренными глазами. У меня была привычка глядеть на собеседника так, когда слушал его, но сомневался в его словах.

Может, думал я дальше, она обладает чудесной способностью видеть и слышать сквозь что угодно? Недаром наши оракулы говорили,

что некоторые представители землян различают контуры далеких космических объектов и картины явлений ещё не наступивших событий. Может, действительно таинственный объект передал нам свое истинное намерение через нее? И у меня в голове пронеслась мысль: ведь она посол Земли в Космосе! И это её роль.

Я не знал, что думать дальше. Можно было впасть в мистику. Как всё же это здорово и неожиданно, подумал я напоследок, обрадованный приятной новостью, пусть даже как в сладком сне.

Медленно расхаживая по залу, я поглядывал на Нурупх. Но её безмятежный вид был обманчивым. Она просто умела прятать своё волнение, выдавая наружу спокойствие. И она, в свою очередь, поглядывала на меня, сидя ровно. В её взгляде пряталось глубоко что-то неуловимое, словно она зрит сквозь тебя куда-то далеко и взгляд теряется, растворяется там. Она будто видела то, что нам не дано.

Я так увлекся, что неожиданно для себя проник в её психоэмоциональное состояние и невольно и ненавязчиво стал вглядываться, первый раз со дня нашего знакомства, в её глубинное выражение лица. Я там уловил еле заметную печальную улыбку, неподвижно отпечатанную каким-то причудливо-таинственным сиянием женской предначертанной судьбы.

В её глазах поразительно сиял контраст сгустка внутренней энергии, так что чудилось – вот-вот стремительно засверкает давно угнетаемыми чувствами, очищая просторы жаждущей души. Всё это мне показалось той печатью её судьбы, которую жизнь таинственно скрывает от неё самой. Это мне показалось удивительным, скорее всего потому, что мы все гонимы предначертанной судьбой, и эта судьба сформирована на Земле, связанная цепочкой с общей нашей судьбой.

– Командир, вы куда-то ушли? – прозвучал голос Нурупх, увидевшей, что я задумался и, видимо, даже отвлекся. Услышав её, я мгновенно переключился:

– Всё это хорошо. Всё это даже где-то радует. Но твоему видению, или ясновыслушанию, невозможно довериться, даже усмотреть какие-то проблески того, что нас ожидает или нам предстоит волею судьбы. У нас сейчас в корабле не лучшие времена. Мы все переживаем за Хариту, за её дальнейшую судьбу, за недовершенную работу с неизвестным объектом, появлением неожиданно этого сателитона, превратившегося в жестокое Черное колесо. Всё это накладывает на нашу психику тяжелый отпечаток. Исходя из всего этого, я склонен думать, что у тебя, возможно, возникла вспышка подсознания как реализация несбывшихся наших стремлений или в виде стимуляции резервов подсознания; или, может, бывает и такое: загадочное желание видения открывается тем, кто эмоционально связан с какой-то тяготеющей над ним мыслью. Всё это порождает галлюцинацию, выраженную в виде символов, а в данном случае – ясновыслушание.

– Всё это верно, Командир. Я согласна с вами. Всё это неотъемлемая часть в человеческих чертах. Но этот случай совсем иной! Это было всё наяву! И слышала я отчетливо всем своим объемным восприятием мозга. И точно также, как я вас слышу и воспринимаю всё.

– Я не спорю, Нурупх, как видишь, даже не склонен спорить. Но вот если бы он дал нам какую-то ясность, некоторую понимаемую нами информацию...

– Вы извините, Командир, – перебила она меня, хотя такое было недопустимо. – Разве то, что он вступил в борьбу с Черным колесом на нашей стороне – не разумная информация для размышления? – выпалила она с оттенком протеста в голосе в ответ на моё недоверие.

Я даже не стал напоминать ей о субординации, которая в корабле была строгой, и ответил как можно мягче:

– Я понимаю, нам, людям, присуще свойство всегда сомневаться, но это нас не останавливает, даже где-то и подхлестывает, – не сдавался я, хотя этот аргумент с недоверием для себя отмел для общего обсуждения ещё до нашего разговора. Но возникающие постоянные проблемы после действия Черного колеса отодвигали возможность серьезно обсудить этот случай. А тут и её откровение. Я в этом усматривал, скорее всего, располагающее намерение каких-то могущественных сил к нам. Но это трудно было осмыслить как их побуждение, если оно было таковым. Или же как целесообразность в общем космическом принципе быть на стороне микрокосма, которым мы, люди, являемся в огромном суровом макрокосме.

Почему бы нет, думал я, не зная, гордиться своим микромиром или же стыдиться этого перед гигантским космосом. В любом случае, мы не чужие в этой природе. Я даже внутри себя был благодарен Нурупх за её доверительный разговор, так как это поддерживало, не бесспорно, конечно, но все же, мои мысли о неизвестном объекте.

– Я на твоей стороне, – продолжал я. – Возможно, и необходимо держать этот настрой, не доверяясь особенно интуитивным склонностям. Сумей разглядеть в событиях – предвидения. Мне надо знать о возможном возобновлении твоего яснослышания. Мы должны учесть всё, что нам преподносит судьба.

– Хорошо, Командир, – сказала она, удовлетворенная взаимным вниманием, поблагодарила и вышла.

Её уверенность, что обязательно сбудется то, что ей поведал неизвестный объект, каким-то образом вдохновила её, и это вдохновение выражалось не только всплеском эмоций, но и угадывалось по впечатляющему озарению её психического поля, подчеркивая присутствие в ней чарующе-неведомой мистической тайны, что придавало легкость всему её телу.

Это меня насторожило и невольно, хотя этого я сейчас никак не ожидал, передо мной как в тумане всплыло наше прошлое там, на родной

планете. Тогда мы не замечали, что у каждого есть свои особенности и целеустремленные порывы усвоения мира вокруг себя. Нурупх среди нас обладала загадочной натурой. В школе поговаривали о том, что её выбрали оракулы Земли из миллионов сверстниц ко дню ее рождения, скрупулезно вычисляя момент появления на свет астрологическими знаками, настойчиво контролируя благоприятный момент рождения. И тогда же её назвали Нурупх, что означало Дочь света, будто высоко-чтимые оракулы Земли знали заранее, что их выбор неслучаен, что так распорядилась судьба, и что она, судьба, поведет её по тайной стезе к своему причалу через события и преодоления, закаляя к будущим расположениям Великого Духа природы.

Если бы меня сейчас спросили, отчего я так подробно хочу поведать о ней, в отличие от других членов Большого Совета, то вряд ли смог бы ответить. Но почему-то я стал склоняться к тому, что вся наша общая судьба будет связана с её личной судьбой. Я так же не смог бы ответить, почему я так думаю о ней, когда непонятным образом внутри меня, будто в самом центре моего мозга, раздвинулась пелена сознания, и я увидел силуэт бестелесного свойства в образе Нурупх, отражающий смешанное творение жизни верха и жизни низа: то ли в физическом теле, то ли в лучезарном образе. Я не верил своим ощущениям, что передо мной Абсолютная Сущность, пребывающая в околополевого пространства моего Я, то ли фантомный, то ли восходящий образ, пускающий свои порожденные побеги в бесконечные миры. И этот образ мне сказал на нашем понятном языке: «Знай, я та судьба Нурупх, которая вела её за руку до того, как она появилась на вашей планете, и веду её дальше. Она сама этого не знает, но всё чувствует...» И образ исчез. А на меня нахлынуло такое удивительное чувство, что не могу выразить словами. Как такое может быть – чтобы со мной общалась говорящая судьба в образе человека? Так вот почему она часто смотрела вверх, в небо, там на Земле, думал я, а здесь, в корабле, её взгляд погружен в состояние волнения и тревоги, будто кто-то постоянно неотлучно повелевает, и она, подчиняясь этому безропотно, сердцем испытывает умиротворяющее постижение.

Сам же где-то отрицая видение и яснослышание Нурупх, я сейчас оказался в положении отрицающего отрицателя. И получилось так, что после всего, что я передумал и пережил, вдруг подумалось: она не дитя Земли, она как лучик, выпавший из звездного гнезда, ищущая своё гнездо в небе...

Кто бы знал, что пророчествую сейчас, сам не зная и не понимая этого. Но это будет потом, до этого ещё далеко. И я о ней так подробно говорю, видимо, чтобы дальше проследить, куда ведет её Судьба, кто она на самом деле и зачем она здесь с нами...

Меня тоже готовили с рождения к этому полету как будущего командира, выбрав из большого количества появившихся на свет малышей на стыке двух великих знаков Зодиака: с одной стороны – уготованные

высокие взлеты и расположение духа, на другой стороне – тоже судьба, уготованная открыть достойным свою тайну. А вместе – предельная осмотрительность и полет интуиции. Равновесие двух начал. А почему именно такой их выбор – я мог бы объяснить лишь сейчас, ссылаясь на то, что у них была своя ориентация в этом сложном мире. Да и все другие члены Большого Совета, ставшие уникальными учеными-исследователями, тоже были выбраны, как я сказал выше, из множества ровесников, уже заранее зная, куда необходимо будет направлять свой вектор силы. По этому поводу руководитель группы тогда именовал нас «предвестниками», хотя мы этому не придавали особого значения.

Воспитывая во мне с детства двойной статус – командира звездолета и начальника экспедиции, меня побуждали интересоваться каждым, кто оказывался в моем обществе. И таким образом я знал о них всё или почти все. Честно говоря, невозможно узнать о человеке всё, так как он в разных случаях может дать сбой, будучи даже очень подготовленным. А пока мы были детьми, детьми Земли, гордились своим положением, работоспособностью, настойчивостью и неумным рвением к познанию мира.

Конечно, нас учили не только тому, что предстоит делать в будущем в этой грандиозной экспедиции, но и готовили к суровой борьбе за жизнь, за человечество и за всё, что дорого человеку Земли в этом мире. Поэтому мы хорошо усвоили преподносимые нам уроки о мире в целом, в совокупном и довольно широком разбросе его составляющих в природе вещей как космической эманации. И, конечно же, всё это наполнялось высокой духовностью и осмысленностью, присущей цивилизации.

Глубоко приходилось изучать законы заселения Земли, селекцию человеческих рас и народов по неписаному закону, зависящему лишь от стабильности прогресса каждого, адаптивности к условиям существования, настойчивости, постановки цели, приложении минимальных усилий для достижения поставленной цели и, особенно, напряженной работы ума, в целом мозга как универсального механизма движения по ступеням самой природы, чем отвоевывались у Времени и Пространства жизненно важные позиции.

Всё это было и подготовкой к тому, что, если случится встретиться в Большом Космосе с представителями цивилизации существ, физическая природа которых обусловлена взаиморазличными путями развития, мы бы могли уберечься от возможного эмоционального шока. Но мы эту сторону вертикального контакта изучали, приобретая способность воспринимать явления, не укладывающиеся в рамки сложившихся парадигм. И изучали настырно, так чтобы проекция наших мыслей могла бы контактировать с пониманием уровня контактируемого, и это стало бы лишь зримым подтверждением мечты.

Как говорили наши отцы отцов, чем дальше в лес, тем больше дров. А мы здесь говорим: чем глубже в космос, тем больше вершин, скрытых

от нас свойств материи в мироздании, даже не упоминая и о тех скрытых ещё глубже основаниях, на которых зиждутся эти вершины, связанные причинно-следственной цепочкой распадов и соединений. И в этом безбрежном хаосе существовало множество обособленных видов разума, как и мы, развивающихся по своим особенностям, начиная от низших и шествуя до высших форм, если удаётся выжить, приобретая главные принципы, закладываемые образом жизни и обстоятельствами существования, зависящими от места и времени с начала расцвета и до увядания.

В нашей учебе всё это учитывалось, и к тому же проявлялись навыки распознавать в этом направление, продвижение по пути совершенствования, предельную осмотрительность во всём, умение находить в разных ситуациях самостоятельное умозаключение. Мы хорошо усвоили, что в космосе нет ни прав, ни обязательств. Рациональность – непознаваема. Как я понимаю, в космосе есть необходимость, настойчивость и выжидание, подчиняющиеся одному – ради чего всё это нужно. А это в нас было заложено, видимо, самой природой законами выживания, и поэтому нам было легче переносить возникающие циклы и периоды противостояния различным естественным катаклизмам, разочарования, возникающие из-за внутрипланетных междоусобиц.

Конечно, во всем этом чувствовалось Одиночество, круг познания не был широк, и мы часто вскидывали голову вверх в надежде наполнить светом страдающую душу, охраняя крушение неокрепших надежд, осознание высшей цели человека в этом мире, и я думал: может, природа подготавливает и сосредоточивает в избранных ею людях какой-то непостижимый порыв для своей священной нужды? Кто знает, что она подготовила нам впереди, какие испытания и какую судьбу. Я чувствовал с щемящей болью, что впереди – суровая судьба и необычайные приключения...

А тем временем в разных отсеках кипела внутрикорабельная работа вахтенных групп управления звездолетом и обслуживающего персонала: в лаборатории Тхагуримаго шла его программная подготовка под руководством Кондо Руслануко; в одном из цехов роботосалона Бирош мастерил что-то втайне от нас всех; Уван Черный, видя утомленное состояние Нурупх, решил пригласить её в весенний цветущий парк корабля.

А я должен был проследить за началом работы Тхагуримаго, так как Черное колесо нам не давало покоя своими неожиданными разнообразными выпадами в нашу сторону.

Я начал с того, что вызвал эту лабораторию по внутрикорабельному экрановидению, а затем дал указание ЦИБ сопровождать меня в моих разговорах и указаниях с Тхагуримаго.

Светлана МОТТАЕВА

К пушкинскому венку

В чекане пушкинского слога
Звучит величие Руси,
Незыблемость её основы
И полнота душевных сил.

Нет, не горячею слезою
Близка мне Пушкина строка,
Близка «Полтавой» грозвою
Со звоном русского клинка.

Близка мне русским полнозвучьем
И высью пушкинской мечты,
Где Русь в своём обличье лучшем –
Невыразимой красоты.

Творенье чудное природы –
Её волшебное перо,
Оно подвигнуло народы,
В семью единую свело.

Будь славен, Пушкин, вновь и снова,
Поэт, мне близок твой язык,
Твоею лирою стозвонной
Пронизан каждый жизни миг.

Руслану Семенову

Посыпать бы голову пеплом,
Чтоб сердцу дышалось легко
От жеста, казалось, нелепого,
Забытого знака веков.
Покаяться и повиниться
Сегодня пред памятью их,
Открыть в пожелтевших страницах
Красу непрочитанных книг.
Смахнуть бы налёт безвременья
И к жизни вернуть имена

Поэтов, чьё слово нетленно,
Которых забыла страна.
И долгое наше терпенье,
Раскаянья голос подняв,
Развеять туман безвременья,
Завесу забвенья поправ.
Вернём их, и снова над миром
Поднимутся их голоса,
И гордой поэзии лира
Воспрянет, судьбой нашей став.

Иные времена

Теперь иные нынче времена,
Теперь страны и образ изменился,
Где ощутив себя своей сполна,
Свободною я к ней вернулась птицей.
Она меня услышала, пришла
И головы моей тепло коснулась,
Хвала, что милостью своей не обошла,
И радостью перечеркнула ужас.
Ликуй же сердце, устремясь в зенит,
Взорли туда смелее, без оглядки,
Мотив весны настойчивей звенит,
Мне незачем играть с судьбою в прятки.
Хвала судьбе – я с ней лицом к лицу,
В себе я предков ощутила силу,
И теплый ветерок прильнул к крыльцу,
О, как же этого я у судьбы просила!

Краткий спич отчаявшейся отпускницы

Безделье мне осточертело,
Хотя мне часто говорят:
«Ты столько написать успела,
Довольно, надо отдыхать».
Не вы ли часто мне твердите,
Как я талантлива, умна,
Во мне нездешнее наитье,
Идей несметная сума.
Не скрою, я жила, вдыхая
Тех комплиментов аромат,
Порхая, словно птица рая,
Которой каждый друг и брат.
Всё в этой жизни по плечу мне,
В своей наивности шальной
Веретено своё кручу я,
Поверив – это жребий мой.
Моё упорство, знаю, странно –
Оно в крови, а не извне,
Во мне живёт упорство камня
В судьбе ожившее вполне.

Мысли накануне лунного затмения

Я знаю, что живу я в суетной тревоге,
Как та трава, чей скор и краток век,
Что думами устлав, вершу свою дорогу,
Как каждый на земле, обычный человек.
Обычный, но далекий эгоизма,
Бежала от себя, со лба стирая пот,
За свой наив терпела укоризны,
Себе бы послужить, а тут – наоборот.
Как мне теперь понять и обозначить
Ту глупую и детскую доверчивость,
Что не сулит признанья и отдачи,
Дает понять: жила я опрометчиво.
Да и теперь, вся в суетной тревоге,
Пройдя по жизни тысячи дорог,
Творя добро, я обращаюсь к Богу,
Не для добра ли он меня берег.

Абдуллаху Геляхову

Опадали и вновь вырастали
На деревьях цветы и листва,
Напрягаясь, из стылых прогалин
Поднималась надежды трава.
Пусть не сразу и очень нескоро
От снегов уходил перевал,
И, мужая в неправедных спорах,
Свою жизнь он сполна оправдал.
Были годы трудны и нелепы.
Из-под спуда неправедных снов
Изваял он судьбы своей слепок –
Образ родины, славу сынов.

Сафарби Бейтуганову

Он щедр, назвав меня Ключом Кастальским,
Не каждому такая благодать.
На вид суровый, даже вроде властный,
А как умеет слух ваш услаждать.
И как хорош, когда в разгаре спора
Умеет на лопатки положить.

Друзей бескомпромиссная опора,
А оппонентам лучше бы не жить.
Он водит дружбу с достославной Клио,
Она ему давно благоволит,
Благословеньем солнцеликой дивы
Сегодня он в народе знаменит.
Горда его я словом и приветом,
Готовностью мой слабый дух крепить,
Ему стихи слагают даже дети,
Пророчат, что он время победит.
Нет нимба над челом, ни ореола,
А только лишь достоинство и честь,
Избегнул он тщеславия уколов,
Хотя заслуг у Сафарби не счесть.

Утомление дождем

Край зелёный, зеленее – где там! – Не было и нет. А вот теперь Кажется, на всём на белом свете Только ливень, что голодный зверь. Накрывает мир, его полощет, Словно прачка истая, с небес, Распластав кусты, чинары в роще Никнут долу, стонут сад и лес. Дождь везде. А где весенний лучик, Где тепло, его мы заждались? Небо оккупировали тучи, А внизу остановилась жизнь. Льётся ливень споро, без оглядки, Кажется, уже конец всему.	Я с природой не играю в прятки, Лучше шляпу перед ней сниму. Может, передумает стихия, Вняв молитвам нашим, и уйдут Затяжные те дожди лихие, Солнце возвратит земле уют. Ветер злобно хлещет Кизилровку, Небо в страхе, колобродит гром, Ливня длинноногие верёвки Обвивают маленький мой дом. Нескончаем дождь – он в наказанье Словно послан. Сразу ли поймёшь, Неспокойно в недрах мирозданья, Коль, не умолкая, хлещет дождь.
---	--

Сожаление

Ю. П.

Ты говорил, любовь твоя Ко мне была Эльбруса выше, Прости меня, прости, что я Тогда твой голос не услышала. Прости меня. Как больно мне Хранить теперь моё отчаянье,	Твоё прощание столь раннее И позднее моё раскаянье. Услышь меня в далёкой той, В недостижимой мною вечности, Откуда вновь возврата нет, Прощенья нет моей беспечности.
---	---

Ты говорил, любовь твоя
 Ко мне была Эльбруса выше:
 Порой в тенетах бытия
 Мы голоса любви не слышим.

Теперь, увы, не слышишь ты
 Мой голос через твердь земную.
 Как запоздалым поцелуем
 Твои ласкаю я черты.

Романс для мая

Ибрагиму

Со мной созвучен голос мая.
 Его мотив на нотный стан
 Нанижу дерзостно, мечтая,
 Создать свой авторский романс.
 Пусть будет он несовершенен,
 И даже в будущем забыт,
 И сочинил его не гений,
 Но очень влюбчивый пиит.
 Душой влекомый к неба царству,
 Куда не каждого зовут,
 На необъятном том пространстве
 Не песня, а лишь млечный путь.
 Поверим мы, его завидя,
 Как Млечный путь, бессмертны все,

Отсюда, призрачны обиды,
 Забудем их мы насовсем.
 От созерцанья горних видов,
 Там, где звезда звезде сестра,
 Пусть будет нам от распрей стыдно,
 От распрей боль всегда остра.
 Научимся у мирозданья,
 Хранящему тепло светил,
 Писать красивые преданья,
 Каких и космос не родил.
 Со мной созвучен голос мая,
 С весенней лирой обручён,
 Романс я маю посвящаю –
 В цветущем мае сын рождён.

Двум молодым поэтессам

1

*Дарье Шомаховой,
 после прочтения её сборника «Том 13»*

Я потрясённо взираю на эти отважные строки,
 Их начертал пока юный поэт на бумаге,
 Мастеровито листает он дни, времена и эпохи,
 Пишет захлёб, на пике весёлой отваги.
 Я окунаюсь, читая тех строк глубину,
 Я постигаю то быль, то ли тайну – не знаю,
 Будто смотрю с отдаленья и вижу луну,
 В небо к луне взлетевшую дикую стаю.
 Как же непросто жить, постигая себя,
 Равно явленью попытки прочтения неба,

Равно капризу, любить, отрицая, любя –
Чувство любви – огонь обжигающий нёбо.
Вот и выходит, наматывая нитку на палец:
«Любит – не любит?» А, впрочем, не всё ли равно?
Юный поэт, словно факир иль скиталец,
Дух устремлён его дикою птицей в окно.

2

Марине Мазуренко

В эмоциях, словах и звуках,
Вся в говорливом ручейке,
Бегущем меж камней гулких,
Азартно, споро, налегке.
Воздушным трепетом фантазий,
Вобравшим всю стихию чувств,
Вся от Европы, вкупе с Азией,
С пунцовым изваяньем уст.
Подобны нити Ариадны
И мысль её, и даже грусть,
Они её возносят к Андам,
Позволят покорить Эльбрус.
Словес янтарная шкатулка,
Где ярк каждый образец,
В ней внятно слышится мазурка,
Вихрь танцевальный двух сердец.
Пленяя молодостью лёгкой,
И с музой породнясь всерьёз,
Она свои нам дарит строки,
Венком из ландышей и роз.

Владимир МАМИШЕВ

ПРОСПЕКТ

Рассказ

После предобморочной августовской духоты сентябрь приходит в город, как помилование грешнику, взведенному на огромную кучу хвороста и уже безучастному ко всему. Потный палач склоняется к подножию будущего костра, щелкает коллекционным «Ронсоном», раз, другой... долгая судорожная вспышка пробегает по небу, по ушам прокатываются тяжелые ватные роллы, освобожденно ахает немая толпа, и только после этого в перспективе улицы, перечеркнутой косыми струями ливня, появляется всадник на измученной лошади: «Стойте, дебилы! У меня – высочайший указ!».

Нет, в городе по-прежнему лето. Но тонкой освежающей нотой в воздухе уже витает идея гуманизма. Густая зелень скверов не пожелтеет и до середины октября. И всё так же популярен среди молодых мам с колясками и пенсионеров причудливый фонтан рядом с «Вестер-Гипером». На его струях как бы плывут огромные буквы в угловатом индустриальном стиле и – к изумлению пользователей соцсетей с их идеограммами и смайликами – складываются в слово «Нальчик».

Сквозь подошвы легких туфель я чувствую приятное тепло асфальта. Темные отглаженные брюки, белая рубашка с короткими рукавами и пластиковая папка для бумаг выдают во мне скорее клерка, чем пилота международных авиалиний. Может, потому, что на голове нет форменной фуражки с крылатой кокардой? Впрочем, летчиком, как и все мы, я хотел быть в раннем детстве, а с тех пор прошло много времени, тому свидетельство – седина на висках и очки с диоптриями.

Время обеденное, коллеги из соседних офисов спешат в ближайшее кафе или за каким-нибудь фастфудом в супермаркет. Я просто прогуливаюсь, не без цели, конечно... Справа, обгоняя меня, проехала девушка на велосипеде, чрезмерная в своей грушевидности, и сразу вспомнилось: «Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву?..». Я иду по проспекту Кулиева, в том месте, где он разливается небольшой площадью перед «Дворцом культуры профсоюзов». Обычная прогулка в обеденный перерыв: из офиса – по проспекту Ленина до «Вестер-Гипера», затем – поворот на Кулиева, и уже по нему – до дворца, чтобы обойти его и через Ореховую рощу выйти к дому.

Это – так называемый ближний круг, а кружу я потому, что по прямой от работы до дома можно дойти всего за пять минут. Этого мало,

чтобы без ежедневной физической нагрузки оставаться в форме, не превращаться в одышливое и вялое офисное животное. Есть круг и пошире: по Ленина до Института искусств, потом – вверх по улице Тарчокова до Театрального переулка, который и выводит к этой самой площади, но под другим углом. Еще один маршрут: от института – вниз по Тарчокова до «Атажукина сада», поворот налево, и по проспекту Шогенцукова – до нижнего входа на стадион «Спартак». Поднимаюсь, огибая стадион, до бывшего Дворца пионеров (ныне – «Дворец творчества детей и юношества») и возвращаюсь к проспекту Ленина, центральной магистрали Нальчика, прямо к своей двенадцатиэтажке. В выходные, если не лень, по Ленина дохожу почти до телецентра. В любом случае, речь идет о любительских дистанциях.

Девушка на велосипеде, сосредоточенная, как за пультом ЦУПа, конечно, способна покрывать более значительные расстояния, но зато у нее, в отличие от меня, с моей велосипедной конституцией, и стимул к тому весомей. Будешь сосредоточенной, управляя арендованным «Стелсом» и одновременно высчитывая количество сжигаемых калорий, рассуждая о злокозненности глютенa и мечтая о победе над целлюлитом, хотя бы о прочном перемирии. Велосипед она взяла в пункте проката, здесь же, у входа в ДК, под огромным уведомлением о предстоящих гастролях Игоря Саруханова, да и скрылась уже из виду, вильнув в сторону «Орешки», напоследок напомнив и о классических же «вилáх в аллее».

Самое время остановиться и закурить... привычно уклонившись от мысли, что, дескать, ходьба все-таки спортивная, хоть и в любительском классе. Да, хорошо бы каждый день вставать в шесть утра, надевать синий спортивный костюм с капюшоном, мощные кроссовки и – по-настоящему, бегом, по аллее «Атажукина сада» – до Курортного озера, семь раз вспотеть, а потом – горячий душ, и – чтобы не манкируя, в любую погоду... Закуриваю и чувствую беспокойство от другой мысли: как-то странно ты сейчас выглядишь, один, посреди пустой площади, идеально вымощенной бежевой плиткой, но какой-то необжитой, что ли, никогда не видел на ней особого движения, как полоса нейтральных вод: если кто и бывает здесь, то мимоходом, пересекает в одиночку, или парой-тройкой, поспешно, словно тайком, даже кильватерного следа не оставляя. А я торчу в центре, как буй. Понимаю, что никому до меня никакого дела, но всё-таки делаю вид, что стою не просто так, а как будто бы кого-то жду... Внимательно изучаю показания хронометра на дисплее телефона, как бы в нетерпении осматриваюсь и досадливо развожу руками. Придется подождать.

Ближе к торжественным ступеням дворца, рядом с переносным стойлом для нескольких тощих мустангов, сидит парнишка в красной

бейсболке и скучает, даже не делая вид, что кого-то ждет: в этот час в будничном городе желающих прокатиться на велосипеде мало. А хорошо бы и мне оседлать двухколесную машину, как-нибудь в выходной, надев синий спортивный костюм и мощные кроссовки...

Под крышей этого здания, кроме концертного, есть и кинозал, и еще что-то... я ни разу не заходил внутрь, и связано это с неким предубеждением, из детства, когда в этих местах никаких дворцов ещё не было...

Мы жили на «Горной», и наш дом в ряду других на улице Ватутина обозначал границу микрорайона на северо-западе, дальше уходили участки земли, отведенные под огороды и дачи, ещё дальше начиналась запретная зона – и лес, и какие-то поля, за которыми по пологому склону возвышенности можно было добраться до пригородных селений. Но в те времена в наших походах так далеко мы не продвигались. Мало того что были подростками – пятый-шестой класс, мы вообще только начинали осваивать этот город, будучи новичками в нем, ограниченными пространством двора, дорогой в школу... что там еще? – в магазин сгонять, в аптеку...

Наш дом обитатели микрорайона сразу же окрестили «тырны-аузским», потому что эта стандартная пятиэтажка была построена на деньги наших родителей – пайщиков строительного кооператива «Молибден» и, естественно, жителей Тырныауза, шахтерского городка в верховьях Баксанского ущелья. Мы переехали в Нальчик летом семьдесят четвертого – девяносто семей: кабардинцы, балкарцы, русские, были осетины, татары, даже литовец был – вольфрамомолибденовый комбинат, где работали наши отцы, собрал многих представителей советского интернационала. Хоть и говорят, что от трудов праведных не нажить палат каменных, они таки нажили, построили и перебрались вместе с семьями на равнину.

До четвертого класса – не считая поездки с родителями на море, в шестилетнем возрасте, – никаких других мест, кроме родного города, я не знал, нисколько от этого не страдая: Тырныауз был вполне просторен для меня, несмотря на то, что представлял собой, грубо говоря, пару улиц, протянувшихся вдоль Баксана и сжатых с обеих сторон горами, словом – ущелье, теснина. Мир без горизонтов, одни вертикали, но привычный и понятный. Наполненный ветром, особенно в феврале, когда от его напора в нашей школе дребезжали все окна. Как-то во время урока, очевидно достигнув критических значений изгиба, вдребезги разлетелось одно из стекол, осколки накрыли класс, девочку с соседней парты сильно поранило, и нас отпустили по домам, на всю ветреную неделю.

В другой раз, это был другой февраль, опаздывая на первый урок, уже на подходе к школе, я заметил, как с крыши соседнего здания сорвался лист шифера, он легко, серой бабочкой взметнулся в небо, дал несколько сумасшедших виражей и устремился – подобно ракете класса «воздух-земля» – вниз. Я приостановился, чтобы просчитать траекторию... собственно, это была идеальная прямая – из мутного, в рваных облаках зенита к небольшой асфальтовой площадке перед входом в школу. Прямо на нашу училку, опаздывавшую в тот день, как и я. Остановиться она не успела, вообще не смотрела по сторонам, шла, опустив голову, почти бежала, опередив меня метров на пять-шесть. Небесное тело, и размерами, и весом превосходившее любое человеческое, рухнуло на асфальт у самых ее ног. В классе я все-таки оказался раньше, потому что нашу милейшую Амалию Генриховну долго отпаивали в учительской валокордином, а когда она появилась на пороге нашего третьего «в», в расстегнутом пальто, на слабых ногах, и бледными – под слоем багровой помады – губами произнесла: «Дети, занятий сегодня не будет», детям хватило такта не взорваться троекратным «Ура!».

Летом дворовые пацаны ходили купаться на Баксан. Сбегали, лучше сказать, потому что эти походы всегда были под строжайшим запретом для нас, младших, – впрочем, и старшие рисковали не меньше, когда пытались заигрывать с глубиной и стремниной. Это вам не тихая речушка без названия, это Баксан – сочетание первозданной мощи и набираемой в ледниках стужи; голос, звучащий в запредельном низкочастотном регистре, а потому воспринимаемый не слухом, но смятенной душой. В нём никогда не было показного добродушия: Баксан так и не смирился с жалкой лепниной – поселениями людей на его берегах, и время от времени напоминает им об этом выплесками гнева.

Мы загорали на плоских валунах (вернее – прожаривались подобно плотве на каменном барбекю), ныряли в запруде (две-три минуты в воде, и от холода синела и пупырилась кожа), притом что воздух урываемой свободы всегда имел тревожный привкус: воздаяние за нарушение запрета было неминуемо. Сбегали, когда родители были на работе и двор переходил под пригляд наших бабушек, хоть и неустанных в своих заботах, но не всегда достаточно резвых. Настаиваю, что именно нашему двору обязан своим рождением теперь уже бородатый анекдот, – одна из бабулек, потрясая ореховой тростью, истошно кричит вслед непослушному внуку: «Если утонешь – домой не возвращайся, убью!»

Баксан – это лично для меня еще и порождающая плацента... сказал бы я, если бы не боялся выглядеть смехотворно научнообразным. В том возрасте, когда ребенок с его вполне законным вопросом, откуда берутся дети, выслушивает уклончивые ответы взрослых, я получил

следующее: «Тебя поймали в Баксане». Не в капусте нашли, мог думать я, как гусеницу какую-нибудь; не аист обронил на балкон, мигрируя на юг, подобно пернатым сородичам, роняющим на головы людей сгустки теплого гуано, – выловили в Баксане, как золотую реликтовую форель... Подрастая и временами мысленно возвращаясь к обстоятельствам своего рождения, я всё с большим сомнением всматривался в бурливые волны реки: да как же такое возможно? Позднее, когда детская теория окончательно превратилась в отзвук приснившейся мелодии, я узнал реальные обстоятельства, предшествовавшие моему рождению.

В том месяце, из обязательных девяти, когда я практически был готов к появлению на свет, Баксан в очередной раз решил немного покуражиться: селевый вброс по руслу Гирхожана – и вся округа заполнилась ревушей взвесью грязи и песка, вперемешку с валунами, стволами деревьев, смятыми сараями, домашними животными, легковыми авто... Дом, в котором жили мои будущие родители, да что там, вся улица Заречная в четыре десятка таких же домов осталась только в воспоминаниях старожилов. Вместо улицы – ровная гравийная дорога. К счастью, обошлось без человеческих жертв. Не отпросись отец с работы, чтобы прибежать к роженице и отвести её в безопасное место, она, по собственному признанию, забралась бы на чердак – переждать подъем воды. Первая седина у моего отца появилась именно от этого признания, когда он представил, каково бы это могло быть – вылавливание в Баксане. Матушка транслировала мне все пережитые тревоги, а резкие, не свойственные беременным движения я и сам был уже в состоянии и ощутить, и осудить. В общем, я решил не торопиться с приходом в этот беспокойный мир. Долго не поддавался на уговоры врачей в отделении патологии беременности городской больницы. В результате родился переносенным, задумчивым и крайне осторожным в принятии решений.

Взамен первого «тырнаузского» дома, того, что уплыл в зеленые долины, родители получили казенную квартиру в трехэтажном таун-хаусе на другом берегу Баксана. Высоком, недоступном для селей. Во дворе этого дома – мои первые детские впечатления: палисадник под окнами, цветочная клумба, от которой соседские девочки яростно отгоняли мелких пацанов – будущих первоклассников, чтобы их же и отправить первого сентября в школу с шикарными букетами. Огромный тополь; по его ветвям мы карабкались, как матросы по вантам, потому что в наших играх это был парусник. Карусель, сваренная каким-то умельцем из гнутых труб. Я, трехлетний, у этого домодельного аттракциона, колючий мороз, во дворе, кроме меня, никого. Не знаю, почему я решил попробовать на язык промерзший металл, но прихватило меня сразу и намертво. Испуг, перерастающий в панику. Рядом никого, бабулька отлучилась на

минутку к соседке. Ждать? Но чем она может помочь? Так и висеть на этой страшной карусели, с примороженным языком?! Решаюсь: дергаю изо всех сил головой, дикая боль, сплевываю на снег красным и боюсь поднять глаза: а вдруг язык остался на этой железке... За спиной уже слышался тревожный голос бабушки. Анализатор вкуса, распухший и нечувствительный, был обнаружен на прежнем месте.

Двор, по мере того как я подрастал, становился все более тесным. Все чаще мою бедную бабульку можно было увидеть кружащей по округе с проклятиями на устах, несмотря на нежнейшую любовь в сердце, за которое она то и дело хваталась: «Куда он провалился, зинэк!э кьальхуа! Что я скажу его родителям!». Но как я мог оставаться здесь, если вчера мы с пацанами договорились подняться к Черному Колодцу. Маршрут не особенно сложный, точно, что альпинистского снаряжения для подъема не требовалось. С вечера запаслись едой, кому что удалось стащить дома, и ушли – получилось – на весь день. «Колодец» же (едва заметная черная точка на склоне ближней горы) на самом деле был входом в подземелье, и в городе ходили слухи, что кто-то нашел там ржавый немецкий автомат. Наша экспедиция подобного результата не имела. Зато по возвращении мы по полной поимели от родителей, как всегда, впрочем. Их тоже надо было понимать. Весь город знал, что недавно два пацана из нашей школы пошли в горы за рододендронами и погибли, сорвавшись с крутого склона.

«Тырныаузский» дом в Нальчике строился лет пять. Но сам переезд был полной неожиданностью, во всяком случае, для меня. А как же двор, школа, девочка с соседней парты, которая нравилась мне так, что в конце учебного года я уже мечтал о начале следующего. Разумеется, взрослыми мои настроения в расчет не брались, да я их и не обнаруживал. В Нальчике тоже есть горы, подковой опоясывают город, и река, и несколько озер в курортной зоне, и лучший в Союзе парк. И сырость, как узнал я потом, туманы, а летом – жара, пыль и полное безветрие. И настороженное, даже враждебное поначалу отношение к нам, подросткам, со стороны наших ровесников из соседних домов.

Это отношение – следствие инцидента, имевшего место, говоря языком протокола, в нашем новом дворе, ещё обезображенном выходами на поверхность отложений строительного мусора, но уже со скамейками у подъездов, парой песочниц, беседкой и площадкой для футбола.

В беседке взрослые играют в домино, на площадке мы лениво гоняем мяч. Солнце опускается с обратной стороны дома, двор охлаждает густая тень. С той же закатной стороны, где дачные участки, во двор забредают двое парней. В тягах, используя уже другую терминологию и судя по их

раскрепощенности. Приближаются к беседке и притормаживают, не то чтобы привлеченные игрой, скорее от скуки. Или ждут кого-то... Вон ту группу персонажей, человек шесть-семь, таких же раскрепощенных, идущих в этом же направлении, но поотстав метров на пятьдесят. Идут не спеша, перекидываясь, наверное, шутками, потому что временами слышен смех.

Эти двое постояли, поглазели, затем тот, что повыше, в джинсах и цветной приталенной рубашке, бросает одному из играющих: «Да как ты ходишь, баран! Играть научись!» – и добавляет еще что-то, очень нелестное, об умственных способностях игрока. И тут же выхватывает в лицо! Смуглый от ввевшейся молибденовой пыли шахтерский кулак встречается с челюстью несдержанного на язык критика, все его лицо как бы сминается, затем расстается с кулаком и отъезжает в сторону, увлекая за собой тело, разом обмякшее, от разбитой губы по воздуху тянется лента крови, смешанная со слюной... Дергается второй, его тоже нейтрализуют.

Во двор медленно вступают товарищи потерпевших. Уверенно, вальяжно, очевидно, привыкнув к роли хозяев, держащих в страхе весь район. Если бы наши знали об этом, может, и не стали бы разбираться так строго. Соотношение сил резко меняется. С ходу оценив ситуацию, подошедшие набрасываются на доминошников, оказавшихся в меньшинстве. На шум дворового махача подтягиваются наши, причем мгновенно, кажется, это не бывшие шахтеры, а дембеля из ВДВ. Я даже подумал, что некоторые как стояли на балконах, так и попрыгали с них, спеша на помощь. Жесткое рубилово перемещается на площадку, оттеснив юных футболистов на зрительские места. Когда в руках одного из наших появился тяжелый дрын, а его ближайший соперник упал с перебитым, как могло показаться, позвоночником, нападавшие дрогнули. Отступали они в беспорядке и бегом, вальяжный хозяйский шаг в их бедственном положении был просто нецелесообразен.

Во дворе они больше не появлялись, зато нам, младшим обитателям мятежного дома, пришлось проходить повышенную проверку на вшивость среди пацанов района: ну как же, если отцы такие дерзкие, посмотрим, на что способны вы.

В нашем старом тырнаузском дворе, если случалось, что миром конфликт никак не разрешить, дрались только один на один, при четком судействе старших пацанов. В одном из таких поединков я, второклассник, разбил нос своему противнику, а условие было – до первой крови, и с тоской подумал, что теперь мне живым отсюда не уйти, потому что в судейской бригаде был его брат-восьмиклассник, авторитетный боец. Но тот, мрачно объявив мою победу, в качестве завершающего гонга дал звонкий подзатыльник брату, и всё!

Нет, бывали и массовые сражения, обычно после того как во всех кинотеатрах города, во всех двух, показывали какой-нибудь культовый фильм, типа «Триста спартанцев», и вся молодежь, от первоклассников до призывников, начинала вооружаться. Оружие эпохи воспроизводилось, конечно, в дереве. Районы выставляли свои армии, всегда равные по силам, жребий решал, кто перс, кто эллин, и начиналась потеха. Нам, младшим, отводились роли второстепенных персонажей – гонцов, щитоносцев, вьючных животных... Вот, собственно, и весь мой личный опыт участия, на тот момент, в массовом милитаристском движении.

Здесь – благодаря памяtnому инциденту – любой из нас, оказавшись на чужой территории, мог схлопотать только за принадлежность к своему двору. Без всяких там судейств и заботы о равенстве сторон. По необходимости приходилось держаться вместе – чем больше своих рядом, тем легче отмахаться. С другой стороны, незнакомые пацаны, даже и подчеркнута вежливые, но идущие по району плотной группой, – это уже вызов, это уже повод для конфликта. В общем, адаптация проходила вполне себе банально, имея в виду естественность этих самых осложнений в подростковой среде.

Если идти от дома в сторону, противоположную дачам, то сразу за «Муравейником», бесконечно длинной девятиэтажкой, перейдя улицу Кирова, можно было попасть на пустырь, заросший сорной травой и кустами, – там кое-где уже были развернуты строительные площадки, в самом нулевом их цикле, кое-где – с приподнятыми над землей кирпичными стенами. Дальше – яблоневый сад, регулярный, ухоженный, принадлежавший пригородному совхозу. Там, где сейчас ширится проспект, между рядами яблонь катилась довольно натоптанная тропа – кратчайший путь от микрорайона «Горный» до стадиона. Летом – через этот сад, затем, оставляя стадион слева, по самой тихой улице в мире, уставленной вековыми елями, по улице Пирогова – мы добирались до санатория имени Калмыкова, проходили его территорию насквозь и оказывались у «Бочки» – знаменитого пивного бара, а чуть ниже – вот оно, Курортное озеро. Иногда ходили на другие озера – «Трек», «Комсомольское», иногда на весь день зависали в пойме Нальчика.

На обратном пути пользовались насчет зеленых яблок, а после купания аппетит – волчий, там были, кстати, и ранние сорта, вообще это был очень хороший сад, и охранял его не какой-нибудь замшелый лесовичок, но конный секьюрити. Однажды он преградил путь и нам – я в первый раз видел лошадь так близко: коричневый шерстяной бок, резкий запах (чем он ее заправляет?). На уровне моей головы – стремя и продетый в него яловый сапог с несколькими глубокими

царапинами. В тот раз сторож, картинно взмахнув кожаной плетью, ограничился устным внушением, в последующие мы предпочитали бегать быстрее.

Осенью же, напротив, все граждане, желающие помочь совхозу в уборке урожая, то есть немного заработать, приглашались в сад. Надо было собрать, я не помню точно, какое количество ящичков, чтобы получить вознаграждение – ровно то количество килограммов, которое ты способен унести на себе домой. В числе прочих, немалом числе, и мы с отцом провели несколько выходных на поденщине, и последовавшая затем зима была без простуд: доля витаминов на семейном столе зашкаливала...

Я по-прежнему – на площади, на том самом месте, где когда-то был пустырь. Заросшая кустами стройплощадка выглядела заброшенной, да так оно и было – строительство заморозили после того, как одна из стен, как рассказывали те же старожилы, обрушилась и придавила кого-то из рабочих. Я своими глазами видел другую стену, опоясанную железными скрепами после обрушения. Вот тогда мы и решили: какое бы здание здесь ни поднялось, мы не переступим его порога, даже если внутри будет стереокинотеатр или дискотека с бесплатным мохито.

Между тем, город в его горизонтальном выражении, необычном для нас, открывался другими перспективами, мы неизбежно осваивались в нем, взрослели, у нас появлялись новые интересы, знакомства. Группа дворовых пацанов распалась – кто-то уехал учиться в другой город, кого-то забрали в армию... я тоже служил, потом учился, когда вернулся домой и случайно оказался на этом месте, я просто не узнал его: широкий проспект, дома с обеих сторон, вот этот дворец, в который я до сих пор – ни ногой.

Если лицом к фасаду, справа – памятник поэту, окруженный зелеными скамейками под кленами, уже подросшими, тоже зелеными и, по определению, кудрявыми. Кайсын сидит на высоком пьедестале, сидит удобно, но, кажется, весь устремлен – вслед за своим взглядом, возвышенным над городской суетой, – в сторону вечных гор... Похожий на известные нам портреты, фотографии, узнаваемый в этом образе, притом что у каждого, кто его знал, кто встречался с ним, имел возможность общаться, – свое представление о живом Кайсыне. Я видел его только один раз, даже разговаривал с ним, если считать разговором несколько вопросов, которые поэт задал шестилетнему мальчику, подошедшему к нему за автографом.

Кулиев приехал на встречу со старшеклассниками в третью школу Тырнауза. Меня привела за руку матушка, преподававшая в этой школе математику. Она была еще и классным руководителем, и, понятное

дело, вместе с другими классными, отвечала за порядок в актовом зале. Сына, чтобы не путался под ногами, усадила в заднем ряду. Один, забытый, брошенный, как думалось мне, в течение полутора часов я видел только стриженные затылки школьников и – далеко впереди – незнакомого дядю с пышными черными усами. Он говорил о чем-то, прохаживался по авансцене, сверкал глазами, душевно улыбался, отвечал на вопросы из зала. Временами его речь преображалась, она становилась размеренной и напевной, в ней чередовались созвучия и настроения, она завораживала... Вот это свойство речи – открытие того дня. От меня не требовалось знания каких-то особых слов, хотя это звучит странно: поэзия – и не требует слов, но я понимал всё, то есть я услышал суть этого человека. Музыка в этом смысле – идеальное средство общения, безошибочный медиатор... – ещё одна идея из тех, которым я даже не пытался искать словесных соответствий, сидя на задворках встречи. Она между тем подошла к концу. Кайсына окружили школьники с книжками в руках. Кто-то из организаторов сунул и мне в руку томик стихов с синими горами на обложке и подтолкнул к поэту. Я дождался своей очереди и – стоял перед ним потерянный окончательно. Кайсын посмотрел на меня с искренним интересом, улыбнулся ободряюще. «Как тебя зовут, джигит?» Когда, пересилив робость, я назвал свое имя, он – опять-таки взглядом – дал понять, что это имя – лучшее в мире, взял у меня книгу, раскрыл ее и начертил что-то размашистое на обороте титула.

Эта книга заняла свое место на полке нашей домашней библиотеки, в которой в основном была литература специальная, «учительская»: Макаренко, Сухомлинский, Песталоцци, годовые подборки журнала «Математика в школе», обязательные тома классики. Но чтобы обратиться ко всему этому, мне еще предстояло научиться читать. И только в девятом классе, когда наша литераторша тихо и ненавязчиво увлекла нас поэзией, я уже вполне осознанно открыл подаренный мне Кайсыном сборник и прочел сделанную им надпись: «Будьте честным и добрым». Что тут сказать? Я стараюсь... И еще раз вспомнить о его душевной щедрости, об исключительном уважении к своему читателю, чтобы даже к шестилетнему – на «вы»...

Оглядываюсь вокруг, краем глаза отметив какие-то сигналы, явно адресованные мне... кто-то настойчиво машет рукой... знакомая фигура приближается со стороны «Орешки» – в белых парусиновых брюках, гавайской рубашке с пальмами, прикрытая белой же кепкой-восьмиклинкой. Заур Гошев, или просто Гош, когда-то мы учились в одной школе, в параллельных классах. Живем в одном районе, встречаюсь вот так, случайно, останавливаемся поболтать: общение с ним – даже если мы и не

дружили особо в школе – с годами приобрело оттенок ностальгии – по добрым старым временам, общим знакомым, с которыми давно утрачена связь... Я и с Гошем не виделся лет двадцать, по его рассказам знаю, что он учился в Германии, там же успел поработать в девяностые, вернувшись домой, пытался, как и все, преуспеть в бизнесе, преуспели, как известно, далеко не все. Развелся, живет у престарелой родственницы, свою квартиру сдает в аренду, тем, собственно, и живет. Года три уже, уйдя с работы в администрации города, занимается блогерством, довольно известен в оппозиционных, или, лучше сказать, альтернативных фейсбучных кругах. Эта известность стоила Гошу неприятной беседы в здании под острым, как заточенный карандаш, куполом, рядом с площадью, где по выходным шумит ярмарка. Опасности от него никакой: чем грозят государству его обращения к городу и миру по поводу мусорной свалки во дворе жилой многоэтажки? Зато польза очевидная – психологическая помощь согражданам, которые откликаются на его гневные «посты» такими же гневными обсуждениями. Посидят вечер у компа, повыпустят накопившееся и взрывоопасное, и утром – со спокойной душой – на работу, мимо всё той же помойки, да ещё и пополнят её парой пакетов со вчерашними отходами. Гош, с его виртуальной деятельностью, – если не герой нашего времени, то типичный представитель – один из сонмища диванных активистов, направляющих свои виртуальные когорты...

– Так куда ты их направляешь? – спрашиваю подошедшего Гоша, пожав протянутую мне руку.

– Кого?

– Стопы свои куда направляешь?

– А, это... – Гош смотрит на свои античные сандалии. – Да так, недалеко. В «Компас», на Тарчокова. Монитор что-то стал косячить, посмотреть надо... Сам чего тут, ждешь кого-то?

– Погулять вышел...

Во время этого диалога мы смещаемся к одной из скамеек, присаживаемся и закуриваем.

– Скажи мне лучше, Гош, – продолжаю в русле недавних мыслей, – ты помнишь, когда здесь была стройка, – киваю в сторону ДК, – и одна из стен обрушилась...

– Помню, только не ДК, а вот это вот здание. – Он указывает на «Ростелеком», расположенный здесь же, метрах в пятидесяти от дворца.

– Да ладно! А разве? Блин, а я всегда думал...

– Бывает. Аберрация памяти. Тут вообще не пойми что было, два котлована рядом, запустение.

– Зато теперь – совсем другое дело... – Я отвлекаюсь от прошлого рассуждениями о нынешних красотах проспекта, опрометчиво касаюсь качества плитки, которой вымощена площадь.

– Что в ней хорошего! – Гош наполняется привычным негодованием. – Собирает солнечное тепло, а потом отдает, как печка. А вон там, у остановки, видел? – просело все, дожди подмывают...

– Гош, а ты почему только плохое видишь? У тебя что, глаз так устроен? Или как в той истории, с Каем?

– Кай Метов? Певец?

– Ну да, который с Гердой дуэтом пел...

– Запоешь тут. С такой жизнью... – Гош снимает свою матерчатую кепку, чтобы обмахнуться – солнце сегодня щедрое. Замолкает и мрачнеет: покатаая поверхность его восьмиклинки оскорблена перламутровой кляксой птичьего помета. Голуби настороженно кружат на недосягаемой высоте. Пораженный ледяным осколком глаз Гоша хищно сощуривается, как если бы всматриваясь в прицел переносного ПЗРК, обращенного к небесам.

– К деньгам... – участливо замечаю я.

Голуби шарахаются в своей высоте, напуганные его громкими сарказмами в ответ на подобный прогноз.

Я долго, не без злорадства, конечно, убеждаю Гоша склониться к мудрости народных примет, он жалуется на квартирантов, съехавших, не уплатив за два месяца, спрашивает, нет ли у меня знакомых риэлторов – сдать квартиру снова, наконец, тяжело вздохнув и отвечая своим потаенным мыслям, произносит горестно:

– Могли бы и побольше подкинуть... – и решительным щелчком сбивает кашку с кепки.

Ровно через неделю, пройдя обычным маршрутом, я был остановлен высоким забором, окружившим площадь. На отчужденной территории угадывалось какое-то движение, виднелась крыша вагончика-бытовки, какие используют строители; скрипела стрела автокрана, – там явно готовились к реконструкции, что подтвердил и плакат, приклеенный к забору, – проект будущего оформления площади: фонтан, дизайнерские барочные фонари, клумбы...

Значит, он все-таки пролился, бюджетный дождь, – на унылую бежевую равнину. Вот и не доверяй после этого народным приметам или сомневайся в альтруизме Гоша, ведь именно его кепку голуби поместили добрым предзнаменованием.

Мадина ХАКУАШЕВА

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, русскоязычный прозаик, публицист.

КАРТИНКИ ИЗ ДЕТСТВА

Глава из повести

Больше всего я любила вечера, когда мы с бабушкой укладывались спать и в спальне загорался желтый абажур с закрученными спиралью нитями бахромы цвета охры по периметру волшебной полусферы; комнату заливал теплый золотистый свет. Я его вскоре тушила, чтобы наблюдать за вечером, и он неслышно заползал в распахнутые окна, сочился сиреневым мраком сквозь прозрачную кисею занавесей, и с ним уходила резкая контрастность дня. Затем он сгущался и чернел, превращаясь на моих глазах в некую метафору времени, которое сначала обесцвечивает, а затем слизывает предметы. Он приносил свежие струи – первых предвестников ночной прохлады, – в которых растворялись усиливающиеся запахи зелени и цветов из палисадника, и призрачную игру светотеней, но вскоре вся комната, окончательно теряя краски, оказывалась внутри необъятной утробы. Я вытягивалась на белоснежных крахмальных простынях, ощущая всем телом их душистый холодок. Заходила бабушка, включала свет, пока готовилась ко сну, потом снова тушила, и вскоре сразу передо мной проступала фигурка оленя, который оживал только ночью. Днем он стоял на полке, безучастный и неприметный, ничем не выдавая своей волшебной тайны, но лишь ночной мрак обретал физические очертания, его фосфорическая плоть наполнялась мерцающим светом жизни и начинала парить в бесконечном полете. Я неотрывно смотрела на летящее маленькое тело, объятые холодным зеленоватым пламенем, а справа от себя ощущала бабушкино тепло. Я просила сказку, и она рассказывала, чаще всего одну и ту же, которую я каждый раз выслушивала с неослабевающим интересом. Но иногда мы говорили подолгу, и я, защищенная темнотой ночи, могла задавать самые смелые вопросы, которые не осмеливалась задавать днем:

– Нана, почему мы рождаемся и умираем, рождаемся и умираем? Это же для чего-то нужно?

– Каждый человек, каждый народ и все человечество посланы Аллахом, чтобы совершить и оставить для мира что-то очень важное. Пока они не поймут и не сделают этого, так и будут рождаться и умирать, рождаться и умирать.

– А если совершат?

– Исчезнут навсегда.

– Все люди исчезнут?

– Исчезли же великаны, испы, чинты и нарты. И мы исчезнем, когда совершим то, что должны.

Я похолодела: «Тогда уж лучше не совершать».

– Нет, не совершить нельзя. Ведь праведные попадают в жэнэт.

– Праведные – это те, что совершили что-то главное?

– Да.

– Нана, а ты совершила что-то главное?

– Думаю, еще нет.

У меня отлегло на сердце. (С того вечера я наблюдала, как день ото дня бабушкины спокойные глаза становились порой совсем прозрачными и лучистыми, и поняла, что она давно преодолела страх смерти, а может, и саму смерть. Однажды я ей сказала об этом. Она рассмеялась: «Это потому, что у меня есть ты».)

– А что будет после людей?

– Будет конец света. И свет перевернется, и огонь станет водой, а вода – огнем. Тогда лучше вступать в огонь. Даже горы будут сотрясаться и рушиться, мир погибнет от огня и воды, и останется один Аллах. Настанет новый мир. И всевышний пришлет кого-то гораздо лучшего, чем человек.

– Но кого?

– Должно быть, он вызовет к жизни души просветленных и чистых, и будет новый народ.

– Но это же будет человек!

– Совсем другой человек.

– Ты мне не ответила, для чего же мы все-таки рождаемся?

– Я думаю, чтобы когда-то среди нас появился на свет один, который бы дотянулся до неба.

Много лет тому назад захотели нарты, – те, что были до нас, – дотянуться до неба. Взошли они на самую высокую гору, стали друг на друга, вот уже достигли самых высоких облаков, но так и не дотянулись до неба. Тогда они поставили свой скот, и лошадей, и мулов, и опять не дотянулись до неба. Оставались только маленький мальчик со своей кошкой. Потерявшие надежду нарты поставили на верх громадной пирамиды кошку и ребенка – и мальчик дотянулся до неба.

– А после нартов люди дотянулись до неба?

– Нет.

– Почему?

– В вечной борьбе за свою землю уничтожались их роды и племена, и прерывалась цепочка, тянувшаяся вверх в неистребимом стремлении коснуться неба, и уходили под землю живые. И все-таки люди становились на плечи друг друга, чтобы дотянуться до неба. А мертвые подпирали своими плечами хрупкие ноги живых, укрепляя собой зыбкую твердь сырой земли, и снова живые становились на плечи мертвых в этой бесконечной пирамиде, не достигающей неба.

– А почему люди все время воевали?

Бабушка молчала – впадала в дрему, но я не сдавалась:

– Баба, зачем же люди все время воевали?

– Это все – дело рук Иблиса.

– Кто это?

– Ангел, слуга Аллаха.

– Расскажи про них.

– Ладно... Аллах долго был один. Потом он сотворил ангелов. Но однажды сказал: пусть будет мир, свет и темнота. И сделал так. Создал он мир людей, зверей и птиц. Оставалась самая малость: установить порядок на земле. Но у Всевышнего оставалось еще много других важных дел. Увидел это верный ангел Аллаха Иблис и вызвался помочь ему. Тогда сказал ему Господь: «Хорошо, иди и наведи на земле божественный порядок и вдохни в него божественную любовь». Обрадовался Иблис и сказал: «Сделаю, как Ты велишь». И спустился на землю. И увидел Иблис, что человек напоминает ему Творца. И навел на земле божественный порядок. Чтобы все в земной жизни людей, птиц, зверей и растений происходило в свой срок и при этом никто не мешал друг другу. Старательно выполнил Иблис приказ Аллаха, кроме одного – не вдохнул он в свой труд божественную любовь. Должно быть, не было ее, ведь он не был богом. Вот тогда и произошло несчастье: пошатнулся великий порядок, потому что его не держала божественная любовь. Каждый стал утверждать свой порядок. Каждый настаивал на своем, и чтобы доказать свою правоту, люди стали воевать друг с другом. Вот с тех пор и воюют.

– Может быть, чтобы установить самый лучший порядок в мире?

– Так люди думали много раз, и приходили к разным порядкам, которые им казались самыми лучшими. Но любые человеческие порядки все время рушились.

– Почему?

– Потому что даже самый лучший порядок бесполезен, если в нем нет божественной любви.

Наутро бабушка никогда меня не будила: она боялась, что душа не успеет вернуться в тело, потому что она покидает его во время сна и

скитается. Особо любопытные души успевают семь раз обежать вокруг земли, все на свете разведать и вернуться вовремя в спящее тело. Но ни одна душа не ошибается и всегда помнит дорогу домой. Я настолько заинтересовалась путешествиями душ, что однажды пристала к Лева во время прогулки, и он дополнил скромный рассказ бабушки. Юркие и вездесущие, говорил Лева, души проникают в самые укромные тайные уголки, куда громоздкое неуклюжее тело и не подумало бы забраться. Они воплощаются разноцветными валунами, чтобы катиться с чужих незнакомых склонов, становятся невидимым мелким камнем, одним из миллионов, затерянным среди речной и морской гальки, омываемой водами неведомых рек и морей, и могут растворяться в разливе чужих вод. Души, обернувшись рыбкой, бороздят со своим косяком пресные и соленые воды великих рек, морей и океанов. Они могут узнать, что кроме Черного, существует Красное, Желтое, Белое и Мертвое моря, и еще масса других, и четыре необъятных океана, которые на самом деле – одно целое, один мировой океан, потому что все океаны перетекают друг в друга. Они могут перелететь с кавказских гор на вершины других гор – Альп, и увидеть там снежного барса. Они свободно пролетают над благоухающими тюльпанными полями северной страны Голландии и роскошными орхидеями южной страны Колумбии, и видят с высоты полета бесконечные игры гладких китов у берегов Южной Африки. Души проносятся серыми и рыжими белками по чужим лесам, экзотическими птицами могут отведать незнакомый вкус и аромат сладких плодов в вечнозеленых джунглях и тропических садах, названий которых не знают. Они оказываются рядом с медленно парящими белыми аистами над рисовыми полями Андалузии и могут видеть их просторные гнезда над церковью под названием Сан-Мигель, способны превратиться в розовых фламинго, что пролетают над Францией накануне цыганского фестиваля. Гонимые попутным ветром, они катятся перекасти-полем по чужим бескрайним равнинам, или одним из бесчисленных колес, что поднимают дорожную пыль по бесконечным дорогам мира, или пролетают грозowymi облаками над прекрасными белыми городами ближних и дальних стран живых. Они парят над городами мертвых, заселенных мумиями фараонов, животных и птиц, среди которых мумии ибисов, настоящих и фальшивых соколов. Они могут видеть, как хвойные леса на севере Мексики одеваются однажды бархатным трепещущим покрывалом – миллионами бабочек-монархов, которые ежегодно объединяются на своей родине.

Кто-то порой удивляется, узнавая незнакомое место или человека: «Как же так, ведь я здесь никогда не был! Со мной такого никогда не происходило! Ведь я раньше никогда его не встречал!» Поэтому иногда мы узнаем многое из того, чего раньше никогда не слышали или не знали. Тело никогда не знает, что это – проделки души.

Но иногда с душой может приключиться беда, например, она может свалиться в глубокий колодец или где-нибудь застрять, или встретить по пути Псахех, собирателя душ. Тогда она не возвращается вовремя в тело, и все думают, что спящий человек умер. Освободившись, душа может вернуться в свою телесную оболочку слишком поздно, когда та уже под землей. Но, проснувшись, бедняга не находит дороги наверх, и его душа покидает заблудившееся тело навсегда. Ибо душам всегда нужен свет и простор.

Я мучительно завидовала судьбе этого вечного бродяги – душе, так как меня саму одолевала стойкая страсть быть повсюду. Первым шоком, отравившим мое детское существование, явилось сознание, что я должна жить в одной квартире, каждый день ходить в один и тот же детский сад, позже – один и тот же класс одной и той же школы в одном городе. Было странно видеть в зеркале одно и то же лицо, которое не меняется так же стремительно, как я внутри себя. Поскольку это не было внезапным открытием, то не причинило острой боли, но стало хронической болезнью, с которой я так и не справилась. Мои глаза сами начинали слезиться, когда взирали на вечно переменчивую, вечно желанную тонкую полоску горизонта, – там, где сходятся земля и небо. Я до сих пор смотрю на нее с глубокой тоской.

Когда меня сотрясал очередной приступ лихорадки «я хочу пойти туда-то и увидеть то-то», мама восклицала с чувством: «Ну неужели так трудно сидеть дома, как все нормальные дети? Кажется, вместо собственного ребенка мне в роддоме подсунули цыганку!» В глубине души я признавала, что это правда: я принадлежала племени кочевников.

В пять лет в детском саду мне подарили большую книгу с изображением Ленина, которая так и называлась «Дедушка Ленин». Я сразу выучила все стихи из книги, в том числе и революционные, и решила рассказать их бабушке. Она была повернута к плите – ни разу не обернулась и не сказала ни слова, пока я старательно декламировала. Я смутилась и замолчала. «Тебе что, не нравится?» – «Видишь эти тополя, – сказала неожиданно бабушка, указывая на деревья за окнами, – мы сажали их вместе с твоим дедом в честь своих родичей. Они были уорки. Одни из них погибли в 1779 году на правобережье реки Малки. Те немногие, что остались, – в 1917 году, когда случилась революция, и еще позже, в 1937. Эти тополя без пуха. А весной, когда распускаются почки, они начинают издавать винный запах и тихо шуметь молодой листвой».

От Бреста до Парада Победы

Если бы знал Гумар тогда, как нескоро попадет он в родные края, совсем по-другому смотрел бы на заснеженные крыши домов Шалушки, на сады в кружевном убранстве инея, на голубые контуры далеких гор...

В тряском кузове полуторки было еще трое парней из Шалушки.

– Хорошо бы всем вместе в одну часть, – первым нарушил молчание Каншоби Кяров.

– Правильно! – поддержал Бас Лиев. – Так давайте вместе держаться.

Друзьям повезло. Их зачислили в одну часть. Парни из Кабарды сразу же стали участниками больших событий. Часть принимала участие в освобождении Западной Белоруссии. Здесь, в местечке Антоплин, они приняли воинскую присягу.

Летом 1941 года молодые красноармейцы были в военном лагере на берегу Буга.

В то роковое утро, еще сквозь сон, в сознание Гумара ворвался страшный грохот. Выскочил из палатки. Земля взметывается фонтанами разрывов. Снаряды летят с другого берега Буга.

Война с первой минуты предстала перед ним во всей жестокости и бесчеловечности. Рядом с воронкой – красноармеец. Разрывом снаряда оторваны обе ноги и рука. Огромным усилием приподнялся на оставшейся руке, чужим голосом молит:

– Братцы, добейте!

Из страшных ран пульсирует и быстро растекается струйками кровь. Ярко-красная! Горячая!

Много смертей видел Гумар за войну, но эта, первая, врезалась в память навсегда...

Бой приняли в нескольких километрах от летнего лагеря, на реке Березине. И потянулись дни, недели, месяцы тяжелых боев. Испытал солдат в полной мере всю горечь отступления...

Многих солдат и командиров потерял и 944-й отдельный батальон связи, где Гумар был линейным надсмотрщиком. Разлучила война и друзей-односельчан. В первые же дни боев еще там, в Белоруссии, был ранен Бас Лиев, неизвестно куда отбросило Ануара Жерештиева, получил тяжелое ранение Каншоби Кяров. Получил ранение и Гумар, но остался в строю.

И дождался солдат радостных дней!

Под Смоленском наступление гитлеровских войск было остановлено. Красная Армия сорвала план безостановочного движения к Москве. В ходе смоленского сражения немецко-фашистская армия вынуждена была перейти к обороне. В огне этой битвы три дивизии получили вы-

сокое звание гвардейских. В составе всей дивизии стал гвардейским и 944-й отдельный батальон связи.

Черная волна фашистского нашествия докатилась до самой Москвы.

Гумар помнит, как гитлеровцы готовились вступить в Москву, уже составляли план триумфального парада, утверждали ордена за взятие столицы России.

Черчилль предрекал тогда: «Русские армии вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены». Но 5 декабря 1941 года наши части перешли в наступление. Отсюда начался путь к победе и командира отделения связи сержанта Шогенова Гумара Камботовича. Длинный, очень тяжелый путь боев прошла его часть в составе Центрального, Брянского, Западного, 3-го Прибалтийского и 1-го Украинского фронтов.

Славными вехами этого пути являются награды отважного сержанта.

«Награжден медалью “За боевые заслуги”, – записано в военном документа, – за обеспечение связи армии при форсировании реки Сож».

На территории Чехословакии отделение Гумара получило приказ: через лес выйти к железнодорожной станции, обрезать провода противника и подключить свою линию связи. Одновременно произвести разведку территории.

– До станции 35-40 километров, – вспоминает Гумар. – По узкой проселочной дороге углубились в глухой лес. Медленно движется машина связи: снег довольно глубокий. Наших войск здесь нет, есть ли противник – неизвестно. Приняты все меры предосторожности. Вдруг впереди дорогу пересекают немцы. Один... второй... третий... пятый. Увидели нашу машину – и по тропинке в лес.

– Есть ли там еще? Сколько? – раздумывать некогда. Не дать уйти! – шелест за мной!

Вдвоем с автоматчиком бросились по тропинке вдогонку за немцами. Догнал первого, сильно толкнул в снег. Немец сел и сразу руки поднял. Шелест сбил второго. Так и взяли всех пятерых, без единого выстрела. Перепугались немцы, не могли, видно, предположить, что советских бойцов тоже только пятеро.

– Ценными оказались «наши немцы». Они дали показания, что в лесу затаилась целая воинская часть. Гитлеровцы имели задание пропустить наши войска, и потом ударить с тыла. Лес окружили, группировку ликвидировали. 750 фашистов взяли в плен.

Все пятеро были представлены к награде, Гумар Шогенов получил медаль «За отвагу»...

Сколько тысяч километров линий связи проложено за войну связистами!

В конце войны делать это приходилось в особенно сложной обстановке. На территории фашистской Германии, поселках часто прятались

недобитые гитлеровцы. Они портили линии, исподтишка нападали на наших бойцов, на связистов.

Весной 1945 года Гумар Шогенов был уже помощником командира взвода. Получили задание срочно проложить полевую телефонную линию. Работать начали ночью. Местность незнакомая, лесная, ориентировались по карте. На рассвете лес поредел, начались перелески, поляны. Справа деревенька. На карте обозначено 29 домов. Наблюдение ничего не дало: деревенька как вымерла. Скрытно, принимая меры предосторожности, вышли к крайнему дому. Только свернули за угол, столкнулись с высоким стариком – немцем. Он опешил и, выронив ведра, дрожащей рукой показал на второй этаж – там, мол, немецкие солдаты. Оставили внизу автоматчика, вдвоем поднялись, осторожно открыли дверь. Точно, в комнате двое: офицер и солдат. Офицер спит, сидя за столом, положив голову на руки. Денщик его раскинулся на кровати. На столе – графинчик со шнапсом, домашняя колбаса, две гранаты, пистолет. На спинке кровати – автомат.

Крепко хранит память ветерана мельчайшие подробности.

– Я – в дверях. Шелест на цыпочках, затаив дыхание, убрал гранаты, оружие. И тут захотелось эффектнее взять этого фашиста в плен. Подошел к столу, стучу. Немец пружинисто выпрямился, моментально выбросил руку и выстрелил. Оказалось, у него за поясом был второй пистолет. Пуля обожгла шею. Второй раз выстрелить не успел. Скрутили мы его. Как он бился, как ругался на чистейшем русском языке!

Обер-лейтенант, австриец, грудь вся в крестах. Позже узнали мы: дал ценные показания, оказался карателем, свирепствовавшим под Вязьмой...

Пятнадцать благодарностями Верховного Главнокомандующего, значком «Отличный связист», восемью медалями и орденом Красной Звезды отмечены смелость и мужество отважного связиста, кадрового красноармейца, младшего командира, прошедшего всю Отечественную.

– Самой большой наградой, – говорит Гумар Камботович, – для меня было то, что стал я участником Парада Победы. По решению нашего командования я попал в число лучших представителей Первого Украинского фронта. Сводный полк нашего фронта в числе сводных полков других фронтов 24 июня 1945 года парадным маршем прошел по Красной площади. К подножию Мавзолея В. И. Ленина были брошены знамена поверженных фашистских армий. Вечером 120 участников парада были приглашены в Кремль. В их числе был и я. В эти минуты вспоминали мы своих боевых друзей, не дошедших до Победы. Каждый из них, отдав свою жизнь, хоть на немного приблизил этот замечательный день.

Гумар Камботович Шогенов вернулся в родную Кабарду. Отдыхать было некогда.

Ему, человеку с большим боевым и жизненным опытом, поручали ответственные участки хозяйственной и партийной работы. Он стал председателем Шалушкинского сельского Совета, работал заведующим

Чегемского райфо, руководил колхозом имени Кирова, несколько лет возглавлял партийную организацию в родном селе.

Вся жизнь

С нескрываемым восхищением и завистью смотрел мальчонка на парней, которые возвращаются из армии. Стройные, подтянутые, грудь в военных и спортивных значках. Как хотелось ему стать таким.

В 1940 году мечта Нахупша сбывается: его призывают в армию. Провожает парня вся родня, весь квартал.

– Смотри, не подведи! Шалушкинцами в армии только гордятся, – напутствует его старейший в квартале.

«Не подведу!» – мысленно обещает Нахупш, целиком захваченный желанием скорее попасть в воинскую часть, скорее стать красноармейцем.

...Как губка воду, впитывает Нахупш все, что говорят и делают на занятиях боевой и политической подготовки. Красноармеец отдает службе все, что может. Командиры хвалят его, ставят в пример его прилежание, исполнительность, смекалку.

Быстрый в движениях, с удивительно прямой осанкой, всегда подтянутый и аккуратный. В роте его называют «светлейший князь». Кто-то из земляков в шутку или всерьез так перевел его имя.

В 1941 году полк, в котором служит Нахупш, располагается на берегу Буга, в палаточном городке. В роковое утро 22 июня бойцы еще спали, когда небо заполнил гул фашистских самолетов. Красноармейцы выскакивают из палаток, некоторые тут же падают, изрешеченные осколками.

Впервые Нахупш увидел смерть. Это утро врезалось в его память на всю жизнь, наполнило сердце огромной ненавистью к врагу.

Напрасно фашисты рассчитывали внезапностью вызвать панику. 126-й стрелковый полк принимает свой первый бой. Он длится весь день. Гитлеровцы не смогли продвинуться на этом участке ни на шаг. Ночью поступает приказ отходить. Отступление растягивается на долгое время. Враг идет вперед. наших солдат поддерживает только то, что они перемалывают силы противника и верят в победу.

Нахупш в самое тяжелое время отступления говорит: «Неправда! Остановим фрицев! Не хватит у них сил сожрать нашу необъятную Родину! Подавятся! Вот тогда мы и добьем гадов!»

И дождался солдат безмерной радости.

Полк сражался на берегу Волги. Под Сталинградом целая фашистская армия окружена и взята в плен.

126-й стрелковый полк 217-й гвардейской дивизии, как и другие части по всему фронту, устремляется вперед, освобождая родную землю, города и села. Наступление становится постоянным.

Тех, первых красноармейцев, которые приняли бой на границе в 1941 году, в полку осталось немного. «Старики» – костяк полка, пользуются большим авторитетом. Среди них Нахупш Бирсов.

... Однажды, уже на Украине, в 1944 году Нахупша вызвали в штаб. Командир полка Братько обратился к Бирсову:

– Группа разведки при штабе погибла при выполнении боевого задания. Без разведки нельзя. Поручаю тебе подобрать новую разведгруппу. Найди самых самых.

– А я справлюсь?! – вскрикнул Бирсов.

– Тебя ротный рекомендовал, капитан Яценко. Справишься! Ты ведь кавказец!

Нахупш понял серьезность задания. Этот приказ определил всю дальнейшую военную судьбу Бирсова. В тот же день в разведгруппу введен Николай Володенко, сибиряк, до войны охотник-промысловик, а главное – Николай имеет необыкновенную способность – хорошо видит в темноте. Недаром в полку его называют «Филином». Третьим стал Мухамадин Асяев, солдат, обладающий огромной физической силой. А вот призвали его «Муха».

Разведгруппа сразу смело действует, выполняет сложные задания. Много славного рассказывает Нахупш о делах группы. Но об одном случае всегда вспоминает с улыбкой.

Немецкая часть сумела закрепиться на заранее подготовленных позициях. Атаки полка не приносят успеха, только приводят к ощутимым потерям. Разведчики получают задание: любой ценой взять «языка».

Ночью скрытно миновали линию обороны противника, углубились в тыл. Местность холмистая, изрезанная небольшими оврагами, поросшая редким кустарником. Ночь довольно темная, слегка туманная. Мухамадин вдруг споткнулся и упал.

– Алла сакъласым! – негромко вскрикнул он по-татарски. Оказалось, ногой зацепился за телефонный провод, проложенный по земле немцами к передовой.

– Все! Дальше идти никуда не надо, – шепотом решает Нахупш. – «Язык» сам придет сюда!

Он ножом перерезал телефонный провод и концы бросил в овражек.

– Филин, теперь все зависит от тебя. Ты должен врага увидеть раньше, чем он подойдет к нам.

Прошло с полчаса, и Филин чуть слышно шепчет:

– Вон, идут по дну овражка. Двое. Первый в очках – связист. Второй с автоматом – солдат.

– Так, Муха, берешь на себя автоматчика. Убери его сразу: он нам не нужен. Очкарика возьмем мы. Это хороший «язык».

Немцы, перебирая провод, поравнялись с разведчиками. Автоматчик не успел пикнуть в мощных объятиях Мухамадина. Очкарик, как кролик,

которого режут, заверещал. Но это на один миг. В рот ему затолкали кляп из его же пилотки. Руки моментально скрутили за спиной. Голову плотно обмотали бинтом из индивидуального пакета. Оставили только нос, чтобы дышал. Забинтованную голову обмазали глиной – белое слишком выделялось в ночи. Разведчики невольно рассмеялись, уж очень нелепое получилось из фрица чучело.

Очки Нахупш аккуратно снял сразу и положил в карман своей гимнастерки. Отдал их, когда «языка» доставили в штаб полка и там «распаковали» немца.

Связист дал ценные сведения о системе обороны и расположении огневых точек гитлеровцев. На следующий день сопротивление врага легко сломали. Наступление полка успешно возобновилось. Разведчики все трое представлены к наградам.

...Еще об одном случае с удовольствием вспоминает ветеран. Произошел в Берлине, после капитуляции немецких войск. Нахупш рассказывает:

– Иду по улице на окраине Берлина, как вдруг подбегает старик-немец. Что-то говорит, волнуется, заикается и руками в сторону, на складские помещения показывает. Я по-немецки два-три слова знаю, а тут ни одного знакомого. Стою, не знаю, что делать. А старик даже за гимнастерку тянет. Пошел. В просторном помещении стоят два орудия, рядом целый штабель ящиков со снарядами, дальше – тюки немецкой солдатской униформы, еще какие-то незнакомые предметы. О складе я немедленно доложил в штаб полка. Склад не стали вывозить, охрану поставили.

До июля 1946 года полк несет комендантскую службу в Берлине. В августе Бирсов возвращается в родное село. Отдыхать фронтовик не стал, устроился в среднюю школу военруком.

Нахупш вырастил четырех сыновей и двух дочерей. Теперь у него 19 внуков и правнуков.

В конце января 2010 года родные и весь квартал отмечали его 90-летие.

Много наград у ветерана. А совсем недавно героя нашла еще одна – медаль «За боевые заслуги». К ней солдат был представлен еще в 1945 году, но случилось так, что шла она к нему шесть с половиной десятков лет. Вскоре ему вручают еще одну медаль – юбилейную

– Моя самая большая награда, – говорит Нахупш Бирсов, – это то, что я еще тогда, в 1945 году мог сказать: «Я живой». А теперь говорю: «Жизнь прожил отлично и еще один юбилей Великой Победы встречаю!»

Война глазами мальчишки

Мне двенадцать лет. Идет второй год войны. Она для нас где-то далеко, сюда доходят только отголоски. Моя мать – врач. Живем в селе, при амбулатории.

В сентябре почувствовали войну ближе: в нашем селе расположилась большая обозная воинская часть. В ее составе – ветотделение. Командир – капитан, ветврач. Серьезный, строгий. Ветфельдшер – молодой лейтенант, быстрый, веселый, очень приветливый. И бойцы – санитары. Все пожилые. Один – широкоплечий, мощный, медлительный – кузнец.

Это я узнал потому, что бойцы ветотделения поставили повозки и палатки в саду, около нашего дома. Кузнец устроился в колхозной кузне. Интересно было смотреть, как он работает на наковальне, около горна, перековывая лошадей.

Капитан попросил мою мать готовить для бойцов отделения: «Продукты наши. Вы только готовьте что-нибудь домашнее».

Я очень быстро подружился со всеми, особенно с лейтенантом и кузнецом. Лейтенант сказал, что я такой же, как его братишка, который остался далеко отсюда, дома. Кузнец заявил, что я – вылитый его сынишка. Меня научили ездить на коне, даже доверяли гонять лошадей на речку, на водопой.

Так прошло дней десять. И вдруг вся часть пришла в движение: получен приказ отойти к Тереку.

– Возьмите меня с собой, – стал я просить лейтенанта. – Я вам помогать буду!

Капитан сначала и слушать не хотел, но потом молча махнул рукой: уж очень горячо вступились за меня лейтенант, бойцы, особенно кузнец.

Но уехать далеко с частью не удалось: мама со знакомым колхозником на подводе догнали часть за Докшукино (сегодня это Нарткала). Меня вернули домой...

В воскресенье в октябре мы (группа мальчишек) утром отправились в лес. Недалеко от села поднимались взгорья, поросшие дикими грушами, яблонями, калиной, шишками. Отсюда отлично были видны Нальчик и окрестные села.

Только мы вышли к вершине, появился самолет, не наш, немецкий – рама. Он стал кружить над городом. Скоро прилетели еще самолеты. Понимались глухие хлопки, будто там, в городе лопались воздушные шарик.

– Бомбы! Немцы бомбят город! – вскрикнул кто-то.

– Скорей! Бежим домой!

В селе только и говорили о налете, о бомбежке города.

На следующий день увидели, как по улице вдоль плетней цепочкой, с винтовками наперевес настороженно идут солдаты в чужой светло-зеленой военной форме. Это румыны. Из Нальчика долетали звуки винтовочных выстрелов, пулеметных очередей, взрывов. Там шел бой...

В селе жизнь сразу изменилась. Появился полицейский участок... На окрестных полях, в поймах рек Шалушка и Кенже осталось много винтовок, гранат, толовых шашек, запалов и небольших цинковых ящиков с боевыми патронами. Мальчишки собирали их и втайне от родителей прятали дома.

Натаскал и я, много – целый склад. Больше всего привлекали гранаты и толовые шашки: они очень громко взрывались, поднимался высокий столб черного дыма, на земле оставались воронки. Особенно интересно было бросить гранату с обрывистого берега в реку или овраг. Через овраг перед самой войной построили большой деревянный мост и проложили дорогу к селению Кенже. Вот сюда и пришел однажды. У меня была противотанковая граната, большая, тяжелая. Взрыв такой гранаты особенно мощный.

Смотрю: по мосту едут на пароконной подводе четыре немецких солдата.

– Эх, и поскачут немцы в город, если устроить взрыв под мостом!

Выдернул чеку – и гранату под мост. Взрыв действительно прогремел сильный. Немцы соскочили с подводы, побежали... Но не в город, а ко мне. Я-то не знал, что им сверху хорошо был виден овраг и на берегу среди редких кустов человек, устроивший взрыв.

Меня схватили, избили и доставили на улицу Бульварную (Шогенцукова), ниже гостиницы «Нальчик». Здесь помещалось гестапо.

Подвал, опросы, обыск у нас в доме и изъятие моего «арсенала». Следователь – немец, высокий, сухой, с рыбьими глазами, увеличенными стеклами очков, хорошо говорил по-русски. Он без конца повторял вопросы: кто послал меня подорвать мост и германских солдат, чье оружие хранилось у нас в доме...

Мать бросилась к начальнику полиции в селе, односельчанину, давнему ее пациенту.

– Помоги! Умоляю!

– Я что могу? Это гестапо! Там немцы... Хотя, подождите, есть там переводчик – кабардинец, мой знакомый. Едем к нему!

Следователь хмуро слушал, что ему говорили: «Мальчишка. Баловался. Никакого злого умысла! А оружие? Его много разбросано везде...» Совершенно равнодушно смотрел на слезы моей матери. Брезгливо скривил губы, когда у нее началась истерика.

Взял, не спеша, мое «дело» и черным карандашом жирно наискось через всю папку написал: «ликвидировать».

Всем стало страшно.

– Кого ликвидировать? Неужели такой конец?

Следователь поднялся за столом и резко проговорил:

– Забирайте мальчишку. И чтобы ноги его в городе больше не было...

Через несколько дней, 3 января, Нальчик освободили наши войска. Фашисты бежали. Скоро все узнали, что перед бегством гестаповцы расстреляли на трассах (противотанковые рвы под Нальчиком) более 800 человек.

Среди них мог бы быть и я...

Потом сбор колосков, работа по прополке в огородной бригаде. Осенью, прибавив себе год, вступил в комсомол.

И сразу же поручение Нальчикского райкома комсомола: восстановить комсомольскую организацию в школе. Окончание войны... И окончание школы... Учительский институт и первые уроки в школе села, ставшего родным.

Натиск

Год 1944-й, особенно его вторая половина, стал годом стремительного наступления Красной Армии. До 120 дивизий немцев и их союзников были разбиты. Враг был отброшен к границам Германии. Перед Красной Армией осталась ее заключительная миссия: довершить разгром, добить фашистского зверя в его собственном логове.

Активнейшим участником этого периода война стал и наш односельчанин Цацу Соблиров. С 1941 года он прошел тысячи фронтовых километров. Отвага бойца отмечена орденом Отечественной войны II степени, несколькими медалями. Самыми дорогими наградами стали для него шесть благодарностей самого Верховного Главнокомандующего Красной Армии И. В. Сталина:

- за овладение городами Лауэнбург и Картиуаз – 10 марта 1944 года;
- за отличные боевые действия при форсировании реки Неман и прорыв сильно укрепленной обороны противника на западном берегу той же реки – 31 июля 1944 года;
- за прорыв долговременной обороны и вторжение в пределы Восточной Пруссии – 23 октября 1944 года;
- за прорыв линии обороны Западные Кониги и овладение городами Шлохау, Штегерс, Хаммерштайн, Вильденбург и Буолиу – 27 февраля 1945 года;
- за овладение важным опорным пунктом обороны на подступах к Данцигу и Гдане, Диршау Найнштадт и Путунг – 12 марта 1945 года;
- за отличные боевые действия по овладению городами Эгезин, Тергелев, Казенвальн, Штрасбург и Темплин, важными пунктами обороны немцев в Западной Померании – 2 апреля 1945 года.

Если эти места соединить прямой линией, то она укажет ход стремительного наступления Красной Армии от Восточной Пруссии до самого Берлина.

Долгое эхо войны

Молодой учитель нашей школы Хангери Тлупов 23 июня 1941 года подает заявление в районный военкомат:

- Хочу бить врага! Хочу на фронт.

В военкомате заявление добровольца приняли. Хангери направили в Орджоникидзевское военно-пехотное училище. Через два месяца

ускоренного обучения молодой лейтенант получает направление в 404-й стрелковый полк 12-й армии.

Полк после долгих оборонительных боев находился на территории Ростовской области, пополнялся людьми и вооружением.

Тлупов назначен командиром стрелкового взвода.

Через несколько дней – первый бой. Взводу приказано перекрыть дорогу, не дать пройти к селу Черная Балка, которое располагается в низине. По приказу Тлупова бойцы закрепились на высоте. Скоро показались немецкие мотоциклисты, за ними пять танков. Разгорелся бой. Мотоциклистов заставили повернуть назад. Три танка подбили. Враг не прошел.

Но от Черной Балки пришлось отойти. С упорными боями отходили все дальше и дальше. Около станицы Мешковской Тлупов получает тяжелое ранение.

Госпиталь и долгое ожидание разрешения медицинской комиссии вернуться на фронт. Уже старшим лейтенантом Тлупов получает назначение в 176-ю стрелковую дивизию на должность командира роты.

Почти три месяца рота ведет тяжелые оборонительные бои на Кавказе, под Моздоком. И только в последние дни декабря бойцы испытали радость наступления. Успешные действия наших войск под Сталинградом создали реальную угрозу для всех северокавказских армий группы «А». 1-я танковая армия стала отползать на заранее подготовленные оборонительные рубежи. Они пытались огрызаться на берегах Кумы, около Черкесска, в районе города Кропоткино. Но группа наших войск гонит врага безостановочно.

176-я стрелковая дивизия проходит по территории Кабардино-Балкарии, и Тлупов получает возможность на короткое время заглянуть домой в Шалушку.

Какая это была радость для матери и всех родных! Как нежно прикоснулась старая Фаризат к простреленной навывлет груди сына! Ей не хотелось отпускать его, но он клялся не остановиться, пока не будет освобождена Родина, пока не будет уничтожен последний фашист.

Весь род шалушкинских Тлуповых и другие односельчане на другой день провожали Хангери.

Вскоре от него пришло письмо:

«Наступление идет успешно. Только что освободили Краснодар. Ненависть моя к крагу удесятирилась...» И Хангери рассказывает о газовой камере-душегубке, которую немцы не успели демонтировать. Сотни, тысячи стариков, солдат, женщин и детей, умерщвленных там, взывают к мести.

Это было последнее письмо Хангери. Вскоре пришла похоронка. В ней – скупые, страшно тяжелые слова: «Ваш сын, Хангери Тлупов, пал смертью храбрых в бою за Родину».

И все: ни даты, ни места!

Тлуповы пытаются хоть что-то узнать. Пишет запросы мать, потом дочь Зоя, потом внук Аслан. Он помнит, как в школе был членом поисковой группы, как нелегко, а иногда совершенно случайно раскрывает прошлое свои тайны. Аслан пишет в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, в районный и республиканский военкоматы нашей республики, в военкоматы Краснодарского края, Крыма, в близлежащие области Украины. Ответов нет или дают отрицательные...

И вдруг в 2011 году военный комиссар Крымского района Краснодарского края сообщает: «Среди воинов, захороненных во время Великой Отечественной войны на территории Краснодарского края, значится старший лейтенант Тлупов Хангери Нухович, похоронен в братской могиле на гражданском кладбище в городе Крымске».

Не медля, Аслан решает ехать в Крымск. С ним едет Гумар Шериев, шалушкинец старшего поколения.

Как хочется Аслану, чтобы машина увеличила скорость в два, три раза. Он автовокзала Крымска до городского кладбища оба почти бегут. И вот он, высокий обелиск, золоченные буквы имен погибших воинов-освободителей. Перехватывает дыхание! Буквы расплываются. Вдруг словно проявилось: Тлупов Хангери Нухович, гвардии старший лейтенант...

Аслан дрожащими руками высыпает из мешочка землю с родового кладбища Тлуповых, с могилы своего прадеда Нуха, и немеющими пальцами набирает в мешочек немного земли с могилы дедушки. Гумар кладет к подножию обелиска алые розы, срезанные в Шалушке женой Аслана Фатимой. У Аслана глаза полны слез, но плакать он не позволяет себе.

К ним подходит старичок.

– Я вижу, у вас кто-то похоронен здесь?

– Да, – указывает Аслан на фамилию.

– А я помню этого человека! Наверное, я последний, кто видел его живым. 12 августа 1943 года. Это мой день рождения. Мне тогда 13 лет было. И бой весь видел с чердака нашего дома. Дом стоял на краю площади. На другой стороне – школа: фрицы превратили ее в крепость. Огонь вели из окон второго этажа. Сопrotивлялись, как загнанные звери. Подняться под огнем фашистских ручных пулеметов было невозможно. Только когда трое бойцов обошли школу и с тыла забросали окна гранатами, огонь фашистов прекратился. Командир первым рванулся и первым упал, прошитый автоматной очередью: кто-то из немцев остался живой в соседнем классе. Трoих он положил, больше не успел, уничтожили его наши и школу взяли.

Старик замолчал. Молча стояли Аслан и Гумар. Они теперь знали все.

Поиск. Зачем?

Шестьдесят с лишним лет быть причастным к великому подвигу, сопереживать страшным своей правдой фактам жизни людей старшего поколения на войне, приобщать к этому сотен школьников – все это дает нам непередаваемое удовлетворение. Мы – это Ольга Федоровна Коммодова, Зоя Блитовна Шакова и я, автор этих строк.

Первая – душа всей работы поисковых групп и историко-краеведческого кружка, в который вступали целые классы. Вторая вносила в нашу работу особую дисциплину, пробуждала в учащих гордость, необходимость соблюдать национальный этикет и там, далеко от Кабардино-Балкарии. Я организовывал все материальное, устраивал встречи с интересными людьми, экскурсии по музеям, по местам героической славы, учил говорить и писать с чувством, грамотно об увиденном и услышанном, фотографировал и оформлял все для памяти.

Мы никогда не делили работу, каждый делал то, что мог сделать лучше, что хотел сделать от всей души.

Я отношусь к людям, которые судят о человеке по его поступкам, идущим от сердца.

Я испытываю неподдельную радость от сочинения девчонки или мальчишки, которые сумели откровенно выразить свои чувства от события, факта, человека.

Однажды к нам пришел Мухадин Карданов, бывший когда-то активным кружковцем и членом совета музея. Он привел сына, Хасанша, четвероклассника.

– Дайте ему почувствовать, узнать то, что дали когда-то мне.

Мы дали Хасаншу первое задание – написать сочинение о своем дедушке, ветеране войны.

«Когда я прихожу из школы, я глажу рукой фотографию дедушки. Это самое дорогое для меня. Я рассказываю ему все, что было в школе. Мой дедушка – герой!» – написал Хасанш в сочинении.

Мы с удовольствием приняли мальчишку в кружок.

Меня безмерно порадовало, когда Артур Гучинов на Площади Героев в Новороссийске друг вытянулся и замер, почти не дыша, перед Вечным огнем города-героя. Парнишка этот не отличался хорошим поведением в школе, и мы взяли его в поездку неохотно, только потому, что очень просил за него дядя, Хазеша Жумальдинович Гучинов, ветеран войны, участник обороны Малой земли. И вот! Артур стал участником нашего традиционного отчетного общешкольного вечера и передачи по республиканскому телевидению, хотя он заикался с детства. Артур сам нашел полную форму матроса, с автоматом в руках стоял у нарисованного школьными художниками Вечного огня. Не знаю, что думал, что чувствовал парнишка в эти минуты, но поведение его в корне изменилось.

Как я гордился своими «джигитами» – девятиклассниками, когда они, подхватив под руки одного из руководителей героической обороны Киева в 1941 году 80-летнего Иллариона Федоровича Евдокимова, буквально внесли его на высоту 219 под селением Вета Почтовая во время нашей поездки на Украину.

Как тепло становится на душе, когда взрослые люди, твои бывшие ученики, после вопроса о здоровье обязательно спрашивают: «Как там наш музей?» А войдя в музей, по-детски заинтересованно вглядываются в свои школьные фотографии или восторженно читают сочинение, очерк, рассказ, написанные в 8-9 классе. И как осторожно и уважительно трогают вещь, хотя когда-то сами принесли ее в музей.

Что же может сравниться с чувством учителя в такие моменты?

Когда-то после посещения нашего республиканского краеведческого музея мы спросили своих учащихся, что им заполнилось.

– Чучела зверей... сабли, кинжалы... Макет БаксанГЭСа...

Учащиеся прошли мимо главного, ценного в познавательном и воспитательном отношении. С тех пор мы ставим определенные цели до посещения кого-либо, до поездки, до изучения каких-либо материалов. Требуем записей с точным воспроизведением надписей, дат, цифр, цитат. Учим умению быстро распределять объекты между собой, если их несколько. Благодаря этому впечатления учащихся, их сочинения всегда имеют фактическую, историческую ценность и точность.

Это познавательная сторона.

Но есть более глубокий пласт. Это воспитание. Сочинения ребят дают возможность осуществить обратную связь. Она позволяет увидеть, насколько глубоко затронуты чувства ученика. Наша главная задача – не только почтить память погибших или прославить ныне здравствующих. Время берет свое, и память надо обновлять. Новое поколение должно получить настоящую закалку. Задача учителей, да и всего старшего поколения, научить наших юных быть достойными подвигов отцов. Нужно разжечь желание достичь новых, еще никем не покоренных вершин, чтобы сделать дорогу свершений еще шире, прекрасней, и сделать это надо в школьную пору. Именно она определяет всю дальнейшую человеческую жизнь и остается с ним навсегда. Юный гражданин должен ощущать себя частицей своего великого народа, расти горячим патриотом, способным нести эстафету поколений.

Наши кружковцы проявляют большую заинтересованность в работе. Залог успеха в этом – психологический настрой и романтика. Дети остаются детьми, даже если это десятиклассники.

Беслан ШИПШЕВ

После девяти классов учебы в средней школе № 7 г. Нальчика поступил и в 2002 году с отличием и золотой медалью окончил школу-лицей для одаренных детей при Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х. М. Бербекова. В том же году поступил на юридический факультет этого университета по специальности «Юриспруденция», который также с отличием окончил в 2007 году. В том же 2007 году получил диплом о дополнительной квалификации «Преподаватель» на кафедре педагогики и психологии КБГУ им. Х. М. Бербекова. В 2016 году успешно прошел профессиональную переподготовку по специальности «Менеджмент» в Кабардино-Балкарском государственном аграрном университете им. В. М. Кокова.

С 2008 года работает в ПАО Сбербанк, где в настоящее время является главным специалистом отдела сопровождения процедур банкротств и исполнительных производств Управления по работе с проблемными активами юридических лиц Среднерусского банка (г. Москва).

Тематика творчества Беслана Шипшева разнообразна – от романтических стихов до философских размышлений – о жизни, времени, судьбе, творчестве. Впервые его стихи были опубликованы на страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» в 2013 году.

В 2016 году был награжден Грамотой Союза писателей КБР за большие творческие успехи и тесное сотрудничество с редакцией журнала «Литературная Кабардино-Балкария».

О настоящей дружбе

Не торопись друзьями называть
 Тех, кто стремится чаще быть с тобою.
 Ведь, если вместе вам не раз пришлось бывать,
 Еще не значит, что вы связаны судьбою.

Не торопись друзьями называть
 Тех, кто себя такими называют сами.
 Быть может, случая не выпало понять –
 Не все то дружба, что проверено годами.

Не торопись друзьями называть,
 Пускай они пока в приятелях побудут.

Ведь истинных друзей не надо звать,
Они и сами в нужный час с тобою будут.

Не торопись друзьями называть
Тех, кто бокалы за тебя легко поднимут.
Ведь завтра ты им можешь в жизни помешать,
И так же просто они дружбу отодвинут.

Не торопись друзьями называть,
Пусть они тебя в душе таким признают.
Ведь дружбу крепко нужно в жизни закалять,
Не зря же дружбу самой ценной называют.

Не торопись друзьями называть,
Не торопись с друзьями ошибиться.
Но если все же дружбу смог познать,
То сделай все, чтоб дать ей вечно сохраниться.

Судьба

Все в этом мире живет ради цели,
Все в этой жизни имеет удел.
Судьба же похожа на те же качели,
В которых ты в детстве когда-то сидел.

В них ветер и сила, в них страсть и азарт.
В них тело и мысли вместе летят.
В них пламя и холод, стужа и зной.
Лишь в них вспоминаешь о жизни такой,

Которой она есть на самом деле,
И как в ней проходят года и недели.
Не хочешь из них выходить ты порой,
А кто-то воскликнет: «Хватит! Пстой!» –

И тут же захочет вернуться назад,
Но «место забито» ему говорят.
Качели запущены, но для других,
И больше не будет мгновений таких,

Которые в жизни тогда упустил,
Когда не сказал, когда не простил,

Когда не признался, когда нагрубил.
Есть шанс, и в него надо верить всегда,

Когда одиноко, когда вдруг беда.
Не нужно жалеть, нужно силы собрать,
Идти прямо к цели и не упускать.
Когда же пройдут твоей жизни года,
Тогда ты поймешь, что есть в жизни судьба!

Цель

Закрывать глаза и погрузиться в омут.
Забывать слова, которые не тронут.

Пройти свой путь, пусть вопреки преградам.
Постигнуть суть, не думать о наградах.

Добиться цели, что когда-то ставил.
Вернуться к дому, что давно оставил.

Простить врагов, чьи помыслы враждебны.
Прознать друзей, чьи речи лишь хвалебны.

Посеять память в душах у людей.
Творить добро, не становясь при этом злей.

Таить мечту и устремиться к ней.
Ведь нет на свете, чем она, важней.

Достать звезду, что будет освещать
Твою судьбу – и опыт передать

Тому, кто сможет – нет, не превзойти,
А хоть не сбиться с верного пути.

Борис БАЛКАРОВ

Преподает в Институте информатики, электроники и компьютерных технологий Кабардино-Балкарского госуниверситета. Является автором целого ряда пособий по компьютерной графике и программированию, за которые снискал ряд дипломов международных выставок учебной и учебно-методической литературы.

Наряду с этим Борис Балкаров является автором около 300 стихотворений и текстов песен, двух пьес и первого в Кабардино-Балкарии научно-фантастического романа «Рабы Нового Вавилона». Недавно им был выпущен сборник его ранее не публиковавшихся стихов и прозы «Карманный Златоуст», великолепно оформленный дочерью – дизайнером графики Анной Балкаровой.

Несмотря на то, что он регулярно участвует в фестивалях авторской песни, в последнее время в его литературном творчестве все больше начинает преобладать проза. Предлагаемый рассказ является образцом его прозы и публикуется впервые.

MEA CULPA¹

Да, я – дурак! Старый дурак! Умному придет в голову открыть входную дверь в двенадцать ночи, не посмотрев в глазок? А я открыл! На пороге стоял молодой мужчина лет 30–35, достаточно располагающего вида. Ростом где-то метр восемьдесят, одетый аккуратно, неброско, но с некоторой претензией. Правильные черты лица, белая кожа, зеленые глаза, небольшая ухоженная борода и густые, чуть выющиеся темные волосы, собранные на затылке в пони-тейл. Не-а, не был он похож ни на убийцу, ни на афериста или жулика какой другой профессии... (А впрочем, много ли я их, жуликов этих, видал?)

– Здравствуйте, Аркадий Борисович! Позвольте войти? – спросил незнакомец.

Знаете, я личность в нашем городе, в общем, известная: все-таки сорок лет преподавательского стажа. Могу похвастаться: за это время я раздал столько автографов, что иной голливудской звезде и не снилось. Правда, в виде подписей в зачетках. Но важнее, наверное, другое. За это время я умудрился практически никого из своих учеников не обидеть. Так что вопрос о мести «злобному преподу» отпал как бы сам собой.

¹ *Mea culpa* (лат.) – моя вина, мой грех.

В силу же столь специфической известности все знали, что красть у меня просто нечего. Нет, конечно, было что. Но не будет же злодейский злодей врывать в мою квартиру, чтобы упереть шеститомник Фенимора Купера академического издания или «Дон Кихота» 1955 года выпуска, правда с иллюстрациями Доре. Или, например, коллекцию «винила» вместе с проигрывателем «Вега».

Ну да, скажете вы, а квартира? Так всем тоже известно, что квартира давно переписана на дочку. А ежели кто на неё покусится (имеется в виду – на квартиру) то придет дочка, да ещё и подключит свою мамашу... В общем, не завидую я такому покусителю...

Да, вот еще что: сплю я плохо (возраст, знаете ли), а тут побеседовать с «гостем запоздалым»... Короче, впустил я его в дом!

Отрекомендовался гость необычным именем – Магуэль, и сообщил, что имеет ко мне важный разговор. Сказано это было весьма серьезным тоном, однако я ответил ему, что коль разговор серьезный, то вряд ли стоит вести его в прихожей, выдал ему тапки и пригласил на кухню. Магуэль как будто знал, что стул в торце стола – мой, хозяйский, и довольно непринужденно уселся справа на скамью.

– Чай, кофе?

– С удовольствием... Чай. Если можно, с лимоном.

– С «мухами» пьете?

– Это, простите, как?

– Ну, когда заваривается прямо в чашке.

– Да-да, конечно, спасибо.

– Сахар положите сами по вкусу.

Через некоторое время, когда над чашками свежезаваренного чая курился парок, Магуэль оторвался от увлекательного занятия наблюдения за водоворотом чайнок, которые он гонял ложкой по чашке, и посмотрел мне в глаза. Взгляд его был странным. Не то чтобы тяжелым, но каким-то слишком серьёзным, проникающим. У меня возникло ощущение, что так глядит на пациента врач, прежде чем сообщить ему о неизлечимости болезни сердца. Которое, кстати, во мне ощутимо екнуло. Неужели что-то с детьми?

– Нет, нет, не волнуйтесь, с вашими детьми все в порядке, – успокоил меня Магуэль, не отводя, впрочем, своего пронзительного взгляда.

– Тогда чем обязан? Что за дело у вас, которое не терпит отлагательства до утра?

– Ну, прежде всего, я должен сообщить вам, Аркадий Борисович, что я Демон.

«Так, – подумал я, – кажется, все начинает становиться на свои места. По крайней мере, понятно, откуда этот пациент. Однако...» Однако меня сильно смутило выражение его лица – во время его представления на нём не дрогнул ни один мускул. А ещё – голос. «Я – Демон» было

сказано таким обыденным, даже затёртым тоном, что складывалось впечатление, что эту фразу мой гость произносил столько раз, что ему самому говорить об этом было невообразимо скучно. Более того, и глаза его были скучными, и в них читалось, что ему совершенно наплевать, поверю я в этот бред или нет. Ну а если он эту фразу так «затёр», то почему же он у меня на кухне, а не в соответствующем лечебном учреждении?

– Вижу, – опять-таки скучным голом сказал Магуэль, – вы мне не верите.

– Да нет, не то чтобы... – памятуя о том, что с психами подобного рода нужно держаться спокойно и не спорить с ними, сказал я. – Однако, знаете ли, вид у вас какой-то... не очень демонический.

– А вы думали, что раз Демон, то должен быть с хвостом, рогами, копытами, огнем из глаз и дымом из ноздрей?

– Ну, где-то так...

– Так не у вас же на кухне. А в других мирах иногда приходится принимать и такой облик. Но там и природные условия другие.

– А-а, – как бы понятиливо протянул я.

На некоторое время над кухонным столом повисло молчание. Скажу сразу: я не то чтобы безоговорочно ему поверил, но, и я повторю это снова, внешне во всей ситуации было столько обыденности, что «бросаться в бой» за высокие идеалы науки и материализма с приведением пространных доказательств о том, что демонов, как и, впрочем, бесов, чертей и прочей более мелкой нечисти, не существует, просто не было желания. Я подумал, подумал и... не стал! А вместо этого спросил:

– Насколько я в курсе, Демоны приходят за душами грешников, чтобы утащить их в ад. Так вы по мою душу?

Через мгновение я осознал, что сказал, и внутри что-то ощутимо заглодело. Логика, если в такой ситуации можно говорить о логике, подсказывала мне, что если за моей душой пришел Демон, значит я – бо-о-ольшой грешник. Говорят, что перед смертью умирающему в бешеном темпе «прокручивается» вся его жизнь. Вот и я начал «прокручивать»... И знаете, что оказалось самым удивительным? Ну не нашел я таких уж смертных грехов, чтобы меня вот так вот... Да, как написал один мой знакомый поэт:

...Немного врал, немного крал,

Но не корысти для.

И никогда не сотворял

Кумира из рубля...

И посему, слегка успокоившись, я снова спросил:

– Так что, в ад повлечете?

– Ах, Аркадий Борисович, Аркадий Борисович... Вроде, человек вы немолодой и достаточно образованный, а реалиями какими-то странными

оперируете. Вот тот же ад. Там что, по-вашему, и вправду раскаленные сковородки? Прямо Босх какой-то! Или в свете современных достижений вас будут вечно медленно облучать быстрыми нейтронами? Нету, нету никакого ада, по крайней мере, в таком представлении! А все Данте, Босхи и даже Лукианы описывали не более чем аллегории.

– Но тогда получается, что можно грешить, а расплата тоже будет чисто аллегорическая?

– А ведь я не сказал, – взгляд Магуэля стал каким-то замораживающим, – что ада не существует. Он есть. И ближе, чем вы думаете!

Это было сказано негромко, но так убедительно, что у меня похолодело внутри.

– И где же!

– А вы помните, что сказал Тертуллиан о церкви и о Боге?

– Что-то типа «и Церковь его из ребер твоих, и Бог внутри нее...».

– Да, примерно так. Но важно, что и ад твой (он впервые обратился ко мне на «ты», и я не почувствовал в этом никакого уничтожения) находится там же!

– Так это, оказывается, просто совесть!

Что же, эти дефиниции были мне вполне понятны.

– Нет, – наставительно возразил Магуэль. – Совесть – это не ад. Совесть – это регистратор и... – Тут он на мгновение задумался, подбирая нужное определение. – Короче, совесть – датчик, предупреждающий об опасности.

Да, видно, не получилось у него найти более чёткую формулировку, поэтому я спросил:

– Как это?

– Вот вам простой пример. Вы стоите на переходе через улицу. На светофоре горит красный свет. Светофор – это совесть. Но вы можете наплевать на этот красный и перейти. Или вы видите, как сильный бьёт слабого. Совесть вам кричит: «Вмешайся, заступись», а вы отворачиваете, пардон, морду и проходите мимо. Было такое?

«Ох, – подумал я. – было!»

– Но, – продолжил Магуэль, – проходит некоторое время, и вы просто забываете об этом эпизоде. Совесть как бы «сбрасывает устаревшую информацию» и даёт вам спокойно спать. Однако эта информация не исчезает бесследно. Она переписывается в то ваше место, которое и называется адом. И остаётся там до тех пор, пока вы существуете! Собственно, это и расценивается у нас как грех.

Некоторое время я осмысливал сказанное Магуэлем и, не найдя каких-то категорических противоречий, всё-таки спросил его.

– По-вашему получается, что ад – это что-то типа «черного ящика», как на самолётах, например. Тогда у меня есть пара вопросов: а «белые ящики» в нас есть? И потом, разве содержимое наших земных, я имею

в виду – технических «черных ящиков», контролируется постоянно, а не в случае каких-то форс-мажорных обстоятельств?

– Сначала отвечу на второй вопрос. Ваши «черные ящики» мы контролируем постоянно. Ведь даже самый крутой «винчестер» имеет конечный объем. Ну, вы поняли... По первому вопросу – есть! Но их содержимым занимается другая служба. Я к ней не отношусь, извините.

Надо сказать, что такой подход, когда «раскаленные сковородки» и прочие прелести «традиционного» ада мне не угрожали, привёл мою душу в более умиротворенное состояние. И все-таки... Я ведь уверовал в то, что предо мною Демон. И следующий мой вопрос был очевиден и задан не без некой доли ёрничества:

– Так что, у меня уже столько грехов накопилось, что мой Ад, мой «черный ящик» их уже и вместить не может? А вы не ошиблись адресом, милейший? А? Нашли, тоже, грешника. Ну-ка, ну-ка, поведайте, какие такие злодеяния за мной числятся, что цельного Демона с этим разбираться послали? И вообще, вы кто? Судья, палач?

– В вашей терминологии, скорее «судебный исполнитель». Я должен ознакомить вас с делом и сообщить о наказании, которое на вас наложено. Ну и, естественно, привести приговор в исполнение.

«Палач, приговор, наказание...» – у меня внутри, как капля чернил на промокашке, снова начал разливаться страх. И из последних моих сил я сумел сквозь зубы процедить:

– Делай свое дело, палач!

– Слушайте, не надо мне цитировать «Трех мушкетеров». Ближе к делу! – и на столе перед Магуэлем появился небольшой пенал с тремя кнопками и... обычная восьмигиговая флэшка. Он тронул одну из кнопок на лицевой панели и над этим пеналом тут же зажегся довольно большой экран.

Ух, блин! – я не смог сдержать своего восторга. Голографический экран. Нехило они там у себя живут, однако.

Флешку Магуэль вставил в торец своего компа. А дальше всё было тривиально, как в Windows. Папка с моим именем, фамилией и отчеством, а в ней куча текстовых файлов.

– Как я понимаю, это и есть реестр моих грехов?

– Вы понимаете правильно. Я, согласно нашей инструкции, должен ознакомить вас со всеми эпизодами, но мне кажется, что поскольку вы человек понятливый, будет лучше начать с последнего эпизода. А остальные обвинения вы и сами осознаете. А не осознаете, тогда будем разбирать и остальные эпизоды... Последовательно. Устраивает? Ну, тогда... – и Магуэль нажал зеленый светодиод на своем (ох, зараза, каком же крутом) компе.

Я ожидал всего... кражу полной пазухи яблок через крышу близлежащей в ту давнюю пору овощной палатки... даже весьма откровенную сцену с подругой моего друга. Но ничего этого я не увидел – на мониторе была Марьям!

Это тонкое нежно-смугловатое лицо, эти чувствительные губы, изогнутые, как всегда, в слегка саркастической улыбке, эти глаза потрясающе глубокого фиолетового цвета, и водопад, Ниагара черных кучерявых волос, одновременно таких легких и таких тяжелых, что даже самый малый ветерок не давал им закрыть её лицо.

Я просто оцепенел, вглядываясь в экран, но мое оцепенение прервал голос Магуэля.

– Узнали?

– Да, – выдохнул я, – но откуда это у вас?

– Ну, наши возможности... Вы же понимаете?

Не отрывая взгляда от такого одновременно близкого и далекого мне лица, я все же спросил:

– А при чем тут то, о чём мы говорили?

Я действительно ничего не понимал. Марьям была моей студенткой лет десять тому назад. Очень хорошо помню их курс, в частности потому, что там училось на редкость много совершенно прелестных девчонок. И, честно, большинство из них мне симпатизировали. А это, в свою очередь, весьма меня вдохновляло, особенно во время лекций.

Э... а кого бы не вдохновили несколько пар очаровательных девичьих глаз, которые (может быть, притворно) впитывают каждое твоё слово. Тут уж, конечно, лекция начинает равномерно превращаться в арию.

Но! Но ко всему были еще и принципы. Те, кому я преподаю, – неприкасаемые. Бесполое. Я не схимник, но любые поползновения для меня возможны только после защиты диплома, какой бы красавицей ни был объект моих вожделений! В общем, сначала диплом, а всё остальное потом, и то, чтобы не ниже четверки на защите.

Кстати, в студенческие годы Марьям умудрялась создавать такой свой внешний образ, что хотелось иногда ее спросить: «Девочка, а ты по утрам в зеркало смотришься?».

Знаете, я ведь тоже был молодым (удивительно!). И «рассекал» по городу в джинсах, сваренных в моче и машинном масле – высший хип! Но ведь на занятия я так не ходил!

А Марьям почти пять лет умело прятала свои прелести под штанами «половецкого покроя», как выразился один мой знакомый, курткой на пару размеров больше и растоптанными кедами.

Но когда она пришла на защиту... Это было что-то. Одни ноги... да не буду я всё это описывать! Но, естественно, когда я учил Марьям, ни о каких иных отношениях, хотя бы в силу изложенных причин, у нас с ней не могло быть и речи. И где тут грех? О чём я тут же и спросил Магуэля.

– Ну это же только начало, преамбула, так сказать. А вспомните свою первую с ней встречу после... да, после примерно полугода, как она перестала быть «неприкасаемой».

– Не помню, – честно признался я.

– В троллейбусе...

Точно! Вспомнил. Ну ерунда же какая-то... Поднялся в троллейбус, сажусь на свободное место... и оказываюсь на одном сидении с Марьям. «Здравствуйте, Аркадий Борисович...» – «Здравствуй, Марьям...» – «Я и за вас, как увидела, что вы садитесь, заплатила... Как у вас?» – «Нормально. Как у тебя?»

...И тут троллейбус резко дернулся. И Марьям прижало ко мне, а я естественно, поддержал ее за плечико. Наверное, наши обоюдные попытки спасти нас от «ужасной» катастрофы продлились слегка дольше, чем положено, поэтому, впрочем, не особо так напрягаясь, Марьям высвободилась из моей подмышки и сказала: «А вы, Аркадий Борисович, оказывается, бабник!» Всего моего остроумия хватило лишь на ответ: «А кем мне быть, мужчинником?»

А потом она просто доехала до своей остановки и вышла.

Ну и где же здесь мой грех? Я, честно говоря, начал уже возмущаться.

– Не торопитесь, Аркадий Борисович. Многие грехи, а некоторые из наших тамошних умов, полагают, что и все грехи – это не сиюминутное деяние, а процесс. Я где-то разделяю их точку зрения и поему предлагаю вам рассматривать события в развитии.

– Это как?

– Ну, вспомните вашу следующую встречу... В парке.

А компьютер-то у него оказался похитрее, чем я ожидал. Магуэль нажал на третью кнопку, экран очень быстро стал увеличиваться и увеличивался до тех пор, пока я не оказался внутри него. Но – никакой экзотики. Я оказался в нашем летнем парке.

Да, после некоторых событий, моих личных и к делу не относящихся, я стал регулярно бегать по утрам. Причем, маршруты мои, аллеи и тропинки были выверены и определены. А вот по этой аллее я почему-то «гарцевал» редко. И не потому, что она была чем-то нехороша, а вот как-то не случилось. А тут завернул...

Иду себе, любуюсь старыми липами. Отжимаюсь от попадающихся навстречу лавочек, и вдруг... Сидит на следующей присмотренной мною лавочке этакая тростиночка в позе «лотос». Босые ступни на бедрах, и простенькие сандалики смущенно выглядывают из-под лавочки. Полузакрытые глаза, ни одного напряженного мускула, и ощущение того, что она купается в утреннем солнце. Это была Марьям!

Да, из редких случайных источников мне было известно, что она уехала из города в поисках своей судьбы. А тут... И лицо, и кисти рук, и ступни были освещены, нет, не освещены, а пропитывались светом

восходящего солнца. Я стоял, застыв, и не мог себе позволить даже кашлянуть (истовые курильщики поймут, как мне было тяжело!).

И тут это божественное создание распутывает свои длинные и красивые ноги, открывает фиолетовые глаза и говорит: «Здравствуйте, Аркадий Борисович. А я почему-то знала, что мы здесь сегодня встретимся».

– Марьям, а мне сказали, что ты куда-то уехала...

– Да, искала себя.

– Ну и...

– Уехала с подругой в Ростов. Думала, что вот наша с ней любовь – это правильно, как должно быть... Оказывается, не совсем так. Ещё потом много чего было...

Меня поразила ее откровенность.

– И что же? Похоже, ты себя не нашла?

– Почему же... Вот видите, я здесь, в парке... Я занимаюсь йогой, сливаюсь с природой. Разве это не гармония?

– Ну да, ну да... – тупо пробормотал я, не отрывая глаз от её босых ступней. Они были не просто прекрасны, они завораживали красотой своей завершенности. Узкие, с высоким подъемом и ровными длинными пальчиками. «Сливочные» – показалось мне лучшим эпитетом. И очень захотелось взять её лапки, и каждый из этих сливочных пальчиков облизать.

А она, видимо, ощутила это своим, неведомым нам, мужикам, женским чувством, усмехнулась, сбросила ножки с бедер и быстро обулась в свои сандалики.

Честно говоря, я всё ещё не вышел из транса от такой неожиданной встречи и от красоты её ножек. И вопрос мой поэтому был даже не тупым, он был дубовым.

– Так ты, оказывается, йогой занимаешься?

– Да.

Слава богу, на мою тупость она не отреагировала. Но я продолжил в той же теме. Нет, ну перед тобой очаровательная женщина, которой ты явно интересен. Вокруг никого народу и буйствует летняя флора. А ты ей, как дурак:

– А правда, что в йоге главное – правильное дыхание?

– Да, – но теперь в её ответе явно присутствовала капелька иронии. – Но надо не просто дышать, а дышать правильно.

– А как это?

– Ну, вы в повседневной жизни дышите грудной клеткой. Вот подышите.

И она положила свою узкую ладошку мне на грудь. Я старательно задышал, с удовольствием ощущая, как «могучие меха» моей грудной клетки поднимают и опускают её ладонь.

– Вот видите... А надо, чтобы дыхание шло от живота.

И тут она подняла свою футболку, обнажив плоский и смуглый животик с глубокой впадиной пупка, и приложила к нему мою ладонь. Не знаю, чем она там дышала, но отлепить свою ладонь от её шелковистой кожи казалось выше моих сил. Да и она не торопилась избавляться от моей руки.

Эта идиллия нарушилась с появлением на аллее некоего персонажа, который, увидев нас метров с пятидесяти, начал орать:

– О, Борисыч, привет! Что-то тебя давно видно не было! Ты куда пропал?

Хороший знакомый, но как не вовремя! А когда он разглядел Марьям, тут же жизнерадостно заверещал:

– Ух, ты! Это кто же у нас такая красавица? Ах ты, старый... Ну познакомь же.

Я понял, что надо сматываться. Марьям, кстати, это тоже поняла. Поэтому, когда я сказал: «Извини, старик, это моя племянница из села, и нам уже пора домой», – Марьям скорчила рожицу, мол, она бы ещё и рада познакомиться, но грозный дядюшка... и послушно поскакала передо мной.

Я понял, что в нашей встрече всё сломалось в тот момент, когда мы оказались на автобусной остановке и Марьям грустно сказала: «Мне пора...»

Мое стремительное возвращение после путешествия в виртуал или, может быть, в прошлое, завершилось на моей же кухне с остывающими чашками.

Я ещё не успел перевести дух от только что увиденного и пережитого, как Магуэль со словами «давайте, вот последний эпизод» снова запустил свой дьявольский (извините за тавтологию) компьютер. И проклятая машинка снова перенесла меня в парк, в лето и на ту же аллею. Единственная разница, которую я каким-то образом ощутил, – что попал сюда, наверное, на год позже. Я снова «гарцевал» по этой же аллее в сторону озера с расчётом покачаться на тренажерах и поплавать.

Но почему-то был уверен, что сегодня обязательно увижу Марьям. И действительно: легкие шаги за спиной и такой узнаваемый голос с низкими нотками: «Аркадий Борисович!». Да, это была она! В футболке, шортиках и кроссовках, она легкими шагами нагоняла меня, да я, впрочем, и не пытался убежать, а наоборот, остановился, повернулся к ней и как бы в шутку растопырил руки, чтобы её поймать. А она и не думала уворачиваться и так прямехонько в них и угодила.

– Ой, Аркадий Борисович, я знала, я была уверена, что встречу вас! – ещё не полностью отдышавшись, затараторила она. В голосе её звучала радость, и она совсем не торопилась освободиться из моих рук. – Вы на зарядку? Можно, я с вами?

Мы с Марьям всё-таки разомкнули объятия, но только для того, чтобы она повернулась ко мне боком и обняла меня за талию, уютно устроившись под моим правым плечом. Мою же руку она закинула на свои плечики.

– Конечно, – я почему-то старался не выражать слишком «щенячьего» восторга от этой встречи и этих объятий, хотя вы не представляете, как мне в этот момент хотелось завилать хвостом. Которого, увы, не было!

Так в обнимку мы и пошли с ней дальше. Говорили о чём? Не знаю... Обо всём на свете. Один мой знакомый назвал это «словесным поносом с любовной этимологией».

Спуск к озеру приближался, и я спросил:

– А купаться ты будешь?

– Очень хочется, но я без купальника, – немножко смущённо ответила она.

И тут мне в голову пришла великолепная идея, связанная с тем, что возле озера, чуть ниже его берега протекала речка, маленькая и неглубокая, но, как правило, очень чистенькая.

– Я знаю на речке одно место. Там никто не бывает. Вокруг заросли. И там можно купаться голышом – никто и не заметит. Но хватит ли у тебя мужества?

– На что? Искупаться голышом?

– Нет! Просто вода там даже сегодня очень холодная и быстрая. Но зато у меня есть большое махровое полотенце.

То, что эта идея ей понравилась, я понял по тому, что она ни в малой степени не сопротивлялась и даже слегка направила меня, когда мы свернули с аллеи к «заветному» спуску к речке.

Место действительно было укромным. Малюсенькая полянка, окруженная с трех сторон зарослями боярышника, шиповника и алычи, она вообще не просматривалась с дорожки, которая шла вдоль реки. С третьей стороны полянку замыкала сама речка с двумя запрудами, метрах в двадцати друг от друга и, примерно, метр песчаного пляжа. Посреди полянки располагался довольно большой валун, на котором можно было с комфортом сидеть вдвоем. Мы проникли на полянку через почти невидимый проход в зарослях.

Я разделся первым и крикнул: «Марьям, я пошел нырять, а ты пока готовься».

Принцип плавания в этом месте был такой. Ты заходишь в воду возле верхней запруды. Потом ложишься на спину и, оторвав зад от дна, отдаешь себя на «волю волн». Тебя шустро сносит метров на пятнадцать вниз по течению. Затормозив у нижней запруды и выбравшись на берег, можно повторять эти «сплавы», пока не замёрзнешь окончательно.

Сделав пару «сплавов», я подбежал к камню, достал из сумки полотенце, обтерся и сел на камень, лицом к лазу на поляну, блюдя обещание

не подглядывать. Горная речка шумит, конечно, сильно, но все равно я услышал, как Марьям плюхнулась в воду, и ее восторженный вопль, сочетавший в себе восприятие холода воды и удовольствия от этого. Через недолгое время эти звуки повторились снова, и я понял, что она пошла на второй «сплав», а потом... К моей спине прислонилось что-то мокрое и холодное, но удивительно приятное.

Я повернулся к ней, прихватив полотенце, и на мгновение увидел ее обнаженной. Что вам сказать... Если вы когда-нибудь воочию или в репродукции увидите неаполитанский торс Афродиты времен Праксителя, то вы поймете, что я увидел. Но девушка действительно замерзла, и я, быстро укутав ее полотенцем, растер и дал ей одеться, опять же, не подглядывая, как уговаривались. И мы уселись вдвоем на этот замечательный теплый камень и прижались друг к другу. Я купался в её роскошной гриве, а она время от времени прижималась губами к моей шее и подбородку... Позже я часто спрашивал себя, а почему мы тогда на этом камне не слились с нею до конца. Не знаю, но думаю, что тому виной какой-то мой комплекс, что ли.

Был у меня в студенческой ещё молодости такой эпизод. Послали нас в колхоз на картошку. И там была весьма очаровательная студентка с параллельного курса, которая мне явно благоволила. Впрочем, это же – летняя практика: полная свобода и раскрепощение нравов. А вот с местами для этого раскрепощения наблюдался конкретный дефицит. И всё же когда нам достался незанятый стог (представляете массовость раскрепощения?), в ответ на мои, так сказать, «происки» я услышал. «Нет, не здесь!». На мой естественный вопрос: «Почему?» – я получил изумительный ответ: «А тебе бы понравилось, когда в самый приятный момент тебя бы солома в попу начала колоть?». И я, чувствуя себя суперджентльменом, ответил: «О да, только на белых простынях!» Так, может, меня на речке и подвел этот комплекс «белых простыней»?

...Мы с Марьяшей шептались друг другу какие-то дивные теплые слова, и были так созвучны друг другу, что было ясно, что всё, ещё не произошедшее, будет, а пока это всего лишь отсрочка на несколько часов, пока мы не окажемся в «краю горячего душа и белых простыней». И тут...

Город у нас не очень велик, да ещё и вытянут вдоль реки. Поэтому наш Дом правительства отстоит от речки максимум на два километра. Но звон курантов на ДOME прекрасно слышен в том месте, где мы... И эти куранты начали отбивать очередное время.

Марьяшка встрепенулась. «Который час?» – нервно спросила она. Я начал считать удары. Выходило одиннадцать. «Аркадий, – господи, она впервые назвала меня просто по имени. – Мне надо бежать. У меня очень важные дела. Нет, не нервничай, они никак не связаны с нами. Я думаю, что часам к четырем я всё успею. А ты мне позвони, и я приеду к тебе».

– Телефон! – вскричал я, выйдя из ступора, в который ввергли меня эти долбаные куранты.

– А! Вот черт, я его не взяла. Но номер помню. Запиши.

И она продиктовала мне номер.

– Пойдем, где тут ближайшая остановка?

А на остановке маршрутки, перед тем как исчезнуть в её чреве, она поцеловала меня в губы. Очень нежно, так, что этот поцелуй даже не обещал, а гарантировал...

Золушка... В самый ответственный момент она исчезает, оставляя – с поправкой на время – не башмачок, а номер сотового...

Домой я не шёл, а летел. Вы понимаете, квартира холостяка – это что-то, как бы он ее не обихаживал. И тут я «запустил моторчик» на полную мощность. Я не вымыл квартиру, я её вылизал. Я облетел несколько магазинов и купил кучу вкусностей (слава богу, я не всё забыл, о чём мы так бессвязно и увлеченно болтали; помнил её вкусы и в еде, и в питье). Да, цветы – обязательно. Опять же, согласуясь с её вкусами. Погладить рубашку, тоже согласуясь... Приготовить горячее, чтобы можно было мгновенно подогреть и подать к столу. Музыка... Также подобрать к её вкусам (я полагал, что немного в них проник) и скинуть на флэшку.

И всё равно ещё в течение часа до условленного времени – метание некормленного тигра в клетке, с регулярным пятиминутным взглядом на часы: а не пора ли звонить?

Фу-у-ф! Сошлись стрелки. Набираю номер. И мне отвечает совсем другая девушка. Тоже моя студентка.

– Да, Аркадий Борисович...

– Марьяна?

– Да нет, Олеся, вы что, не узнали?

Идиотский вопрос: «А где Марьяна?» Разумный ответ: «А кто такая Марьяна?». Так, бывает. Промахнулся по клавишам. Набираю еще раз.

– Аркадий Борисович, это – Олеся? Вам что-то надо?

Еще более идиотский вопрос:

– Олеся, это что, твой телефон?

– Ну а чей же ещё?

Я подумал, что сбился в какой-то цифре. Я набирал номер за номером, меняя одну из цифр на близкую ей. Но или такой номер не существовал, либо отвечали совсем другие.

Я попытался перезвонить в пять часов и снова наткнулся на Олеся. Мы договорились: если мои звонки будут у неё высвечиваться, пусть она не пугается и просто их сбрасывает.

Я звонил каждые полчаса. Результат был всё тем же, безрезультатным.

В девять я не выдержал. В ближайшей ночной лавочке я купил бутылку паленой водки и, сидя за столом, соответствующим образом

накрытым и украшенным, я пил эту паленую водку и не мог понять, как же всё получилось именно так...

Магуэль, вернув меня в настоящее, видимо, сам не ожидал, что я предстану пред ним в столь растрепанных чувствах. Он провёл над столешницей рукой, предо мной возникла бутылка моего любимого коньяка Monte Chosko и бокал «тюльпе». Следующим почти незаметным движением руки он сделал так, что грамм сто пятьдесят переместилось из бутылки в бокал.

– Выпейте, Аркадий Борисович, и постарайтесь привести себя в адекватное состояние.

Я не выпил, я влил в себя этот бокал одним глотком и действительно почувствовал, что всё, что было, было вчера... А посему, нет, не расслабившись, а скорее расковав сознание от коньяка, я обнаглел... Или, наоборот – я обнаглел, но коньяк меня привел в некое состояние раскованности, которое и позволило мне обнаглеть.

– Так грех-то в чем? – глядя в глаза Магуэлю, спросил я. – Я же с ней не спал!

И тут я действительно понял, что передо мною Демон. Лицо Магуэля почернело и удлинилось, да и сам он стал как бы возражать, поднимаясь над моим кухонным столом. Волосы начали вставать дыбом, и часть из них явственно превращалась в рога. Рот искажился, из-под верхней губы начали прорезываться клыки. Глаза ещё более пожелтели, а зрачки стали вертикальными. Пальцы на руках удлинились, а ухоженные ногти превратились в черные кривые когти.

Он возвысился надо мной и, оперев длинный когтистый палец мне в грудь, пророкотал: «Ты предал себя!»

Честно, я даже не удивился, что он снова обращается на «ты», настолько был испуган его метаморфозой.

– Как? – то ли прохрипел, то ли прокаркал я.

– Не прикидывайся дураком. Ты что, не понял, как вы оба нужны были друг другу? Причем она была тебе даже нужнее, чем ты, старый пень, ей. А ты...

– Но я же...

– Что ты же? Позвонил пару раз, а потом напился. А потом вообще решил – ах, судьба... Чего там!

– А что я мог сделать?

– Найти! Все свои силёнки приложить, но найти! Что, интернета не было? Она же училась в твоём университете, так что же ты в ваш архив не обратился. В конце концов – в полицию... Да что там! Как собака, бегал бы и вынюхивал, у всех спрашивал, не видели ли её? По кирпичику надо было разнести ваш «мегаполис», если бы действительно захотел бы её найти! Да мало ли что бы еще... нашёл бы, захотел – нашёл!

А ты что сделал? Бухал и сопли пускал, что жизнь опять тебя послала на!.. И утешал себя, дурак, что, может быть, сама найдется.

У меня не осталось сил, чтобы возразить ему какими-то связными словами. И я единственное, что мог выдавить из себя, – вопрос:

– А с Марьям-то что?

– Пошел ты... Не твоего ума дело! – жёстко ответил Демон и во мгновение ока превратился в того же респектабельного молодого человека, которого я по дури своей впустил в дом. Это восстановило, в какой-то мере, равновесие моей души, но ещё более восстановила его очередная доза коньяка.

– Ну, допустим, – умиротворяющим тоном сказал я. – Это мой грех. Но все же... Стоило ли устраивать из-за одного этого такую, наверное, дорогостоящую командировку по мою душу?

– Не ерничайте! Таких грехов у вас... Только с одними женщинами...

Магуэль прошелся пальцами по кнопкам на своем компьютере, и передо мной на экране возник список... Я взгляделся... Имена, фамилии, портреты... Людмила, Полина, Оленька, Сашенька, Татьяна... Ярослава...

И тут я начал понимать, что да, отношения с каждой из них, хоть и заканчивались благопристойно, но, заканчивая эти отношения, я всё равно где-то себя предавал. Хотя...

– Так что, я должен был жениться на них на всех? Знаете, Магуэль, у нас это как-то не поощряется.

– Нет, конечно! Ну вот, например, с Марьям...

– Не надо это трогать!

– Нет уж, терпите! И так, Марьям... Если бы вы не предали её и, в конце концов, нашли и привели в свой дом, она стала бы вашей женщиной. А через некоторое время, может быть, ушла бы от вас. Может, через месяц, а может, через год, кто знает? Но за этот месяц или этот год вы столько дали бы этой девочке...

– Чего?

– Счастья! На месяц, на год... а может быть, и на всю вашу оставшуюся жизнь! А для другой, назвать имя? Ей бы было счастье – одна ночь с вами. А вы... А третьей нужен был от вас ребенок. Сделай вы его, тогда бы она не умерла двадцать лет назад от инсульта в сорок пять лет. А?

Но вы же не сделали то, чего они от вас ждали? Значит – предали. И кого? Не их – себя! Поскольку если человек, на которого надеются, на всю жизнь ли, или на одну ночь, просто убегает, кого он предаёт? Себя в первую очередь. Не дав другому, он в первую очередь отнимает у себя...

Да, похоже, я в чём-то протупил. А ведь прав Демон. Скольким мог бы дать, назовем это условно счастьем, хоть какой-то мерой, а не дал. А кого обделил? Их? Да, их. Но и себя.

Да с той же Марьям... Сколько бы мы с ней ни пробыли – не важно. Но сколько бы, ощущая её рядом с собой, я мог сделать. Сколько бы,

да неважно сколько, но хоть одну гениальную книгу, ну пусть не гениальную, но талантливую, да даже не талантливую, а нужную книгу написал, потому что когда её глаза открываются по утрам только для тебя, не гениально, минимум неталантливо, написать просто невозможно!

А хотя бы раз поехать с ней к знакомым дайверам и заставить её нырнуть и увидеть сияние в её глазах, впервые узревших красоту подводного мира. О! Неужели вы не поняли, откуда берутся песни, стихи, картины и мелодии? Но я же всё профукал! И что, мне от этого сегодня лучше?

– Так что, все мои эти самопредательства связаны с женщинами? – попытался я, тем не менее, уточнить.

– Увы, нет! – ответил Демон. – Вы предавали себя о-о-о-чень часто! Например, когда последний раз вы публично говорили о том, что система образования развалена, а все те меры, которые предлагаются, чтобы её хоть как-то поддержать «на плаву», просто идиотские? Ну всем же это видно, а вы... вы выступили хоть раз, один раз публично против всего этого? А разве это не грех предательства? Предательства самого себя. За то и кара!

Всё. Я согласился. Остался один вопрос. Но и тут Демон Магуэль его предвосхитил.

– Вас интересует расплата, наказание? Так оно уже вступило в силу.

– Это как?

– Прежде всего, вы узнали о своих грехах. И теперь уж точно до конца своих дней о них не забудете, и не пытайтесь. А тот список, который я вам показал, всегда будет стоять перед вашими глазами. Остальные акты самопредательства найдете на флэшке, если будет интересно. А вам будет, – гнусно ухмыльнулся он. – И теперь мысль о них будет сопровождать вас до самой смерти. А мы уж постараемся, чтобы вы прожили подольше. Да, и ещё – бонус.

Он отнял руку от столешницы, там оказалась фотография в рамке. На фотографии были трое. Мужчина, женщина и младенец на руках у мужчины. Голенький такой пацанчик махал ручками и ножками, явно радуясь жизни. Фотография была сделана на фоне нашей речки, и на наших телах играли блики яркого летнего солнца, бегущей воды, смешиваясь с тенями раскачиваемой легким ветерком листвы боярышника, шиповника и алычи. На фотографии была Марьям, я и, судя по всему, наш сын.

Я несколько раз пытался избавиться от этой фотографии. Я выкидывал её, вырывал из рамки и сжигал, спускал в унитаз... Но все равно каждое утро обнаруживал её у себя на компьютерном столе.

2016

Гульфия БАЗИЕВА

Культуролог, кандидат философских наук. Работает в Институте гуманитарных исследований КБНЦ РАН. Публиковалась в журналах «Нева», «Литературная Кабардино-Балкария».

БАБУШКА

Рассказ

Утро начиналось одинаково: с поиска тапочек, хотя они всегда лежали на одном и том же месте – в правом углу, у тумбочки. Синие с яркими помпонами, вернее, серые с тусклыми пуговицами, поэтому, наверное, их трудно было найти. Светлана Николаевна тяжело вздыхала, надевала очки, которые тоже имели привычку прятаться, и брела на кухню, посмотреть распустилась ли фиалочка, которая не цвела уже много лет.

– Света мало, что ли, или цвета? Настроение у меня никудашнее, вот и чувствует мой цветочек аленький... Стану беспомощной старухой, кто будет поливать мой цветочек? И, улыбаясь, сама себе отвечала: «Пушкин».

Хотя при чем тут великий классик, кто и когда придумал вместо «никто» называть фамилию «солнца русской поэзии»?

Женщина наливала чай, смотрела в окно, хворала или скучала, кто знает. Да и как не заскучать: целый день одна-одинешенька. Был кот, да и тот сплыл, Мартыном звали, отрастил такое брюхо на вкусной и здоровой пище, что гулять мог только на поводке, и смотрел на всех барином, свысока... Как убежал, зачем убежал, было непонятно, но соседки видели его в подвале, только он и от них пустился наутек. Ловить мышей, наверное...

– Пущу квартиранток, двух девушек, жизнерадостных и бойких. Это и материально и душевно как-то веселее, – решила наконец одинокая женщина и засуетилась. Достала откуда-то нарядное платье, духи, помаду, посмотрелась в зеркало: «Да я и не старуха вовсе, молодая еще, хоть и пенсионерка», – и отправилась в ближайший институт, вешать объявление.

Ростов – город студенческий, долго ждать не пришлось. Прибежали две девчонки станичные, Надя и Света, тараторили без умолку, наконец,

сговорились, что платить будут немного, но помогать по хозяйству. Женщина обрадовалась: сразу две доченьки, дарящие и свет, и надежду.

На следующее утро и тапочки сразу нашлись, даже без очков, хвори как не бывало, нужно ведь тесто замесить, чтобы девчонок пирожками попотчевать. Представляла, как скажет: «Надюша, Светочка, умывайтесь и – к столу. Я вам пирожков с вареньем напекла. А девчонки засмеются радостно, обнимут ее, а может, даже в щечку поцелуют... Не помнила она, чтобы кто-нибудь ее обнимал. Муж не любил разводить сантименты, да и когда он был? Во времена царя Гороха? Неласковый был, и ушел не ласково. Весь день лежал на диване, вечно недовольный и злой. В лихие девяностые работы не было, зарплаты тоже, ели одну гречневую крупу, которая осталась еще с советских времен, она работала в библиотеке, а еще подрабатывала уборщицей, то подъезд где вымоет, то на дому у «новых русских» приберется... А муж ничего делать не хотел. Ума было слишком мало или слишком много? Не успела разобраться, ушел, как и кот Мартын, в неизвестном направлении. Удачу ловить. Словил, наверное...

А девчонки все спали и спали. Проснулись, наконец, доброе утро не сказали, убежали в свой институт, а пирожки даже не попробовали. Платили за комнату исправно, но больше ничего, ни внимания, ни уважения. А про помощь по хозяйству, так вообще и разговору как будто не было. Забыли, наверное. Молоденькие девчонки, что с них взять. Вечером в комнате запрутся и сидят молча, как будто и нет их вовсе. Когда им общежитие дали, Светлана Николаевна вздохнула с облегчением. Уж лучше одной, чем так...

Проводить Исмаила в Ростов-на-Дону собрались гости званые и незваные. Так раньше в армию провожали. Приехали родственники и из Нальчика, и из соседних сел. Событие важное, Аскер единственного сына отправляет на учебу в большой город, не Москва, но все-таки... Всякое может случиться. Не любят там наших. Или боятся. Или не знают. Напутственные слова сказать должен был каждый, дядя с маминой стороны, тетя с папиной стороны, двоюродные и троюродные дяди, тети, братья и т. д. Только младшие сестренки, Амина и Зухра, сидели тихо, кажется, даже плакали тайком. Кто с ними будет играть, когда Исмаил уедет? А кто им будет рассказывать всякие интересные истории, защищать их от мальчишек, чинить кукол? Они сидели тихие и печальные, ничего не могли сказать, только с обожанием смотрели на старшего брата, который уезжал в Ростов учиться.

Как не побоялся Аскер отпустить единственного сына в Ростов, никто не знал. В Нальчике можно учиться, сейчас ведь не те времена,

чтобы сына далеко отпускать... Кто знает, как он там будет жить, чем заниматься, не впутается ли в какую-нибудь историю, или его впутают... Вон у Махмуда сын поехал на учебу и пропал без вести, где только он не искал его, в какие только органы не обращался, кому только не платил...

Аскер успокаивал: «Мой Исмаил – круглый отличник, а сын Махмуда не очень-то уважал учебу. Наверное, женился на русской, и домой боится показаться».

– Дай Аллах, чтобы так и было, лишь бы жив был да здоров, – сказал троюродный брат Махмуда и тяжело вздохнул.

– Ты надейся, брат. И мы будем вместе с тобой надеяться. А я верю, что мой сын приедет с дипломом и будет работать, где захочет, даже за границей. Высшее образование в Ростове – почти как в Москве, только Ростов ближе. Мы с матерью всегда сможем к нему приехать, да и он в свой родной поселок дорогу не забудет.

Исмаил сидел гордый и счастливый, ему было всего семнадцать лет, и он нигде, кроме Нальчика не был. В поселке работы нет, тем более что золотая медаль, которой отец с матерью очень гордились, позволяла ему выбрать любой вуз. Мальчик давно увлекался медициной, хотел помогать людям. Хотя, как и всякий выпускник, мечтал о свободной жизни без надзора и родительской опеки. Представлял, как будет гулять по вечернему Ростову с однокурсниками, ходить на дискотеку, знакомиться с девушками... Обязательно пойдет в цирк, в котором никогда не был. Выездной в Нальчике не считается, он пойдет в настоящий цирк со слонами, тиграми, львами... Сестричкам купит кукол нарядных и клоунов, белого и рыжего... Белого – старшей Амине, потому что она серьезная девочка, а рыжего непоседливой малышке Зухре... Чтобы пока его нет, вспоминали его весело, не грустили, а смеялись...

В Ростов Исмаил поехал не один, а с отцом. Вечером сели на поезд Нальчик – Москва, а рано утром уже были в Ростове. Исмаил первый раз увидел широкую реку, по которой плавают пароходы, баржи... Красиво, особенно вечером... Перламутровая гладь реки и огни, огни... Медицинский университет сразу Исмаилу понравился. Административный корпус внушал уважение не размерами, а духом старины, величием и простотой.

Девушка из приемной комиссии поздравила Исмаила с поступлением в старейший медицинский вуз. Потом спросила:

– Вы в общежитии нуждаетесь?

– Нет, не нуждаемся, – сказал отец, как отрезал.

Исмаил промолчал, хотя где ему жить, понятия не имел. Может, отец нашел какую-нибудь дальнюю родню. Когда вышли из здания

мединститута, отец сказал: «Я тебя пристрою к какой-нибудь старушке. Чтобы ты за ней приглядывал, а она за тобой, согласен, сынок?»

Мальчик кивнул, разве он мог возразить отцу? Но на душе скребли кошки, как он будет жить в незнакомом городе с незнакомой бабушкой, которая к тому же будет за ним приглядывать, то есть стучать на историческую родину, когда пришел, когда ушел... Опять несвобода.

Бабушку нашли довольно скоро. Голубоглазая девушка из приемной предложила Аскеру номер телефона, добавив: «Очень аккуратная интеллигентная старушка уже двадцать лет сдает комнату нашим студентам, здесь недалеко, пешком можно дойти».

Аскер сразу же, как вышли из стен института, позвонил. Трубку подняла пожилая женщина, выслушав его, спросила:

– А вы русские?

Аскер выдержал паузу.

Женщина тоже молчала, а потом предложила:

– Приходите, поговорим...

Дом был недалеко, как от администрации поселка до поликлиники. Добротный, старый, величественный, похожий на особняк. Просторная трехкомнатная квартира, высокие потолки, широкие окна, и тишина, действующая успокаивающе, как будто и не было этой вокзальной суеты, шумного трамвая, ростовского гомона, пыли. Все тихо, как в родном поселке.

По дороге Аскер учил сына: «Если она спросит: “А вы русские?” – скажи: “Мы – россияне”. Понял сынок? А еще лучше прочти что-нибудь из русской классики: Пушкина, Лермонтова... Интеллигентные женщины любят поэзию... Более того, они ей живут».

– А что прочитать? Я помню чудное мгновенье?

– Нет, сынок, это не подходит. Она же не молоденькая девушка.

– Выхожу один я на дорогу?

– Нет, сынок, это еще хуже, подумает, что мы бандиты какие-нибудь с большой дороги. А, вот я вспомнил: «Как сладкую песню Отчизны моей люблю я Кавказ». Что-нибудь про дружбу народов и любовь к Кавказу. Понял?

Исмаил кивал в ответ, хотя понимал, что это вряд ли поможет, если бабушка не любит кавказцев... Но женщина ничего не спросила, представилась:

– Будем знакомы, Светлана Николаевна, а вас как звать-величать?

– Аскер Тахирович, – тихо назвал свое имя отец, а это мой сынок, Исмаил Аскерович.

Светлана Николаевна застыла в неудобной позе, но быстро взяла себя в руки, предложила чаю с дороги, показала комнату, позже договорились в цене.

– А почему вы нам не отказали? Вы учительница русского языка, наверное? – спросил Аскер.

– Нет, я библиотечный работник, в прошлом. Не отказала, потому что вы – порядочные люди, а я за долгие годы одиночества научилась отличать добро от зла. Хотя это очень непросто.

– А у нас в поселке тоже библиотека есть, только там все книги старые, – сказал Исмаил.

– А разве ты не знаешь, что старые книги самые лучшие? Я тебе покажу свою библиотеку. Ты читал «Трех товарищей» Ремарка? Нет? Как я тебе завидую... А я уже все самые главные книги прочла, а в новых ничего не нахожу. Да и зрение уже не то...

Вскоре отец уехал. Исмаил в ожидании первых занятий в институте по вечерам читал, а днем гулял со Светланой Николаевной по парку или просто по городу... Ведь кроме нее он никого в городе не знал. С ней было нескучно, она рассказывала про Москву, в которой училась, про театры «Современник», «Таганку», «МХАТ», как гуляла по Арбату, слушала Высоцкого, Окуджаву...

– Мы до перестройки, Исмаил, ничего не боялись. Я даже в Узбекистане была – в Самарканде такая красота, а дыни какие сладкие! И наш Ростов тоже очень интересен. Вон, видишь, памятник? Догадайся, кому? Водопроводу. Да, да, не смейся. Его поставили в 2007 или 2008 году, извини, запамятовала. Напротив Музыкального театра было разыграно целое представление. Первый водопровод в нашем городе появился в 1865 году, в позапрошлом веке! Представляешь?

Однажды Исмаил решился и спросил:

– А где в вашем городе цирк, Светлана Николаевна?

– Ты не был в цирке? А я, представь себе, тоже люблю цирк. Сегодня купим газету, узнаем, когда у них представление, и обязательно сходим. Я уже забыла, когда выбиралась на какое-нибудь представление, тем более, вдвоем... Нашему ростовскому цирку много лет, хотя каменное здание было построено, когда я была маленькой девочкой, в 1957 году. И строил его, знаешь, кто? Первый директор цирка Гавриил Алиев, администратор цирка Чинизелли, первого каменного цирка в Санкт-Петербурге, но в конце 30-х он приехал в Ростов, да так у нас и остался! Ростовский цирк, между прочим, долгое время был самым большим в Европе! Сейчас он, конечно, нуждается в реставрации, но какие у нас акробаты, иллюзионисты, дрессировщики! Еще до войны моя мама ходила на выступление ансамбля донских казаков под управлением знаменитого наездника Михаила Туганова! Мы и не знали, что он осетин и зовут его по-настоящему Сослан... Это было зрелище, не передать! Великая Отечественная война застала ансамбль в Москве, и они, представляешь, всем коллективом ушли на фронт, сражаться с

фашистами! В общем, о нашем цирке можно много говорить. Но лучше один раз увидеть!

Фасад цирка украшала роскошная колесница под управлением стройной женщины в развевающейся накидке.

– Что загляделся на скульптуру? Хорошо придумано, не спорю: конная квадрига с наездницей и фанфаристами на тимпане. Красивая женщина, не правда ли? Не удивительно, наши старожилки до сих оспаривают право называться моделью для этой композиции.

Поймав недоуменный взгляд Исмаила, женщина рассмеялась:

– Не пугайся, я не из их числа. Я молодая еще старушка.

В цирке было удивительно. Исмаил впервые услышал, как Светлана Николаевна смеется, весело и задорно, по-детски...

Вышли из цирка, купили мороженое, мальчик осмелел и спросил:

– Светлана Николаевна, а вы моему отцу звоните?

– Зачем, Исмаил Аскерович?

– Ну, рассказываете, чем я занимаюсь, и так далее...

– А зачем это мне нужно?

– Не знаю, отец меня предупреждал, что телефон оставит, и чтобы вы ему звонили.

– Забыл, наверное, твой папа. Не звоню я никому и не докладываю. Живи спокойно. Ты ведь мне как внучек родной. И меня можешь звать бабушкой, если захочешь, конечно.

Вскоре начались занятия. Светлана Николаевна волновалась, если Исмаил задерживался, однажды даже позвонила в деканат, ей объяснили, что он на дополнительных занятиях по анатомии.

– Ты уж извини меня, внучек, я ведь переживаю за тебя, а может, с тобой беда приключилась. Ты просто меня предупреждай заранее, если задерживаешься, ладно?

Однокурсники посмеивались над Исмаилом, он всегда торопился домой, к своей бабушке, потому что волновался за нее. А вдруг у нее давление или тахикардия?

Светлана Николаевна обычно сидела у окна и вязала, иногда читала стихи.

– А ты любишь стихи, Исмаил?

– Люблю Пушкина, Лермонтова...

– А своих родных поэтов?

– Кулиева тоже люблю.

– Прочитай что-нибудь.

– Да я не помню...

– Совсем не помнишь? Ты учи стихи, они помогают жить. Не веришь? Стихи – это молитва, от них хорошо и светло на душе делается... Я вот специально для тебя нашла стихи Кайсына Кулиева: «Приходит

грусть почти всегда нечаянно...». Вот, возьми сборник, почитай... А я телевизор посмотрю и послушаю, что на белом свете делается.

По просветительскому каналу шел разговор о любви, профессор философии уверенно говорила: «Многие молодые люди гордятся тем, что никогда и никого не любили. Между тем, неспособность любить – великое несчастье. Убогость проявляется не в том, что человек болен, несчастен, некрасив или беден. Убогость, когда в душе нет Бога. А Бог есть любовь».

Профессор взяла в руки томик стихов, прочла: «Как жаль, что тем, чем стало твое существование для меня, не стало мое существование для тебя» – писал Иосиф Бродский. Видите ли, я уверена, что отсутствие взаимности – несчастье, но не для того, кто любит, а для того, кому нечем ответить на искренние и глубокие чувства. Когда тот человек, которого любят, не находит в себе сил для ответного чувства, он расписывается в собственной эмоциональной, интеллектуальной и физической недееспособности.

– А как бороться за свою любовь? – спросил высокий аспирант.

– За нее бороться не стоит. Она либо есть, либо ее нет, – устало вздохнула женщина и поправила прическу.

Светлана Николаевна переключила канал, на котором определяли, является ли некий гражданин отцом молодой девицы, с этой целью проводили тест ДНК. В ожидании результата страсти накалялись. За давностью лет мужчина не помнил, был ли он когда-нибудь в каких-нибудь отношениях с предполагаемой матерью его предполагаемой дочери. Гости студии злорадно обвиняли его в забывчивости. Смотреть на это зрелище было невозможно.

На канале «Спас» молодой священник отвечал на вопросы, потом задумался и произнес: «Такой сброд, как человечество, даром никому не нужен, только Богу. Он за нас молится».

Когда передача закончилась, женщина нажала на кнопку детского канала: юные сказочники представляли свои произведения. Маленькая нарядная девочка, победительница конкурса, читала сказку «Звездочка».

«Когда на город опустились сумерки, на небе появилась первая звездочка. Она открыла свои ясные и чистые глаза и увидела, что совсем одинока. Ей захотелось плакать. Она была совсем юной и не знала, что звезды не умеют плакать. Звездочка увидела тучку и попросила: “Тучка, пожалуйста, поплачь за меня”. – “Я плачу, когда сама захочу”, – ответила злая тучка и поплыла дальше по небу.

Мудрой старой Луне стало жаль звездочку, и она сказала: “Спускайся на землю. Там живут люди. Они любят плакать. Помогут и тебе”.

– А что мне сделать, чтобы попасть на Землю?

– Упасть вниз, – грустно произнесла Луна и скрылась за облаком. И звездочка упала. Пока она падала, сто тысяч человек на Земле загадали желания, которые потом сбылись. Но ни один человек не догадался заплакать, кроме крохотной маленькой девочки, потому что ей стало жаль звездочку».

Девочка еле сдерживала слезы, когда читала сказку, ну, а в конце уже плакала навзрыд, поэтому ведущая поспешно, с профессиональной деловитостью вывела ее из студии.

Светлана Николаевна с интересом прослушала сказку и подумала: «А я бы, трогательная малышка, закончила сказку по-другому. Но ни один человек не догадался заплакать, кроме старенькой беспомощной бабушки, у которой уже не было никаких желаний».

На летние каникулы Исмаил приехал в родной поселок повзрослевшим серьезным пареньком. Да и сестрички выросли, доставали почти до плеч. Радости в доме было! Сестренкам двух кукол и клоунов привез, не забыл, белого и рыжего, чтобы не скучали без него.

– А можно, мы к тебе в гости приедем?

– Конечно, если Светлана Николаевна разрешит.

Друзья приставали, расскажи про Ростов, он и рассказывал, как с бабушкой в цирк ходил, как они вместе пельмени лепили...

– А мы думали, ты там по ночным кафе и барам разгуливаешь, ведешь жизнь одинокого холостяка, завидовали даже, а ты, оказывается, скучно живешь, с какой-то бабкой... – сказал Хасан и презрительно сплюнул на землю.

– Да не бабка она вовсе, интеллигентная, только одинокая очень... Я ей нужен.

– Ей деньги твои нужны, а не ты, – опять съязвил Хасан, – ты ведь не бесплатно у нее живешь.

– А кому деньги не нужны, тебе, что ли, Хасан? Ты только о них с утра до вечера и думаешь. А о чем еще думать, если в голове пусто? – попыталась заступиться за любимого брата Зухра. Все притихли, не ожидали от маленькой девочки таких мыслей.

Шли годы, Исмаил окончил институт, поступил сначала в ординатуру, потом в аспирантуру. Однажды Светлана Николаевна приболела. Исмаил нашел лучших докторов, но лечение не помогало. Приехал и отец с сестренками, чтобы помочь бабушке. Вымыли окна, занавеси все перестирали. На полу ни пылинки. Светлана Николаевна, хоть и была слаба, часто улыбалась.

– Так весело у меня дома никогда не было... Какие сестренки у тебя хорошие, Исмаил... Какие прелестные девочки выросли! Дай бог им счастья и тебе тоже...

Отец с сестрами вскоре уехал, маме тоже нужна была помощь.

Светлана Николаевна стала вставать с постели, хоть и слабая была, суетилась, какие-то сундучки открывала, бумаги доставала...

– Я вот что давно хочу сказать, Исмаил, мой дорогой внучек... Есть у меня родственники дальние, племянники двоюродные. Я помру, они обязательно нагрянут, и даже если не нагрянут, ты им позвони, пригласи на поминки-то. Вот эту иконку я им завещаю, и золотишко, так называемые фамильные драгоценности. А на квартиру я дарственную оформила на твое имя.

Исмаил от неожиданности вспыхнул, представил, как в родном поселке скажут, да тот же Хасан скажет: «А, вот ты почему так долго терпел бабку, из-за квартиры старался, а прикидывался добрым самаритянином». Про самаритян, может, и не скажет, но что-нибудь несправедливое, обидное не преминет ввернуть. И не только он.

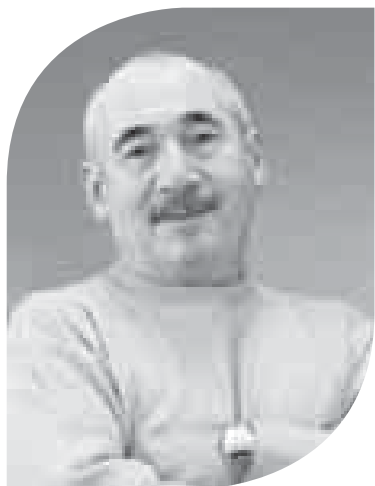
А Светлана Николаевна, как будто прочитав его мысли, сказала:

– Я знаю, ты – паренек совестливый. Не думай о том, что люди скажут. Порядочные люди все поймут правильно. А что подумают непорядочные, никакого интереса не представляет.

У меня ведь до тебя и Надюша со Светочкой долго жили, и Петр с женой, и еще какие-то мальчики и девочки, всех не вспомню. Страшно ведь одной жить. Хотя, говорят, одиночества нет, но от этой мысли не веселее... Ты ведь не моим квартирантом был, а добрым помощником, собеседником... Не зря я тебя внучком называла. Хороший ты человек, правильно тебя родители воспитали. А помогать нужно хорошим, плохие сами прорвутся.

У меня в доме, как ты появился, света стало больше, и моя фиалочка распустилась, и цветет уже столько лет! Живи хорошо, мой единственный внучек, лечи людей, хорошо лечи! Вспоминай иногда обо мне, только не жалея, я ведь счастливую жизнь прожила, счастливую!

Владимир МОКАЕВ

Владимир Аллахбердиевич Мокаев – художник, поэт, музыкант, философ, член Союза писателей России, лауреат III Артиады России, заслуженный работник культуры КБР. Автор пяти стихотворных книг: «Спасение», «Сон во сне», «Чёрное окно», «Кругами Кроноса», «Два истока», автобиографического романа «Боборика», книги прозы «Сонные воды». Главный хранитель Музея изобразительных искусств КБР.

КОНФУЗ

Рассказ

Петр Аркадьевич Позументов – мужчина невысокого роста, с невыразительным, но весьма доброжелательным лицом, какие ныне можно наблюдать разве что в тихих провинциальных местечках и по которому так трудно определить истинный возраст его обладателя, сидел на узенькой кожаной банкетке обувного магазина, легонько топал ножкой, обутой в блестящую туфлю, пытаюсь определиться – в пору ли, и не давит ли где? Редкостно скромный по натуре, а потому часто неуверенный в себе, он искал чьего-либо участия в подтверждении правильности выбора, косился на сидящего против себя мужчину, тоже занятого примеркой обуви.

«Как-никак, – думал Петр Аркадьевич, – башмаки тебе – не картошка, обувь – дело серьезное. Тут никак нельзя ошибиться. Да и цена!.. Ведь только подумать...» – Шмыгнув носом и еще раз вопросительно посмотрев на гражданина, похоже городского, примерно его же возраста, он как бы про себя и невзначай негромко проронил:

– И не знаю... Ладно ли? Вроде весьма приличные с виду, и цвет...

Мужчина на секунду оторвался от лицезрения собственного изделия обувных дел мастеров, надетого на правую ногу, которой он выделял всякие движения, то вытягивая, то поворачивая в разные стороны, посмотрел на соседа и весьма доброжелательно отозвался:

– Главное, чтобы тебе нигде не давило в обуви. Ну, и фасону, модели значит, не самой вызывающей. Нечто среднее... – Еще раз мельком взглянув на топающего ножкой в мягкий пластиковый коврик Петра Аркадьевича, вопросительно пожав плечами, он прибавил: – А что... Весьма даже прилично на ноге... И по цене, кажется, не совсем обременительно.

Заведующий секцией – высокорослый и худощавый юноша, по виду – почти мальчик, энергично жестикулируя и вытянув по-гусиному шею, вполголоса что-то рассказывал такой же, как и он сам, юной особе про какие-то вчерашние таски и про бампер с галогенками, который теперь срочно нуждается в замене и который наверняка стоит кучу бабок, не считая еще и установки. Та, округлив глаза, слушала, теребила в руках маленькую бисерную сумочку, всем видом показывая участливую нервозность. Не выпуская из поля зрения своих клиентов, кивая по-птичьи головой, он пытался, видимо, говорить не совсем громко, но у него почему-то это получалось на самую малость, так как уже вскоре всем окружающим было слышно: «...А этот гад подрезал... А там сплошная осевая – обгон запрещен, и некуда деться...» Наконец, решившись, Петр Аркадьевич кашлянул, кивком головы поманил к себе продавца и самым вежливым образом еще раз справился о цене:

– Так, значит, тысяча двести пятьдесят. Да?..

– У нас не торгуются, – почему-то обиделся парень.

– Мне вам платить?

– Нет, в кассу, – ответил молодой человек, доставая с полочки нужную коробку и сверяясь с какими-то надписями, выбитыми на подошве туфли.

Заплатив в кассу требуемую сумму и аккуратно пересчитав сдачу, Петр Аркадьевич вернулся в отдел, такой весь зеркальный, блистающий хромированными стойками полка с бесчисленным множеством установленных на них непарных башмаков, от чего глаза разбегались, подал квадратик беленькой бумажки. Мельком взглянув, продавец протянул еще твердую гляцевую коробку с круглыми дырочками по бокам, произнес нечто вроде – удачной покупки, – и поспешил к тому – городскому, который, кажется, тоже что-то выбрал. Выйдя на улицу, Петр Аркадьевич зажмурился от яркого полуденного июньского солнца, почему-то улыбнулся и зашагал сначала было в направлении автобусной остановки, но приостановился и, как бы раздумывая, нерешительно свернул в ближайший проулок. «Времени еще предостаточно, – подумал он, – совсем неплохо бы выпить холодненького кружечку, а то и все две. Как там получится по ходу настроения».

В небольшом летнем кафе, выходящем прямо из жилой пятиэтажки полосатым тентом, нависающим над тротуаром корабельным парусом, было совершенно безлюдно. Одинокая бездомная собака, свернувшись калачиком, безмятежно спала в тени, никак не реагируя на снующие у самого носа ноги прохожих и иногда только подрагивая шкурой от нахальной назойливости мух.

Неожиданно проявившаяся откуда-то сбоку женщина в голубенькой пилотке и белом кружавчатом переднике вопросительно посмотрела на него, фальшиво улыбнулась и стала протирать тряпочкой и без того

чистый пластиковый под мрамор столик. Положив попку прямо перед собой, Петр Аркадьевич заказал не одну, а почему-то сразу две кружки пива, и чтобы холодненького, но не очень, потом – подумав, вдруг посчитает еще, что алкаш, – спросил пару чебуреков и в предвкушении, в самом хорошем расположении духа стал с умным видом изучать надписи на коробке.

– Разрешите?.. – услышал он за спиной мужской голос. Обернувшись, с удивлением увидел того самого гражданина городской наружности, который еще несколько минут тому назад, как и он, выбирал себе обувь, сидя прямо напротив. – Одному, знаете ли, как-то не совсем ловко, – извиняющимся тоном произнес гражданин, – не привык без компании... А вы, как я вижу, уже и обмываете, – заметил самым веселым и непринужденным образом, так, как будто они познакомились не только что, а уж по крайней мере вполне достаточное время.

– Да вот, – несколько сконфузившись и даже покраснев, что всегда случается с людьми робкими, проговорил Петр Аркадьевич, – жара ныне невозможная. Присаживайтесь, мне и самому в единственном числе не совсем ловко.

– Александр Арнольдович, – представился мужчина, протягивая руку. – Просто – Саша.

– Будем знакомы, – ответил Петр Аркадьевич, привстав и слегка согнувшись, вытягивая навстречу руку, – Петр Аркадьевич Позументов. Присаживайтесь, пожалуйста.

Поставив с подносика на стол две запотевшие кружки пива и горячие чебуреки на пластиковой тарелочке, улыбчивая женщина несколько удивилась, когда товарищ первого, как ей подумалось, попросил все повторить. Петр Аркадьевич учтиво подвинул одну из кружек своему новому знакомому, кивнул на чебуреки и так же доброжелательно проговорил:

– Прошу вас, не смущайтесь.

Выпив по полкружки одним духом, оба одновременно полезли в карман, достали сигареты и с наслаждением закурили. Что самое интересное и, даже можно сказать, удивительное, так это то, что и марка сигарет, и зажигалки оказались абсолютно одинаковыми, а количество сигарет в нескольких пачечках примерно одно и то же.

– И вы предпочитаете советские, – заметил Александр Арнольдович, переложив явно мешающую ему обувную коробку на стоящий рядом стульчик, и продолжил: – Я – нашинские, особенно «Нашу Марку», ни на какие ихние иностранные не поменяю. Бог знает, какую они там гадость для нас выращивают в своих аризонах. Может, у них там задача такая, извести нас под корень. Как проверишь?

– Я полностью с вами согласен, – отвечает Петр Аркадьевич, косясь на свою коробку, незаметно перекладывая ее со стульчика к себе на

колени. – Мой близкий знакомый, скажу я вам, и даже родственник – жены двоюродного брата деверь, всю жизнь употреблял в курении нашу «Приму». Тридцать с хвостиком лет употреблял, шутка ли... Ан нет же... Возьми, да соблазнись ихними. Коробочкой красочной соблазнил да духом одеколоновым, который они туда напихивают для дамского форсу. Знай, мол, наших. Так вот... Помер ведь. И до пятидесяти не дотянул.

– Как помер?... – взволновано переспросил Александр Арнольдович, косясь на свою дымящую сигарету, зажатую между двумя пожелтевшими пальцами.

– А вот так и помер... Врачи подтвердили, что причина только в этом, а ни в чем не другом, и что это самый что ни на есть медицинский факт. Несовместимость произошла от ихнего табака – аллергия такая. Вот легкое по причине этого и отказалось совершенно дышать, воздухом заполняться. Тридцать лет курить одно, а потом взять да начать другое, произведенное черт знает где. Это все одно, что заместо нашего борща начать употребление каких-нибудь китайских виноградных улиток или фаршированных рисом дождевых червей, не говоря уж о ежах и ласточкиных гнездах.

– Ну, ты, старина, сравнил, – нервно хихикает Александр Арнольдович, сминая сигарету в стеклянной пепельнице, – за столом, да такие гадости. Аж и пить, и есть, и даже курить совершенно расхотелось. Оно, конечно, верно, что всякий биологический организм имеет свое привыкание к какому продукту или среде обитания, – глубокомысленно продолжил он. – Вон, к примеру, сколько народу скovyрнулось по причине горбачевской антиалкогольной кампании. Пил, пил человек, а потом взял да бросил, явив собою реальный и явный пример трезвого образа жизни для несознательной части населения, во благо семейного бюджета. А получилось все еще хуже. Организму тоже нужно определенное время для осознания реальности этой. А ты его спросил – организм-то свой? Печенки эти там, селезенки, сердце... Трах-бах... Вот и скovyрнулся по причине спешки. Особый подход нужен к этому. Культура... Без культуры к пониманию чего-либо на земле, как без воды то есть, и ни туды, и ни сюды. Вот, к примеру. Сидим, значит, мы сейчас в чистом и уютном месте, воздухом прохладным кондиционированным дышим, беседуем самым благородным образом уединенно. И нет тебе очередей, ни всяких выражений нецензурных и матерных со стороны озлобленной маловоспитанной массы и хулиганствующих элементов. И пива... Какого душе угодно – сколько хочешь, и закуска какая – всегда в наличии и ассортименте. Дороговато, правда... А раньше... Вон там, – показывает пальцем куда-то в стену, – стояла стекляшка, будка какая-то с прилепленным липким и грязным откидным прилавком. Так вот. С раннего утра страждущих всех возрастов – не протолкнуться. Кружки рыбой

воняют, кто их там мыл, края посуды поотколоты так, что того и гляди рот располосуешь. И заметьте... Ни единого ропоту со стороны граждан, да и гражданок, по столь вопиющему факту нарушений правил советской торговли. Как-то один правдолюбец – сам свидетель, – вякнул... Так буфетчик – морда протокольная, возьми да в назидание другим и прекрати всякий розлив вожделенного жидкого продукта по причине внезапного окончания оного. Ну и что? А я вам скажу, что малосознательные страждущие этого самого забодяженного водопроводной водою пива так этого сознательного зарвавшегося гражданина взашей поперли, что едва, кажется, ноги унес. Вот тебе и культура... А как же иначе... Почитай, все сто процентов этой хворой публики в такую рань, да еще по холодрыге слякотной, бодун погнал.

Тут уж не до сервиса. Буксы горят. Женщина в голубой пилоточке повторила уже в третий и, кажется, в четвертый раз, и нет-нет да срывалось уж с уст слегка захмелевших товарищей, что можно и совсем не во вред чего бы и покрепче, но самую малость. Но почему-то в последний момент все это откладывалось, хоть и не без внутренних душевных борений, и заказывалась очередная и окончательно последняя кружка пива под многозначительное постукивание ноготком по циферблату ручных часов. А дело все в том, что, действительно, и у Петра Аркадьевича, и у Александра Арнольдовича времени было в самый обрез. Людьми они были солидными и серьезными и, конечно же, понимали, зная каждый за собой слабинку, что этими самыми ста граммами «покрепче» вряд ли так просто все закончится. В обувной магазин обоих их погнали неожиданно сложившиеся обстоятельства. Но не те, которые случаются, когда в самый неподходящий момент слетает каблук или отклеивается подошва. Нет. И еще раз – нет. И у скромнейшего Петра Аркадьевича, и у умнейшего Александра Арнольдовича, разменявшего пятый десяток холостяка, с обувью, замечу, с повседневной обувью, было все в порядке. А дело все в том, что одному новые туфли нужны были, и позарез, по случаю предстоящего свадебного торжества единственной дочери, назначенного на субботу, которое, будь оно неладно, непременно уж наступит через день, а другому – в связи с самыми серьезными намерениями обрести, наконец, долгожданное семейное счастье, прыгнуть, как говорится, в последний уносящийся в туманную дымку неизвестности вагон, так как Ирина Владимировна – последнее его увлечение, – женщина редкостных положительных качеств, наконец-то пригласила его на семейный ужин, и, конечно уж, не случайно и не просто так.

– Дусик! – волновалась жена Петра Аркадьевича, толкая ему под самый нос его же слегка поношенный, но весьма приличный башмак. И в этих гом... давах ты хочешь появиться на людях в самый торже-

ственный момент для нашей единственной крохотулечки?.. Ты о нас подумал?.. Что люди подумают, что скажут потом, когда ты явишься в загс в таком виде? В синем костюме двадцатилетней давности и в этих ужасных стоптанных рыжих сандалетах. Ты еще кеды красные напяль и спортивные штаны с лампасами...

– Да, папочка, – вторит вслед матери полногрудая крохотулечка, которая чуть не на голову выше отца, – ты хочешь, чтобы мы все там от стыда посгорали и провалились?

– Какие же это сандалии? – недоуменно вопрошает Дусик. – Где вы видали, чтобы сандалеты были такой формы? Совсем новые и даже очень приличные туфли с модными пряжками, какие сейчас, можно сказать, в самом ходу. И каблуки совсем почти не скошенные, а вы – сандалии! А то, что костюм парадный давно куплен... Так что с ним сделалось-то? Не на гвозде, чай, а в шифоньерке висит, как есть. Я его всего несколько раз надевал в жизни. Ну, обмочили тогда винищем у Тимохиных... Так отмыли же! Ни капельки пятнышек не осталось, совсем как новенький и только что купленный в магазине!

– Ты мне мозги не запудривай – жадобина. Мало того что я всю жизнь, как последняя фекла в обносках проходила, сраму приняла, так он еще и на себя, сквалыжина, жалеет. Завтра же возьми деньги, поезжай в город и купи себе приличную обувь. Таковую, чтобы по фасону и виду не хуже, чем у нового свекра, когда к нам договариваться и мириться приходили.

– Да разве же я помню, – страдает Петр Аркадьевич, – в каких башмаках приходил твой свекор? Там их у порога тогда целая шеренга скопилась по случаю хлябной погоды. Как есть все в сенях обувку и покидали, чтобы половики твоих праздничных не изгадить.

– А кто виноват, – наливается пунцами жена, – что у тебя не как у всех нормальных людей?.. Двор чем замостить не может. Тридцать лет уж, как по грязюке топаем. Господи! – изнервированная праздничными хлопотами, она переходит на плаксивый тон, – через два дня свадьба, а ему, вахлаку, и дела нет. Ты что, специально задался всех нас опозорить? Нервируешь всячески и издеваешься. Душегуб! Или тебя всю жизнь, как лялечку, надо водить? Поезжай завтра же и купи себе приличные туфли, под цвет костюмных штанов чтобы подходили. Продавщицу спросишь, – язык не отсохнет, – как надо. Она подскажет. И не гонись за дешевизной. Чай свадьбы не каждый год случаются.

Александр же Арнольдович, наоборот, пришел в магазин по собственному желанию и не без внутреннего волнения, искренне полагая, что для Ирины Владимировны, сорокалетней женщины – дамы просвещенной и не без художественного вкуса, далеко не безразличен факт того, в каком

виде он предстанет впервые перед ее самыми близкими, собранными по этому случаю. Ведь, как известно всем, первое впечатление, хоть и порой обманчиво, но все же немаловажно. Ирина Владимировна, с которой он случайно познакомился на дне рождения товарища, хоть и дважды уже побывала замужем, о чем – не скрывая, чтобы не было между ними никаких неясностей, – дала ему знать, подавала большие надежды к обретению того сладкого и пугающего чувства, которое принято называть семейным счастьем и к которому «любви все возрасты покорны» имеет самое непосредственное отношение. Однажды он уже попал впросак, опростоволосился в самый наиответственный момент, когда в назначенное время явился к театру, где его поджидала дама, в широкополой, почти ковбойской, фетровой шляпе с блестящей пряжкой на тулье, джинсах и желтых туфлях на высоких каблуках с загнутыми носами. Так хотелось произвести яркое впечатление неординарностью своей личности.

Ведь всем давно известно, что женщинам нравятся мужчины необычные, не такие, как все, а со всякими там выкрутасами и сумасшедшинкой, с какой стороны посмотреть. Вон, Сальвадор Дали обмазал голову козьими испражнениями, чтобы своей неординарной выходкой, граничащей с явной шизой, понравиться замужней Гальке... И понравился ведь! Его из благородства на семейный обед пригласили, и не к кому-нибудь, а к известному и модному писателю, а он возьми да умыкни жену, эту самую Гальку. Но это у них там, с их буржуазными приходами. А тут что получилось... Марица – так звали эту скромнейшую прелесть, которая работала в библиотеке, – окаменело просидев первую часть спектакля, куда он ее по глупости своей непросвещенной пригласил из чистого фарсу, в антракте от буфета наотрез отказалась, смущенно краснея, озираясь по сторонам, прошептала, что ей на минутку, на что он понимающе улыбнулся, ушла и больше не вернулась. Памятуя о неудаче и о том, что по одежке встречают, а по уму провожают, Александр Арнольдович – инженер-сантехник при ЖЭКе, решил не допускать более таких оплошностей, явиться на семейный ужин самым солидным образом, соответственно возрасту и занимаемой им ответственной должности инженера, но без уточняющего и определяющего – сантехник. И вот теперь, с элегантной обновкой в глянцевой коробке, он сидел в кафе, пил пиво с этим скромнейшим и бесхитростным человеком, непринужденно беседовал на всякие темы, хотя и подумать только, что буквально еще два-три часа они друг с другом были совершенно незнакомы.

– Так вот, – продолжил образованный Александр Арнольдович, закуривая новую сигарету, – культура личности, а значит, в перспективе, в целом и общества, формируется не только научением и всяким там

опытом былых времен и столетий, но и той сформировавшейся социальной средой, в коей нам дано обитать в силу нашей национальной истории, как рыбам в одном аквариуме, из которого никаким образом никуда не скрывается. – Не без внутреннего удовлетворения отметив гладкость своей речи, и то, как умно сложились слова, выказывая в нем человека и просвещенного, и образованного, и даже интеллектуала, он слегка, самую малость задумался, пустил струйку дыма и, как бы что-то вспомнив, тонко улыбнувшись и многозначительно хмыкнув, наконец, закончил: – Сами понимаете, какая там социальная среда раньше была...

Из всего так умно сказанного Петр Аркадьевич не понял ровно ничего, но, будучи человеком вежливым, выразил все же некое неопределенное согласие, промывчав:

– М-да-а-а...

– Ясно дело, что куда рыбе из пруда деться, разве что на сковородку... Вся как есть на виду, все равно что в аквариуме, который в зоомагазине. Вот, к примеру, вам, – продолжил Александр Арнольдович, сбивая ноготком мизинца пепел мимо пепельницы, сдувая его в сторону, – посмотрите вокруг... Сколько красивых и нужных магазинов, питейных заведений на любой вкус. А внутри! Все блестит, сияет, чистота и комфорт, пахнет самым благородным образом, не то, что раньше, когда было впору и нос затыкать чем. И никто тебе уж больше не плюет и не сморкается на пол, не свинчивает все, что можно свинтить, не отколупывает кафель поштучно, чтобы – накопив – однажды приклеить в собственном сортире. А почему, я спрашиваю... Да хозяин появился, собственник! За эти хулиганства ныне можно и по мусалам схлопотать, и тут же, как говорится, не отходя от кассы, и без привлечения милиции, которая не работает, потому что всех бережет. Вот мы с вами... Пошли сегодня, не спеша и без нервов, в прекрасный обувной магазин и самым культурным образом выбрали себе каждый то, что захотел, на что глаз положили, что душу ласкает и греет. Культура! И так нынче во всем. Вы посмотрите на коробочку. Обратите внимание. Одна упаковка – произведение искусства дизайнеров и картонных дел мастеров. Не то, что раньше. Вспомните, запихают в бесформенное, однотипное и по цвету, вместилище башмаки, вне зависимости от размеров, перевяжут волосатым шпагатом крест-накрест и всучат. И это еще культурно. А то и просто свяжут шнурками две туфли, чтобы не разбежались ненароком куда в разные стороны, и тащи их в таком замечательном виде через весь город, под дружные замечания и возгласы: «Где брали и почему?..» И ведь радовались же! А почему, спрошу я вас, радовались-то? Да другого ведь не знали, не ведали, жили, как в аквариуме, от всего мира отгородившись. А сейчас... Мало того, что упаковка... Как будто там не туфли, а хрустальный набор какой. Мало этого – каждый башмак в индивидуальном шелковом

мешочке покоится, как барин какой изнеженный. Мелочь, а приятно. Из этих мелочей и создаются все приятности жизни. Вот, посмотрите.

Александр Арнольдович для наглядности достает из-под стола цветной фирменный пакет, вытаскивает из него прямоугольную коробку, тускло отсвечивающую благородным гляncем, со сквозными дырочками по краям, отделанными блестящим металлом, и – ловко приподняв тугую крышку – показывает ее содержимое своему товарищу.

– Вот видите? Какие красивые мешочки с тесемками и пропечатанными золотыми буквами на иностранном. А там, в каждом из них, всего лишь туфля, в которой я завтра, может, и по земле унавоженной пойду, и по асфальту наждачному...

– А у меня, – вдруг говорит Петр Аркадьевич, – никаких таких самых мешочков, по-моему, и не было. Не давал мне никто таких самых мешочков. – Он озабоченно достает свою коробку, отодвигает в сторону недопитую кружку, чтобы не мешала, и принимается осторожно отколупывать ноготком клейкую торговую марку по срезу крышки.

– Ну, как же нету, – улыбается Александр Арнольдович, – зря беспокоились. Точно такие же, как и у меня, и даже цвета подобного. Только букочки по-другому выписаны. – Берет мешочек, развязывает и начинает рассматривать. – Фирма! Хотя мои туфли и фасона другого, и цвета, – вот посмотрите, – мешочки почти одинаковые. Вы свои почему брали? – спрашивает он. – Ну, мои, правда, подороже, но ваши, честное слово, мне даже больше нравятся, очень элегантные и красивые, – Александр Арнольдович говорит лишь для того, чтобы как-то сделать товарищу приятное, а уж никак не обидеть.

Полюбовавшись туфлями и положив их обратно в шелковые мешочки с тесемочками на горлышках, укладывают каждый в свою коробочку, не сговариваясь, одновременно смотрят на часы и одновременно же произносят: «Однако...» Улыбнувшись самым неприятнейшим образом, как это делают старинные друзья, пожав на прощание друг другу руку, выходят одновременно на улицу, где окончательно расстаются и расходятся каждый в свою сторону.

История умалчивает, обрел ли семейное счастье Александр Арнольдович – мужчина городского вида, пятидесяти лет с хвостиком возраста. Не ошибся ли снова, и в самый ответственный момент не передумал ли, явившись на семейные смотрины в дом суженой своей Ирины Владимировны в несколько легкомысленном, неподобающем случае обличии, в силу, так сказать, своей врожденной индивидуальности. Кто знает... Ведь давно уж вам известно, что ничто так часто не повторяется, как одни и те же ошибки под общим названием «грабли».

А вот насчет мимолетного товарища его – Петра Аркадьевича По-зументова, скромнейшего человека, жителя пригорода, история про-сматривается несколько далее, и тому лично я сам свидетель.

Так вот... распрощавшись, Петр Аркадьевич еще раз посмотрел на часы и поспешил к автобусной остановке. Последний рейс в направле-нии «Птицесовхоза» в шестнадцать часов тридцать минут. «Успею...» И, действительно, буквально уже через пять минут он лихо мчался по городским улицам на маршрутном такси по направлению к пригород-ной автостанции, радовался, что все так удачно складывается и что не угораздило к продолжению устроенного праздника выпить чего и по-крепче, а уж тогда точно бы опоздал или чего хуже могло бы случиться. Выйдя у станции, он тут же увидел свой беленький автобусик, стоящий в привычном ряду, за лобовым стеклом которого сбоку был прилажен самодельный трафарет с криво от руки написанным «Белокаменка – Птицефабрика – Белябино».

В самом хорошем расположении духа он ехал к себе домой, слегка, почти не слышно что-то напевая себе, подбарабанивая двумя пальчика-ми по крышке обувной коробки. «Вот же, – думалось ему, – есть же на земле такие культурные и умные люди, умеющие так складно говорить и быть в то же время такими простыми и не капельки не заносчивыми, как этот Александр Арнольдович». И что он сам тоже не какой-нибудь там пень неотесанный, а тоже имеет свои суждения и тонкие понятия, хоть и не шибко образованный. За окном промелькнуло гречишное поле с островочком золотистых подсолнухов, вдали показалась водонапорная башня, выкрашенная в красно-ржавый цвет, слегка накрененная набок, подобно той, которая находится в итальянском городе Пизе, но почему-то никого не удивляющая.

Дальше водитель свернул круто направо с основной дороги в сторону небольшого поселка под названием «Птицефабрика», чтобы, сделав крюк, снова вернуться на ту же централку, но чуть ниже. Выйдя из автобуса, глубоко вздохнув и придав лицу самое серьезное и даже озабоченное выражение, прямо направился к дому.

– Ну да-а-а, – встретила его на пороге жена, – мы уже, кажется, и обмыли... А я все гадаю, где его столько времени носит...

– Уж и пивка кружечку нельзя, – робко оправдывается Дусик, косясь на тучную, пышущую здоровьем супружницу, явно раздосадованную, готовую вот-вот метать громы и молнии.

– Какое пиво?.. Ты посмотри на себя – олух царя небесного! Я здесь как рыба об лед, как белка в колесе верчусь одна-одинешенька, чтобы все как у людей было, а он... – Косится на красивую коробку, которую Петр Аркадьевич держит перед собой на вытянутых руках, как бы приготовившись к защите. – А он, видите ли, в городе про-хлаждается, пивом услаждает утробу свою ненасытную. Так и по-

верила, что только пиво... Вон как по роже-то пятна пошли красные. За час можно было бы управиться, с половиной, в худшем случае. Конечно же, пусть жена-дура одна изнуряет себя, убивается от работы непосильной! Тиран! Душегуб этакий! Я еще посмотрю, что ты там купил. Знаю уж... Никакой самостоятельности. Тебе разве можно что серьезное доверить, – говорит она уже более миролюбивым тоном, – давай, показывай.

– Ну что ты, Катенька, – по-козлиному, с дрожью в голосе блеет Дусик... – Прямо с наскоку, не разобравшись, да самыми поносными словами, оскорбительными выражениями. Сама погнала в город, без всякой на то моей доброй воли, а теперь лаешься. Не ты ль говорила, что свадьбы не каждый год случаются? Так вот, я и разумею, что не абы же какие, первые попавшиеся туфли брать для такого серьезного случая! Ходил, выбирал, приценивался, чтобы как лучше все получилось. По такой жаре походи-ка, да по асфальту, когда он от температуры этакой, что резина мягкая. Ну, выпил пару кружечек маленьких с устатку, да чтобы от солнечного удара не скovyрнуться ненароком. А то, что пятнышки... Так это всегда, ты знаешь, от жары и нервов случается у меня. Зато увидишь сейчас, какие я тебе для меня фильдеперсовы туфли добыл. Не туфли, а загляденье. Культура! – Аккуратно отлепляет марочку, приподнимает твердую крышку и показывает. – Вот! Видишь, Катюша, до чего там на ихнем западе люди с жиру бесятся... Для каждой обуви свой индивидуальный мешочек придумали с тесемочками, чтобы, значит, ни одной какой пылинки не проникло бы, и чтобы каждый, значит, знал свое место по природе своей. Коли сотворили тебя правым или левым, так и держись этого, а не дури. Культура, тебе скажу. – Достает один мешочек, развязывает тесемочку и вытаскивает из него изящную туфлю темно-сталистого цвета, блистающую и пахнущую лаком. – А посмотри, – восторженно ликует он, – рант-то какой! Загляденье, а не рант. Ювелирная работа, скажу я тебе. Разве у нас такие могут справиться? Сразу и видно, что не нашенские, заграничные. А коробка! Такую не выкинешь, как ненужную какую картонку, всегда в хозяйстве где пригодится. Скажем, для складывания документов, под лекарства или под рукодельную мелочь.

– На ноге-то как? Не жмут, не давят где? – озабоченно вопрошает Екатерина, явно довольная мужним приобретеньем, надевая туфлю на свою полную ладошку.

– Тютелька в тютельку, прямо как на заказ выточены! И не давят ни капельки, и не хлябают, – отвечает сияющий Дусик. – Хотя, конечно, если бы не твоя воля, в жисть на тысячу двести с полтиной не раскошелится бы. Это еще что... Там и по три и более предлагают. Один мужчина при мне дорогушие себе выбрал, хотя и не скажу тебе, чтобы моих красившее были.

– Оба впору-то? – справляется супруга.

– А как же! Говорю тебе, Катенька, как по мерке, в самую что есть тютельку. Сейчас сама убедишься. – Достает из коробки второй мешочек и, не спеша, почти торжественно начинает развязывать витую тесемочку на туго стянутой горловинке, которая нечаянно завязалась узелком.

– Дай-ка мне. Я сама, – говорит Екатерина, – без очков туда же – распутывать. Быстро справляется с узлом и, расширив ладонью складочки мешочка, достает правую туфлю. – Что это?.. Петя! А почему они такие, разного цвета? Это что же ты такое купил? Такая мода в них, что ли, задумана? Они ведь фасону разного... – Складывает туфли одна к другой.

– Как другого цвета, фасону? – округляет глаза побледневший Петр Аркадьевич, – одного вида были, совсем только что...

– У тебя что, зенки повылазили, что ли?! – Жена смотрит на сложенные туфли. – Господи! Да они к тому же еще и обе левые, и одна длиннее другой. Ты где это купил такое, идиот несчастный? Как можно за такие деньжища два левых башмака купить разноцветных, пень ты неотесанный! Ты что, специально так решил надо мной поиздеваться? Придуряешься?..

Оглушенный и подавленный Дусик, в голове которого сотворилось черт-те что или черт знает что, слабо, но все же начинает понимать, как такое могло случиться, и соображать, есть ли какой способ как-то поправить это...

– Вот и ходи теперь, как клоун какой на ярмарке! – визжит совершенно вышедшая из себя от нервов супруга. – Господи! Это какое же наказание на мою невинную голову! Чтобы завтра же, прямо с утра, в этот же магазин!.. Это они там специально понаперепутывали, поиздевались над тобой, видя, что ты взаправдашний урод ненормальный. С нормальным мужиком никто так поступить не смеет. Так и скажи им: «Нет, мол, у меня никакой корысти в этом. Товар новый, ни единой царапинки, ни разу не надеванный. Или поменяйте, как положено, чтобы одного цвета и формы, или деньги возвращайте, как есть, а то могу и кой-куда подать прошение за причиненный душевный ущерб. Так и скажи. Они этого ныне шибко боятся.

Еще туго соображая, в силу разбежавшихся в разные стороны мыслей, Петр Аркадьевич все же начинает понимать, что случилось нечто непоправимое. Тупо уставившись на такие, враз ставшие ненавистными, туфли, горящие от возмущения, а может и от стыда, разноцветными бликами, с отчаяньем вопрошал он в душе самого себя: «И чего было не справиться, хотя бы приблизительно, где живет или работает... Аферист... Вот досада-то... Ведь не найти никак в целом городе... А все он... И вздумалось же туфли за пивом рассматривать? Аферист... Вот и перепутались наизнанку. Нет, чтобы выпить сто-сто пятьдесят чего покрепче – беленькой. Точно, такого конфуза не случилось бы. Эх, при-

дется по секрету у кума занимать денюжек, он поймет. Никак нельзя Катеринке так нервироваться...»

Алешка Ноткин, по прозвищу Бемоль, – молодой сотрудник специализированного фирменного магазина «Маленький Мук», в котором почему-то предлагалась обувь только для взрослого населения города, ходил взад-вперед по своему отделу – мужская обувь, что-то поправляя и пересчитывая и пребывая в самом дурном расположении духа. Потерянный, мрачный и злой, он совершенно никак не мог понять: как такое вообще могло случиться, да еще с ним – человеком очень внимательным, пунктуальным и аккуратным. Утром, не успев переступить порога магазина и приступить к своим прямым обязанностям, прямо у входных дверей родного заведения он столкнулся с весьма агрессивным и, кажется, даже психическим гражданином – плохо выбритым высоким мужчиной лет пятидесяти, который явно его уже поджидал, который, не давая опомниться, прямо с наскоку стал возмущенно и на повышенных тонах не говорить, а прямо орать, требовать какой-то справедливости и даже грозиться прокурором:

– За такую халатность, молодой человек, в былые времена развитого социализма тебя бы не только взашей выгнали, а и куда подальше!.. Что ты мне вчера сунул?! Это же форменное издевательство над личностью. Вы, – продолжал он, перейдя на множественное число, – по причине своего разгильдяйства, сорвали мне важное, можно сказать – ответственное деловое свидание. За причиненный ущерб я вправе потребовать и компенсацию. Вместо того чтобы профессионально заниматься делом, – а я вчера еще заметил! – амуры разводите со своей кралей, да еще на рабочем месте!

– Что вам от меня надо? – побледнел ошарашенный, ничего не понимающий Бемоль, пытаясь незаметно, вместе с озирающимися на них посетителями юркнуть в спасительную дверь магазина.

– Он еще и спрашивает, что мне надо! – завизжал гражданин, вытаскивая из пакета обувную коробку. – Это я, что ли, в нее вчера засунул две разные туфли на одну ногу. Это вы вчера черт-те что положили мне в эту картонку – два разных кота в мешке!

– Да не кричите вы прямо на улице! Люди смотрят же... – испуганно заозирался Алешка, смутно припоминая, что этого гражданина он, действительно, где-то уже видел. – Проходите, пожалуйста, и не надо вот так волноваться, когда все спокойно можно разъяснить...

«Черт-те что... – ломал он голову, после того как к взаимному удовлетворению дело было улажено, хотя какое там взаимное удовлетворение, когда на нем повисли две пары обуви, не имеющие своих пар. – Куда они делись? И как я мог так непростительно ошибиться?»

И если так получилось, то непременно должна быть и другая коробка с такими непарными изделиями. Но вот ее-то и нет нигде! Это просто невозможно, с ума можно съехать. А все эта дурацкая авария. Неужто от нервов с головой что-то делается? – подумал он с тоскою. – И чек нашего отдела, и даже фирменный пакет магазина. Все правильно. Ну не мог я два совершенно разных изделия положить в одну коробку, не мог! Мистика... Хотя факт налицо...»

Попросив Наташку – продавщицу из смежного отдела – присмотреть, зашел в подсобку, чтобы выпить чашечку кофе, как-то успокоиться.

«Извините, пожалуйста, – послышался ему чей-то мужской неуверенный голос, прямо из отдела, обращенный, скорее всего, к Наташке, – а где тут у вас такой красивый высокий хлопец, который продавцом работает, он тут был, когда я вчера приходил?» – «Подождите минуточку, он сейчас будет, наверное, за товаром вышел...» – услышал он и голос Наташки.

Наспех проглотив содержимое чашечки, Бемоль скорым шагом вышел из своей подсобки и направился к небольшому ростиком дядечке с добродушным, но растерянным лицом, в котором сразу же узнал вчерашнего посетителя, и о котором еще подумал: точно из села. Увидев шагающего к нему продавца, дядечка виновато и даже умоляюще заморгал рыжими ресничками, смущенно шмыгнул носом, закивал головою.

– Вы уж простите, пожалуйста, я в долгу не останусь, отблагодарю непременно, конфуз вышел по недоразумению с вашими туфлями, а завтра свадьба у дочери, сами понимаете – свадьбы не каждый год, будь им неладное, случаются. А туфли мне очень нравятся. Я, если что, и приплатить могу, но половину. Туфли совсем новые, без царапинок, ни разу не надетые, сами посмотрите. – Протянул коробку. И каково же было его изумление, когда молодой человек не только не рассердился, а наоборот, даже искренне, кажется, обрадовался, как будто этого только и ждал. Предложил присесть на банкеточку и на самую чуточку – пообещав, что мигом все уладит, уверяя, что так может случиться с каждым по жизни такой нервной, а кто не работает, так тот и не ошибается, – шустро занырнул себе в подсобочку и тут же вынырнул, неся в левой руке мешочек с золотыми буквами, в правой – серебристо-стального цвета туфлю.

2008 г.

Елена ПАРИЧ

Елена Владимировна Парич родилась в селе Агой Туапсинского района Краснодарского края, где живет и по сей день. Поэзией увлекается с детских лет. По окончании школы поступила в Харьковский химико-механический техникум. Получила диплом «Техник-технолог по неметаллическим покрытиям», отработала два года по распределению на заводе «Точрадиомаш» в г. Майкопе в должности помощника мастера, а потом – техником по нормированию. После

чего вернулась в родное село, вышла замуж, родила троих сыновей, занималась их воспитанием...

Печаталась в альманахе «Отражение» (Гатчина) и в альманахе «Кубань в зеркале поэзии», а также было несколько публикаций в местной прессе.

Поезда-бродяги

*Поезда, бродяги, будят...
(Р. Ф. Казакова «Поезда»)*

Поезда-бродяги, вы куда?
Мчитесь вновь от станции до станции.
Только не сходили бы с дистанции!
Ждут вас одиночки-города,
будто бы надежду и мечту.
Ждут вас и любя и благоденствуя,
ждут вас, чертыхаясь и бездействуя.
Вот опять сквозь жизни маету
вам бежать по рельсам отчуждённости,
не боясь столикой осуждённости,
к станциям известным и глухим,
да ещё неведомо каким.

Поездам-бродягам нет пристанища –
путь держать сквозь памяти пожарища,
через поле с мёртвыми колосьями
до крови избитыми колёсами.

Ночь

*Возвысила ночь свою чёрную голову...
(В. Я. Брюсов «Ночное одиночество»)*

Возвысила ночь свою мудрую голову,
созвездьями смотрит и в окна и в души.
Всего в этой жизни у нас будет поровну –
нас всех и беда и любовь обнаружит.
Вот сумрачным оком глядит настороженно,
ещё не решаясь – уйти? или остаться?
Пусть много надежд на тебя, ночь, возложено –
в объятьях твоих так легко отсыпаться.
Как будто священнику, души нескладные
хотят лишь тебе в чём угодно признаться,
открыть все обиды, ошибки досадные...

Опять над Вселенною станет смеркаться
и снова глядим в небосвод, подневольные:
лишь ты нам сейчас – и указ и советчик.
Возвысила ночь свою мудрую голову –
молчаньем сердца одинокие лечит.

Смотрит лампа одноглазая
как резвится детвора:
«И за что же я наказана
быть одной?.. Домой пора!
Только этих несмышлёнышей
не заманишь отдыхать.
Поскорей бы день сегодняшней
стал послушно затухать.
Освещу привычно спальню,
где расстелена кровать,
будет снова тополь старенький
за оконцем куковать.
Только мне детишки малые
станут сказочки читать
и пускай за день умаялись –

им на это начихать:
достают игрушки мягкие,
колыбельную поют,
нежно гладят их по маковке,
кукол детками зовут.
Но они ещё не ведают –
как непросто взрослым быть,
да с какими ещё бедами
им придётся век трубить».

Молча лампа одноглазая
освещает до утра
сны, пока что ещё праздные –
без печалей и утрат.

Дед-новичок

На днях впервые дедом стал.
Как будто с чистого листа –
жизнь начиная в новой должности,
с досель неведомой серьёзностью,
он внука на руках держал.
Гордился: «Будет командир!
И голос точно генеральский!
А вот захочешь поиграть с ним –
так не сумеешь угодить.
Приникнет к маминой груди –
все беды тут же забывает,
наевшись досыта, зевает
и засыпает мой внучок,
зажав ладошку в кулачок».
А после – снова, как волчок,
вертеться будет в колыбели
любимчик деда. И в метели,
и в дождь, и в зной дед начеку:
погладит ласково щеку,
пелёнку чистую постелет,
накормит кашею дитя,
легко подгузник поменяет,
возьмёт на руки, обнимает.
А внучек, будто понимает, –
смеётся... Годы пролетят –
и станет дед седым и слабым,
не в силах с внуком взрослым сладить.
Да всё кряхтит душа от боли –
и внуку стал не нужен боле.

Родство

И жёны, и любовницы стареют.
Но кто ж быстрее?.. Вот ведь в чём вопрос.
Одна из них – и старость обогреет,
хоть разговор вчерашний был непрост.
Другая – с удовольствием расхвалит
и недостатки, чтобы вам польстить,
а на жену – все неполадки свалит,
мечтая до беспамятства ей мстить.

И всё-таки печальный день нагрянет,
когда уже подруженьке невмочь
заветный сон в постельку заарканить,
насквозь нашатырём пропахнет ночь...
Тогда молиться ей на расстояньи
о прошлом и о будущем... Жена
в шкафу найдёт какой-то снимок: «Странно...
Неужто до сих пор ему верна?!»
И молча фотокарточку поставит
на кухонном семейственном столе,
где золотую свадьбу скоро справят.
Любовь не успевает постареть.
И будет каждый день смотреть супруга
на снимок – суть раздоров их семьи,
а где-то, может, за Полярным кругом
такая же старушка... Изменить
им ничего до смерти не удастся,
но будто между ними есть родство –
вдруг станут в откровениях нуждаться,
лишь сгорбится счастливой жизни ствол.

От любви никогда не прячусь,
без неё всё на свете – жуть,
хоть и знаю – ещё наплачусь,
понимаю – обиды ждут.

Удивление, умиление –
всё читалось в твоих глазах,
затаились в душе сомненья,
недосказанностью грозя.
Ну и ладно, чего ж лукавить...
Повинуюсь тебе – целуй!
И судьбой позволяю править,
только очень-то не балуй.
Раболепствовать будешь, знаю.
Бить баклуши не дам, изволь!
Быть любимой тобой желаю
я – сладчайшая из всех зол!

Марина БИДЕНКО

Биденко (Мокаева) Марина Валерьевна, корреспондент газеты «Кабардино-Балкарская правда», член Союза журналистов России. В 1995 году окончила Кабардино-Балкарское училище культуры и искусств (художественно-оформительское отделение). Родившись в семье педагогов, являясь представителем третьего ее поколения, какое-то время преподавала в городской школе искусств, с удовольствием передавая учащимся творческий опыт. Пои-

ски себя привели будущего журналиста в Санкт-Петербург, который можно назвать городом её взросления, где прошли незабываемые и наполненные творчеством годы. Вернувшись в Нальчик, Марина поступила в Северо-Кавказский государственный институт искусств, по окончании которого получила профессию культуролога.

Художник по первому образованию, она проявила себя художником и в журналистике, когда даже сухие информационные сообщения старалась подать так, чтобы они заиграли всеми оттенками живописной палитры. Это касается и художественной прозы, где каждый образ является ярким характером, раскрывающим творческий замысел автора.

МО-О-О-РЕ...

Рассказ

Мо-о-оре ожидало моего пробуждения с ночи. Ещё в темноте оно, затаившись, поглаживало солёной пеной тёплых плавников бронзовый бисер сонно улыбающегося берега...

Где-то далеко от больших городов седые совы, обнявшись с бессмертием, качались на мохнатых еловых лапах, гипнотизируя солёную глубину ночного простора, по которому, согревая сонное побережье, катилась густая умбрияно-персиковая мгла. Привлекая звёздами глаз ненасытных обуров, птицы услаждали их корявый слух раскатистым эхом крылатых аплодисментов. Корабельные сосны, прикованные к тёмной земле, наматывали на колючие иглы стволов звёздную сеть предрассветного неба. У каждого обитателя мира было своё, только ему предназначенное дело, но все они порознь сочиняли одну-единственную, общую историю. Пернатые, протяжно охая, обсыпали хвойным шелестом шершавые спины оборотней, сбивая с толку и защищая от их наветов нежный шёпот детских сновидений. Только

совы были в курсе предстоящих событий, потому что они знают о нас всё...

В тот вечер Мо-о-оре, позабыв о берегах, танцевало с луной, прислушиваясь к её серебристому дыханию, постепенно поднимаясь всё выше к промёрзшему сердцу. Продрогшие лунные струны робко прощупывали воду, подбирая на слух ту единственную мелодию, отозвавшись на которую, вода отдаст холодному светилу часть своего тепла. Именно тогда, под благословение береговой улыбки, Мо-о-оре пролилось вверх и осталось там...

Переворачивая заколдованный блин, одним движением подкинув его над раскалённым кругом, догоняю шкварчащее солнце благопожеланием тому, чьи силы он подкрепит. Январское утро тихо пробуждается к жизни, донося имеющим душу звуки азана и колоколов. Прохладная пелена за неживым пластиковым окном скрывает новый день от проснувшихся глаз, но и сквозь этот обман сияет небо, по которому с силой, вдохновением и надеждой нового дня летит та самая птица – гостья из высоких далей.

Блин описал горячий эллипс и, шурша ошпаренными краями, упал в середину раскалённого круга, прижигая на себе последнюю печать. Сердце птицы забило в золотом кольце из облаков, в середине которого играло Мо-о-оре. Острые тени от её крыльев скользили по земле, прокалывая бархатные холмы лимонно-серыми шпажками.

Глаза мои проснулись, наконец, увидев человека на крыше противоположного дома. Он деловито ходил по черепичной кровле, как по траве, поправляя телевизионные антенны. «Смотрящий!» – первое, что пришло в голову. Серая толстовка, спортивный костюм с красными лампасами и сдвинутая набекрень шапка предательски выдавали небожителя. В том, что это ангел, совершающий утренний обход района с высоты крыш, не было сомнений! Манипуляции с антеннами были на всякий пожарный, для отвода глаз, но мои глаза уже нельзя было отвести. Начисто позабыв о горящем тесте, вооружённая лопаткой для блинов, я впила в окно, высверливая глазами стекло, воздушное пространство между домами и репнутую черепицу соседней общаги. Ветки дворовых деревьев, обнимающие пустые гнёзда, мешали рассмотреть детали, приводя взгляд в расфокус. У деревьев особенные взаимоотношения с небом, впрочем, как и у всех нас, каждое общается с ним на свой лад – робко и тонко, растворяясь травой прически в еле уловимой дымке эфира, грубо и настойчиво дырявя его обрубленными култышками корявых пальцев, тихо покачиваясь и цепко хватая паучьими лапами. Но тут моё ещё рассредоточенное внимание перехватило лазурное пятно, появившееся на небе несколькими километрами выше смотрящего, а в воздухе запахло тёплым ветром и солёной сыростью побережья. Живописная клякса росла,

принимая форму столкнувшихся с ней глаз, искала схожего с ней спектра чувств в странно бесчувственном мире, и тут мы встретились глазами с Мо-о-орем!

В шесть секунд всё встало с ног на голову. Непонятно откуда взявшаяся лазурная вода пролилась на город, умиротворённо улыбаясь и успокаивая. Всё, что может быть в жизни самого красивого, заполнило улицы и проулки, поднимаясь всё выше и касаясь антенн. По городу растекались прозрачно-призрачные волны счастья. Вороны, растворив синюю черноту в преображённом белом оперении, носились над водой, высматривая рыбу. А мы гуляли по веткам под Мо-о-орем нового неба! Смотрящий, довольный сложившимся порядком, посидел ещё немножко на краю крыши и исчез.

Живущие в привычном своём календарном ритме люди продолжали совершать привычные каждодневные передвижения в пространстве какой-то цели ради. Просто в это утро им почему-то было легче обыкновенного преодолевать земные тяготы и совершенно не думалось о плохом. Почему-то на большинство из имеющих душу нахлынули воспоминания из детства и юности, лучшие впечатления жизни и добрые надежды, как когда-то среди зимы, они мысленно возвращались в летнее путешествие к морю. Это было откровение неба, тихий шёпот, полусон, самый красивый и настоящий. В это утро оно молилось за нас, омывая солёной водой, а мы подсматривали за ним сонными глазами, спонтанно проговаривая услышанные слова новосочинённой молитвы. Именно так, благословляя мирской переполох, Мо-о-оре пролились вниз, и осталось здесь...

Прошло время, но полосы от воды с мелкими ракушками и фрагментами водорослей запечатлелись прорисованными под крышами и козырьками балконов. Луна, набирая полную силу, один раз в месяц оживляет впитавшиеся в камень капли, умоляя водную стихию станцевать на бис тот самый танец, когда-то согревший её холодное существование. Но Мо-о-оре не тиражирует шедевров, оно загадочно улыбается мерцанием городских фасадов.

До сих пор на пропитанном солью тетрадном листке, приклеенном к кухонной стене, синим мелком написано: «Впустите в дом Мо-о-оре!».

Он и сейчас висит передо мной. Оно и сейчас передо мной плещется.

В РАЗДУМЬЯХ

Рассказ

Вот и подкралась незаметно осень. Марина сидела у окна, всматриваясь в темное сумрачное пространство. За окном шел дождь, дул холодный пронизывающий ветер, и, хотя в комнате было достаточно тепло, ее знобило. Она встала, поправила одеяло у старшего сына, с любовью погладила по голове и вновь села на свое место, продолжая качать кроватку, где уже почти засыпал младшенький. В комнате горел тусклый свет ночной лампы, и было хорошо видно отражение в стекле. Марина смотрела на свое отражение и думала, насколько она постарела за эти четыре года, а ведь ей только двадцать четыре. И тут мысли унесли ее в то счастливое время, когда она, не зная забот, жила с родителями, училась в университете, и ей казалось, что весь мир у ее ног. А ведь было такое время! Она тяжело вздохнула, слезы полились из глаз, она не замечала этого, а они предательски текли и текли по щекам, обжигая ее. Но вновь воспоминания унесли ее далеко от этой комнаты в другую, большую и светлую, в центре которой стоял стол, кровать у стены напротив окна. По утрам солнечные лучи пробивались сквозь занавеску и ласково касались одеяла, солнечные зайчики словно заигрывали со спящими детьми, а они не жились и не спешили покидать теплую кровать. В доме пахло выпечкой, потому что мама всегда пекла теплые лакумы или пирожки. От этих воспоминаний ей стало так хорошо, что на секунду она улыбнулась.

С самого раннего детства Марина была любимой дочкой. Родители называли ее куклой, потому что она была очень красивым ребенком. И хотя в семье была младшей, больше всего прислушивались именно к ней: она была рассудительным ребенком и иногда говорила такое, что диву давались – откуда она это знает. Учась в школе, думала, что в жизни ей будет всегда легко и хорошо, но судьба распорядилась иначе. Хотя! Судьба ли?

Становясь старше, она стала замечать, как на нее смотрят окружающие. Это были восхищенные взгляды не только парней, но и любого, кого она встречала на улице. Многие оборачивались вслед, а иногда она слышала за собой трепетный шепот и была этим горда. Особенное восхищение вызывало ее воспитание и скромность.

«О Аллах! Как же это было давно, – подумала Марина, – как будто в другой жизни. Мама, мама! Наверное, нужно было воспитывать нас не так. Ведь в жизни удача улыбается хитрым и наглым».

Ей казалось, что это не ее жизнь вовсе, а она смотрит документальный фильм о другой девушке, гордой и красивой, у которой все впереди.

Маленький Алимчик наконец заснул, но она продолжала качать кроватку сына и думать о себе.

«Сколько было у меня желаний, я мечтала, что буду самой счастливой...» – думала она. И тут вновь к горлу подступил комок, который мешал дышать, а слезы навернулись на глаза.

По окончании школы у нее не было сомнений, куда поступать, потому что все решили за нее.

– Конечно же, в наш университет, – сказала мама. И это было непререкаемо. А на какой факультет, Марине было все равно. «Ведь после окончания вуза все равно мало кто работает по специальности», – думала она.

И вот позади вступительные экзамены, теперь она студентка. С первого дня занятий Марина чувствовала интерес к своей персоне со стороны окружающих, но ни с кем не сближалась.

Тут ее мысли прервали звуки за окном. Сначала Марина не поняла, то ли ей показалось, то ли на самом деле кто-то постучал в стекло. Она подошла к окну, приложила ладонь к стеклу и пристально всмотрелась в темноту. На подоконнике сидел воробей весь взъерошенный, мокрый и замерзший.

– А ведь я похожа на эту птичку. Вроде и есть гнездо, но там так плохо, что и не хочется туда возвращаться, – прошептала Марина, и по ее телу пробежала дрожь. Она подошла к шкафу, взяла оттуда теплую вязаную кофту, надела ее и прилегла на край кровати старшего сына Алана. Мальчик, почувствовав тепло матери, обнял ее своими маленькими ручонками и спокойно засопел. Марина прижала сына к себе и вновь задумалась.

Студенческая жизнь Марине нравилась. Она была активной девушкой и, будучи в студенческом активе факультета, принимала участие во всех мероприятиях, проводимых здесь. «А когда мы впервые встретились с Муратом?» – подумала она, но так и не вспомнила.

Подружки ей говорили о том, что за ней наблюдает парень со старшего курса. Она сначала смеялась, ну а потом ей самой стало интересно наблюдать, как он делает вид, что проходит мимо аудитории и заглядывает, чтобы взглянуть на нее. Он был невысокого роста, щупленький, и Марина тихонько смеялась над ним, ведь ей всегда нравились высокие спортсмены. «Знала ли я в то время, что именно с ним свяжу свою судьбу?» – подумала она.

Постепенно он стал оказывать ей знаки внимания, ухаживать за ней. Она принимала это как должное, ведь она всегда нравилась парням. Мурат был всегда ухожен, одевался со вкусом и был галантен с ней. Это и подкупило ее, ведь она тогда не знала, что это все напускное, на самом

деле он жестокий и грубый. Тут она вздрогнула, послышались шаги за дверью, в коридоре. Сердце у нее так сильно билось в груди, что было готово выпрыгнуть. Марина прислушалась, но никаких звуков не было.

– Значит, показалось, Мурат еще не пришел, – подумала она и немного успокоилась.

Она вновь погрузилась в свои воспоминания. Как он ее украл, как прошла свадьба – все это она вспомнила с некоторой теплотой. Ведь тогда она еще не знала, сколько страданий приготовила ей жизнь. Сразу после свадьбы свекровь объявила войну молодой невестке. Хотя Марина старалась ей угодить, у нее это так и не получилось.

Спустя год родился первенец, которого назвали Алан. Забот стало больше, а времени на все не хватало. Вот тут все началось. Недовольство матери передавалось сыну, и он стал очень грубым и жестким по отношению к ней. Каждый раз он старался унижить ее, оскорбить, ранить словом. От таких слов она теряла уверенность в себе, сильно похудела, от ее былой красоты ничего не осталось.

Когда Мурат ударил ее в первый раз, все было как в тумане.

«И за что? За то, что я с новорожденным ребенком не успевала убирать, готовить вовремя, потому что мне никто не помогал? – думала Марина. – Ведь даже доброго слова я не слышала от мужа, только упреки...»

Но это были только первые звоночки. Марина посчитала, что он поднял на нее руку импульсивно, да он и сам попросил прощения, и она его простила. Думала ли она, что это станет его привычкой, и ее любимый Мурат будет поднимать на нее руку все чаще и чаще.

«Мне казалось, – оправдывалась перед собой в душе Марина, – что он одумается, вспомнит, как умолял меня выйти за него замуж, и это будет в последний раз, ведь у нас сын». Но с каждым разом он становился все злее и злее, а удары были все сильнее и сильнее. Она терпела долго и никому не рассказывала об этом, ведь мама всегда говорила своим дочерям, что, если выйдете замуж, обратной дороги нет. Да и как сказать, было очень стыдно. Так шли дни, пока однажды терпение Марины не кончилось.

В один из дней, уже с утра, Мурат был «на взводе», искал причину, чтобы придрататься к ней. Было бы желание, а причина найдется. Скандал начался с того, что Марина, которая всю ночь убаюкивала капризулю-сына и заснула только перед рассветом, проспала и вовремя не поставила на стол завтрак для семьи. Когда Марина открыла глаза и увидела на часах время – семь часов, она вскочила, наспех оделась и бросилась на кухню, чтобы приготовить завтрак и покормить семью, но было уже поздно, потому что на кухне уже стояла свекровь, всем своим видом показывая недовольство. Марина подошла к газовой плите, чтобы разогреть сковороду со вчерашним пловом, а свекровь грубо ее

отругала, назвав лентяйкой. Это услышал Мурат, который в тот момент только возвращался со двора. Неожиданно подойдя сзади, он схватил Марину за волосы и потащил в комнату, где в люльке мирно спал Алан. Ничего не сказав, он начал избивать ее сначала руками, а затем, повалив на пол, и ногами. «Единственное, о чем я думала в тот момент, – вспоминала Марина, – это о том, чтобы он не убил меня совсем. Ведь тогда маленький Алан останется совсем один, и он может перейти и на него. Насладившись моим унижением, он спокойно пошел завтракать, а я так и осталась лежать на полу. И я не выдержала и позвонила родителям, чтобы меня забрали домой».

Слезы душили Марину, внутри у нее все сжалось, словно сейчас она вновь пережила этот ужас. Она всхлипнула и сама испугалась этого, вдруг кто-то услышит или она случайно разбудит спящих детей. Взяв себя в руки, Марина встала, подошла к окну и открыла форточку. Ей не хватало воздуха, она задыхалась, но, почувствовав свежий ветерок, который ворвался в комнату, она вдохнула полной грудью, облокотившись на подоконник, простояла несколько минут. Затем она закрыла окно, боясь простудить спящих сыновей, и продолжила размышлять о себе и своей жизни.

Родители приехали быстро, хотя между селами было почти сто километров. Увидев Марину, отец не стал ни в чем разбираться и сразу забрал ее с ребенком домой. Для него самым подлым поступком было поднять руку на женщину, даже если она и виновата.

«Но ведь я не была виновата», – думала Марина.

Живя у родителей, она постепенно приходила в себя после пережитого, синяки, оставленные мужем, проходили, душа успокаивалась, но находила тоска. Что бы ни случилось, Марина все равно скучала по Мурату, и когда он однажды, спустя месяц, позвонил ей, она с ним поговорила. Теперь каждый вечер она ждала его звонка, и, как прежде, до замужества, они разговаривали ночи напролет, скрывая это ото всех. Ей казалось, что все так, как в первые встречи, и что он по-прежнему ее любит. «Как же я ошибалась тогда, – вновь подумала Марина, – это просто мне, наверное, очень этого хотелось, чтобы все было так, как будто мы только встретились и полюбили друг друга, и не было этих скандалов, унижений, побоев. Ведь, вернувшись, я увидела то же самое отношение и Мурата, и его родителей», – тяжело вздохнула она.

Сколько времени Марина провела за своими мыслями, она не знала, но ей удалось задремать. Проспала она недолго, сквозь сон услышала, как закукарекал петух у соседей и недалеко залаяли собаки. Она открыла глаза и увидела, что Мурат так и не вернулся, но сквозь темное небо пробиваются первые лучи, дождь закончился, а новый день обещает быть хоть и прохладным, но солнечным.

КНИГА В ЖИЗНИ КОМПОЗИТОРА

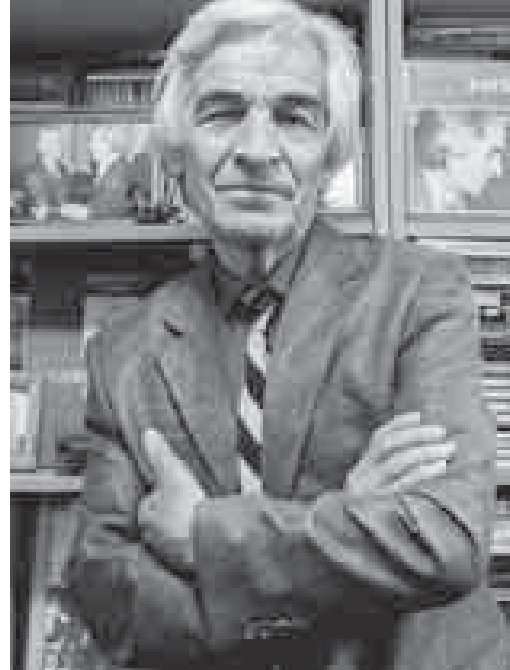
Очерк

Джабраил Кубатиевич Хаупа родился 20 февраля 1942 г. в с. Нартан, Кабардино-Балкария. Окончил дирижерско-хоровое отделение Нальчикского музыкального училища, композиторское отделение Тбилисской государственной консерватории.

Композитор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, народный артист Кабардино-Балкарской Республики, заслуженный деятель искусств Республики Адыгея.

Лауреат Государственной премии КБР, премии Союза композиторов России им. Д. Д. Шостаковича, Международной премии Мухадина Кандура. С 1969 г. работал педагогом по музыкально-теоретическим дисциплинам Нальчикского музыкального училища.

Ведущий концертов симфонического оркестра Госфилармонии КБР под руководством народного артиста России Бориса Темирканова.

Джабраил Кубатиевич Хаупа

О композиторе Джабраиле Хаупа авторы публикаций в печатных изданиях и в Интернете пишут часто, много, и интересно. Информационным поводом к подготовке этого материала стало недавнее событие, на взгляд человека непосвященного, довольно странное. Кабардинец Джабраил Хаупа получил в подарок учебник грузинского языка и очень этому обрадовался.

После того как руководитель грузинского культурного центра Кабардино-Балкарской Республики «Риони» Анзор Лобжанидзе на музыкальном вечере в Фонде культуры КБР вручил заслуженному деятелю искусств Российской Федерации это великолепное издание, Джабраил Кубатиевич незамедлительно продемонстрировал присутствующим умение читать тексты на грузинском языке.

Известно, что лауреат Государственной премии КБР Джабраил Хаупа учился на композиторском факультете Тбилисской консерватории имени Вано Сараджишвили, но образовательный курс по данной специальности

не обязывает студента овладевать грузинской грамотой. Джабраил и в этой области проявил врожденное стремление к познанию, к наслаждению музыкой грузинской устной речи, а значит – к более глубокому пониманию произведений композиторов и народных мелодий Грузии.

Мелодику и красоту родного кабардинского языка Джабраил Хаупа познал с колыбельного детства, когда слушал напевы и сказки мамы и бабушки.

Внук основоположника кабардинской литературы Бекмурзы Пачева рос в селе Нартан близ Нальчика. 20 февраля 1942 года, когда шла Великая Отечественная война, его отец Кубати Хаупа – музыкально одаренный, обладавший хорошим голосом человек – грузился в эшелон, отправлявшийся на фронт. Защитник Родины успел узнать, что его жена – Локан Пачева – родила мальчика, но так никогда и не увидел младшего сына.

Мама читала Джабраилу стихи его деда, рассказывала сказки, легенды, пела народные песни и песни своего отца, а Зурият – первая жена Кубати, известная целительница и прославленная гармонистка, стала воспитательницей детей Локан. Удивительное явление в жизни! Джабраил и сейчас говорит, что у него две мамы.

Амужид Пачев, необычайно музыкальный и начитанный, открыл маленькому племяннику волшебный мир книг.

20-летний студент дирижерско-хорового отделения Нальчикского музыкального училища Джабраил Хаупа написал первую песню на стихи кабардинского поэта Зубера Тхагазитова.

Музыка, фольклор, литература, живопись легли в основу духовного воспитания музыканта. В годы учебы в консерватории Джабраил Хаупа формировался как человек широко образованный не только в музыке, но и в литературе, живописи, истории, этнографии, фольклористики и др.

«Важнейшая черта, во многом определяющая своеобразие творческого почерка композитора, – глубинная связь с национальным культурным наследием. Именно фольклор адыгов рождает музыку, образы его сочинений.

...В произведениях Джабраила Хаупа есть драматургия, тесное сочетание живописи, поэзии, несущих нежность к великому краю. Этого человека надо принимать, как поэта», – характеризуют композитора музыкальные критики.

«Еще тогда, когда я не понимал, что такое духовность, жизнь моя была связана с книгой, – рассказывает Джабраил Кубатиевич. – Бог

распорядился так, что я рос в удивительных сказках, прекрасных колыбельных песнях.

Где более концентрированно, нежели в музыке, в мелодике человеческой речи, заключена духовная красота? Зараженный этой красотой я рос, и вокруг меня была музыка, песня, поэзия.

Великий Гете сказал: «Музыка начинается там, где кончаются слова». Всю жизнь меня сопровождают музыка и книга. Что важнее, не знаю.

Книга – квинтэссенция всего, что создано человечеством. Когда меня спрашивают, богатый ли я человек, отвечаю, что очень богатый. Мое огромное богатство – это мои друзья и мои книги. В квартире – книги и место для сна.

Мой рабочий кабинет в Союзе композиторов КБР заставлен книгами и фотографиями. Это – маленький музей, где звучит музыка Баха, Бетховена, Шостаковича, ленинградского композитора Бориса Клюзнера, у которого я стажировался после окончания консерватории.

Книг в моем личном пространстве так много, что новые уже просто некуда ставить и складывать. А со старыми не хочется расставаться, как с давними верными друзьями. Это русская и зарубежная классика, произведения писателей и поэтов разных народов нашей страны и, конечно, музыкальная литература.

Всё, о чем когда-либо читал, представало передо мной в виде ярких образов, картин, персонажей. Я был Дон Кихотом, Маленьким принцем, плакал и мучился, когда читал «Короля Лира».

Сопереживать книжным героям, проживать вместе с ними различные этапы судьбы, значит – заряжаться от книг новыми эмоциями и ощущать на струнах собственной души новые сильные чувства.

Каждый раз, когда перечитываешь книгу, она воспринимается по-новому. Вчера в очередной раз читал «Гамлета», произведения Гофмана. Нередко возвращаюсь к произведениям любимых писателей – английским романтикам, испанским авторам.

Не представляю, как культурный человек может прожить, не насладившись произведениями самых разных литературных жанров. Например, поэзией Хименеса:

*Душе всё роднее мгlistый
закат над листвой сухою.
Коснись меня, луч осенний,
своей потаённой тоскою!*

Или иронией и юмором «Золотого тельца» Ильфа и Петрова, коллизиями семейной саги «Кристин, дочь Лавранса», написанной лауреатом Нобелевской премии Сигрид Унсет.

Я часто обращаюсь к книгам Фазиля Искандера. Это – духовное очищение, будто из горного родника воды испили. К сожалению, не удалось встретиться с этим замечательным абхазским писателем-философом.

Порой мы упускаем случай, не замечаем тех, кто рядом, не осознаем их значимости.

Вот мой дед Бекмурза Пачев посвятил жизнь знанию – поиску и распространению знаний. Изобрел кабардинский алфавит на основе арабской вязи, писал стихи, стремясь передать потомкам народное духовное наследие и свои произведения. Но, к сожалению, большая часть его трудов не сохранилась.

Для меня мысль, сохраненная в книге, священна.

Наблюдая за тем, что происходит сейчас, прихожу к выводу, что в большинстве своем люди отошли от книги. Читают тексты на экране компьютера, телефона, планшета... Ни осязания, ни запаха, ни вкуса...

Только перелистывая живую, теплую, вкусно пахнущую бумажную книгу, волнуешься от предвкушения открытия, прикосновения к прекрасному, поскольку хорошо изданная книга – произведение искусства. К примеру, с иллюстрациями моего замечательного друга художника Заурбека Бгажнокова.

Грустно, но часто не нахожу в магазинах нужных книг. Вот вчера хотел купить томик Твардовского. Прежде искал книги Леонида Мартынова, Василия Шукшина, других любимых авторов. Не бывает этого в книжных лавках! А «мусор» издают.

Для чего созданы книги? Для духовности. Но, если издаешь «макулатуру», почему бы не издать классику?

Мы мало общаемся сейчас. Прежде взрослые и дети, родственники и друзья собирались и читали книги. Родители читали детям книги перед сном. Учителя давали домашнее задание по внеклассному чтению.

Помню, как в детстве радовался при чтении изданной в 1957 году книги «Нарты» с великолепными цветными иллюстрациями. Уникальные впечатления я получал от красоты кабардинского языка. Переводы – это не то. Надо быть двуязычным, чтобы ощущать нюансы речи и наслаждаться оригиналом.

У меня много переводной литературы. В числе любимых книг – зарубежная поэзия в переводах Пастернака. Высокохудожественный перевод – самостоятельное литературное произведение, читать которое – большое удовольствие. Мы должны быть благодарны поистине великим поэтам, таким как Михаил Лозинский, Иннокентий Анненский, Самуил Маршак, отрывшим перед нами своими переводами мир европейской литературы, в частности поэзии.

Мне посчастливилось учиться у потрясающих педагогов. В нартановской школе была замечательная учительница русского языка и литературы Любовь Андреевна. В нальчикском музыкальном училище – ее коллега Зинаида Федоровна. Как они читали! Как заражали учеников поэзией!

Хажисмель Жекамухов преподавал кабардинский язык и литературу, был великолепным чтецом. Он знакомил нас с произведениями своего друга Али Шогенцукова, с нартским эпосом.

Педагоги будили наше творческое воображение, раскрывали перед нами мир образов, звуков, ассоциаций...

Сейчас даже студенты-филологи плохо изучают литературу. В школе, насколько могу судить из общения с внуками, дело обстоит и того хуже – внеклассного чтения просто нет.

Но ведь самообразования, самопостижения никто не отменял. Так называемыми самоучками были великий Бах, Мусоргский, Циолковский, сотни других выдающихся творцов и ученых.

Почти полвека я преподавал полифонию, гармонию и другие музыкальные дисциплины в музыкальном училище. Наряду с программным учебным материалом обязательно уделял внимание общекультурной подготовке студентов. Например, читал им поэтические строки Уильяма Блейка:

*Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердья люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.*

И картины Блейка показывал. Такие отступления от основной темы урока или лекции нужны не только для эмоциональной разрядки, переключения внимания слушателей. Это урок общечеловеческой культуры, своеобразная прививка, позволяющая юноше или девушке устоять перед пошлостью и низостью, духовно возвыситься и стать творческой личностью.

Со всеми дисциплинами, которые я преподавал, сопряжены графика и живопись, скульптура и театр. Студентов я водил в мастерские к своим друзьям-художникам, знакомил с артистами. Различные отрасли искусства наряду с литературой создают культурное пространство человечества, и очень важно, чтобы в жизни юноши или девушки появился человек, который введет их в мир прекрасного, в духовное пространство.

Мне в этом смысле повезло – молодым человеком я познакомился с Зауром Налоевым, открывшим для меня, к примеру, творчество французских импрессионистов, о которых я не имел представления. Заурбий Магодетович значительно повлиял на формирование моего художественного вкуса, сыграл большую роль в моей жизни.

15 июля 2018 года исполнилось 90 лет со дня его рождения. Полагаю, что читатели «Литературной Кабардино-Балкарии» должны вспомнить Заура Налоева и обратиться к его творчеству. Ведь под его руководством созданы такие важные труды, как «Очерки истории кабардинской литературы», «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» в 3-х томах, «Сказания о Жабаги Казаноко», «Антология кабардинской поэзии», «Антология ранней адыгской литературы».

Заур Налоев участвовал во множестве полевых фольклорных экспедиций и записал большое количество уникальных народных произведений,

которые составили ценный фонд в научном архиве Кабардино-Балкарского государственного института гуманитарных исследований. Неоценимы его заслуги в подготовке и издании «Антологии кабардинской детской литературы», литературной обработке собрания кабардинских народных сказок, переводе ста лучших сказок народов мира на кабардинский язык. Все это стало бесценным достоянием культуры народов Кабардино-Балкарии, а Заур Магомедович стал духовным учителем многих и многих молодых людей.

На мой взгляд, преподаватель любой дисциплины, даже технической, способен не только насыщать знаниями сознание ученика, но и влиять на его душу, формировать сознание. Это должен исповедовать истинный педагог.

Однако даже художественное слово не проникает туда, куда проникнет музыка, которой я служу в силу своей профессии.

Музыка – это единственный язык Вселенной, не требующий перевода. А литература – ее сестра.

Жаль, что жизнь моя на исходе. Я еще не надыхался книгами. Прекрасному нет конца, но, как говаривал Козьма Прутков, нельзя объять необъятное.

Всё можно испытать, всем насладиться, если есть время и здоровье. Поэтому я желаю вам физического и душевного здоровья, внешней и духовной красоты и много, много времени».

Основные произведения Джабраила Хауна

- Соната № 1 для скрипки и фортепиано. 1966 г.
Симфония № 1 для большого симфонического оркестра. 1969 г.
«Сказки седых гор», симфоническая картина в четырех частях. 1970 г.
«Кабардинская молодежная увертюра» для большого симфонического оркестра. 1971 г.
Драматическая поэма для большого симфонического оркестра. 1972 г.
Симфоническая поэма «Сказание о нартах». 1973 г.
Симфония № 2 на стихи Эд. Межелайтиса. 1975 г.
Хоровая сюита «Фрески» на стихи Бекмурзы Пачева. 1974 г.
«Восемь хоров из кабардинской народной лирики». 1975 г.
Соната для флейты и фортепиано памяти И. С. Баха. 1978 г.
Соната № 2 для скрипки и фортепиано памяти Б. Л. Клюзнера и Д. Д. Шостаковича. 1979 г.
«Наигрыши» для симфонического оркестра. 1980 г.
Рапсодия для большого оркестра. 1981 г.
Хоровой цикл «Родина» на стихи Хабаса Бештокова. 1982 г.
«Адыгейская увертюра» для симфонического оркестра. 1981 г.

- Увертюра «Нарты» для большого симфонического оркестра. 1983 г.
Соната № 3 для скрипки и фортепиано. 1984 г.
Симфоническая поэма «Край мой нежный, величавый». 1985 г.
Две тетради для фортепиано: 1) 6 прелюдий, 1964 г.; 2) 10 пьес, прелюдия и fuga. 1986 г.
Четыре тетради обработок народных (кабардинских) песен в разные годы.
«Кабардинские девичьи песни» для сопрано и оркестра (7 песен). 1983 г.
Фортепианное трио. 1983 г.
Сюита № 1 для флейты и фортепиано. 1986 г.
Концерт для скрипки с оркестром «Адыгейский», 1987 г.
Вокальный цикл для детей «В зоопарке» на стихи Лиуана Афаунова (6 песен).
Вокальный цикл «Зу-зу, барина» для детей (25 песен). 1981 г. (20 песен на стихи Заура Налоева и 5 песен на стихи Петра Кажарова).
Вокальный цикл «Зов кукушки» на стихи Лиуана Афаунова. 1987 г.
Сюита для гобоя соло в пяти частях «Самшитовый напев». 1988 г.
Темы и вариации для струнного квартета. 1984 г. Сюита № 2 для флейты и фортепиано. 1988 г. Соната для кабардинской гармонике в трех частях. 1989 г.
Тройной концерт (для скрипки, флейты, кабардинской гармонике) с оркестром (клавир). 1989 г.
Симфония № 3 «Псыхэгъэ» («Плач над водой») для большого симфонического оркестра. 1990 г.
12 прелюдий для кабардинской гармонике. 1992 г.
Сюита для струнного оркестра в трех частях. 1992 г.
Сюита для симфонического оркестра в четырех частях «Воспоминание о детстве» для симфонического оркестра. 1983 г.
Соната-поэма для флейты и кабардинской гармонике. 1994 г.
Десятки песен на слова Алима Кешокова, Зубера Тхагазитова, Хабаса Бештокова и других поэтов.

Автор снимка – Владимир Севриновский

ОБ ЭСКУЛАПЕ САФУДИНЕ УНАЧЕВЕ

Очерк

До поры до времени слово «эскулап» я знал как синоним врача. Поэтому как-то я назвал эскулапом моего старого друга – врача Сафудина Галимовича Уначева – одного из учителей многих нынешних докторов в Кабардино-Балкарии, который ухмыльнувшись, поправил меня, сказав, что он всего лишь лекарь, а не эскулап. За толкованием этого слова полез в интернет и узнал интересную легенду. Я не эгоист, поэтому решил поделиться этим с читателями «ЛКБ», если, конечно, позволит строгий редактор...

В древнеримской мифологии Эскулап, или Асклепий, – бог медицины и врачевания, который умел оживлять усопших. Согласно легенде, отцом Асклепия был бог Аполлон, а матерью, по одной из версий (есть и другие версии) – нимфа Коронида, дочь Флегия царя Орхомена... Эта женщина, забеременев, влюбилась в смертного Исхия. Ворон донёс об этом Аполлону, и тот, сильно разгневанный, послал свою сестру Артемиду умертвить Корониду. Когда тело Корониды сжигали на костре, ворон, до того носивший белые перья, навсегда почернел от копоти, а Аполлон извлек из её чрева младенца Асклепия (видимо, это было первое кесарево сечение) и отдал его на воспитание кентавру Хирону. Таким образом, Эскулап – не рядовой лекарь, врач или доктор, а Бог медицины и врачевания. Недаром же люди говорят, что он (она) врач от Бога, когда хотят подчеркнуть его (её) высокую квалификацию... И всё же слово «эскулап» я буду писать ниже со строчной буквы, имея в виду земных лекарей, врачей и докторов, но не рядовых, а... от Бога.

С. Уначев относится к плеяде настоящих эскулапов, таких как С. Емузов, Ф. Шогов, М. Токмаков, М. Таукенов, А. Камбачоков, А. Гаштов, Б. Мизаушев, С. Пшуков, Б. Байчоров, А. Афаунов, В. Кушхабиев, З. Кокова, Б. Керимов, Т. Тхазапличев, Р. Шогенов, Б. Белимготов, Б. Нагоев, Б. Бейтуганов, Х. Тлапшоков, а также – как организаторы курорта и здравоохранения М. Балкаров, В. Шогенова, М. Беров, и другие, которые вывели Кабардино-Балкарскую медицину и курорт на очень высокий уровень.

Трудовая деятельность Сафудина началась чуть ли не с 9–10-летнего возраста. В автобиографической брошюре «Прожитое пережитое» он с гордостью вспоминает, как вместе с Галимом Кештовым на фургоне доставлял хлебопродукты труженикам, возводившим противотанковые укрепления в районах станицы Солдатской и г. Прохладного накануне Великой Отечественной войны, а также выполнял различные поручения в колхозе «Большевик» и родном селе Псыхурей до и после войны – был погонщиком запряжённой в плуг своей собственной коровы на весенней вспашке земли, счетоводом колхоза, секретарем Псыхурейской начальной школы и сельского Совета. За эти трудовые дела он зачислен в участники Великой Отечественной войны.

Сочетая всё сказанное, Сафудин с трудом окончил 7-й класс в 1948 году и поступил в нальчикскую фельдшерско-акушерскую школу (ФАШ, позже – медучилище, ныне – медколледж), которую окончил с отличием в 1951 году. С благодарностью он вспоминает своих учителей по ФАШ – Ю. М. Дукельского, В. Д. Никитину, Е. К. Кострикину, Н. И. Протогенову, Е. М. Сапову, директора А. А. Сердюка. Этот перечень замечательных преподавателей ФАШ косвенно характеризует состояние национальных кадров республики в области здравоохранения после войны.

В декабре 1951 года, в числе 17 выпускников ФАШ, окончивших её с отличием, по целевому назначению, республика направила Сафудина в Дагестанский мединститут, куда их приняли без экзаменов. Здесь стоит отметить, что Кабардино-Балкария с благодарностью отдаёт должное Дагестану и Северной Осетии, которые подготовили нам замечательных специалистов в областях здравоохранения, сельского хозяйства и горнорудной промышленности.

В ДМИ Сафудин учился отлично, со 2-го курса его портрет уже висел на Доске почёта, а также занимался общественной работой, принимал активное участие в спортивной жизни института. После окончания ДМИ в 1957 году его направили заведующим планируемой Минздравом республики к строительству участковой больницы в сел. Кызбурун II (Исламей). Условия работы на участке были трудные, помещения для амбулатории не имелось. Работали в арендованной комнате в частном доме. В селе, протяжённостью 7 км, ежедневно он обслуживал 15–20 вызовов на дому, принимал 40–50 больных, рабочий день длился 10–12 часов, но

молодость преодолевала все трудности. Потеряв надежду, что Минздрав республики построит больницу, Сафудин обратился к председателю колхоза «Красная Кабарда» Ф. Малухову. Последний с энтузиазмом взялся за дело и через 9 месяцев, на базе полуразрушенного здания школы довоенной постройки, построил больницу на пятнадцать коек и закупил необходимое для неё оборудование и мебель. Более того, колхоз взял на себя питание больных. В порядке поощрения парторганизация колхоза приняла С. Уначева в ряды КПСС. С чувством благодарности он вспоминает работников колхоза – руководителя Ф. Малухова, председателя сельсовета У. Каздохова, а также М. Мазанова, А. Кунижева, братьев Ш. и Х. Урусовых, И. Кильчукова, Б. Ахова и других.

В 1958 году С. Уначева перевели главврачом Кубинской участковой больницы, которая размещалась в типовом двухэтажном доме довоенной постройки без водопровода и канализации, с печным отоплением. Зона обслуживания охватывала селения Куба (с населением 4,5 тыс. человек), Псыхурей (3,5 тыс. человек) и Куба-Таба с птицеводческим хозяйством (2 тыс. человек). Радиус обслуживания составлял 8–10 км. Работникам больницы, с штатом из 4-5 врачей, кроме стационара приходилось обслуживать населения сёл, причём в большинстве случаев на вызовы приходилось идти пешком или добираться на попутках. Здесь Сафудин Галимович также поработал славно. К его уходу из больницы здание было отремонтировано капитально с заменой кровли, построено новое здание фельдшерского пункта с роддомом на пять коек. Была заготовлена проектно-сметная документация для перевода здания больницы на систему центрального отопления и водоснабжения. Удалось перевести туберкулёзное отделение на республиканское обеспечение, оснастить мягким и твёрдым инвентарём стационар и амбулаторию. Больница была обеспечена автотранспортом для обслуживания вызовов на дому. Он с теплотой вспоминает работников колхоза «Куба» Л. Калмыкова, К. Мальбахова, Л. Дышекова, Х. Мидова, Х. Далова и других, которые постоянно оказывали ему помощь в работе.

С сентября 1960-го по июль 1962 г. С. Уначев проходил клиническую ординатуру в 1-м Московском ордена Ленина медицинском институте им. И. М. Сеченова на кафедре знаменитого академика В. В. Виноградова, бывшего врача И. В. Сталина. По окончании ординатуры был зачислен аспирантом на кафедру. Однако по ходатайству Минздрава КБАССР был отозван для работы главным терапевтом отрасли. Сафудин жалеет о том, что ему мало пришлось поработать в школе академика В. В. Виноградова. Но, как говорится, аспирант предполагает, а министерство располагает.

В период работы главным терапевтом Минздрава Сафудин Галимович уделял большое внимание вопросам повышения квалификации терапевтов на местной базе и за пределами республики. Он систематически проводил конференции по разделам терапии и терапевтической службы на республиканском уровне, обеспечивая городские и районные

лечебные учреждения соответствующими методическими материалами. Ежеженедельно вёл консультативные приёмы в республиканских и городских поликлиниках, обходы в терапевтических отделениях больниц. Часто выезжал или вылетал в районные больницы на экстренные вызовы для оказания консультативно-организационной помощи. Был секретарём объединённой парторганизации Минздрава КБАССР. В указанной выше автобиографической брошюре «Прожитое пережитое» приводятся примеры, когда из-за несвоевременного оказания квалифицированной медицинской помощи или ошибок врачей бывали случаи преждевременного ухода из жизни людей, в том числе известных на всю республику, таких как Герой Социалистического труда М. Ахметов, прокурор республики М. Ансоков, ректор КБГУ В. Тлостанов и другие. В Минздраве он встретил коллегу и красавицу Надежду Деппуеву и женился на ней. Она родила ему двух замечательных сыновей, старший, Руслан, сегодня заведует отделением в Республиканской стоматологической поликлинике. Сама она более четверти века проработала директором Нальчикского медучилища.

Если эти события, выражаясь музыкальной терминологией, относятся к «мажорным», то у Сафудина с руководством Минздрава сложились «минорные» отношения, из-за чего он вынужден был покинуть свой пост и перейти на должность заведующего терапевтическим отделением Нальчикской городской клинической больницы. За время работы здесь внедрены методики лечения больных острым инфарктом миокарда и в период реабилитации, принципы лечения больных язвенной болезнью желудка и двенадцатиперстной кишки, принципы лечения больных с заболеванием крови. По заключению Минздрава РСФСР в 1966 году отделение признано одним из лучших в республике.

В связи с открытием медицинского факультета КБГУ в ноябре 1966 года С. Уначев с другими коллегами был направлен в целевую аспирантуру на медицинский факультет Петрозаводского госуниверситета. Замечу из своего опыта, что – за исключением «чистых» теоретиков по математике или физике, – аспирант, за спиной которого практическая работа, занявшийся прикладной наукой, чувствует себя увереннее и работает эффективнее. Досрочно завершив программу исследовательской работы и защитив кандидатскую диссертацию, Сафудин вернулся в КБГУ. Начав работать ассистентом кафедры, он встретил здесь исключительно недобросовестных и слабых в своей области преподавателей с профессорскими званиями, приехавшими на новый факультет из других городов. Вскоре разобравшись с ними, ректор КБГУ В. К. Тлостанов уговорил Сафудина заведовать фактически новой кафедрой госпитальной терапии, которую он, с коллегами А. Культербаевым, Е. Шогенцуквой, Х. Балатчиевым, С. Хутуевой, Н. Фокичевой, С. Кульдаговой, А. Нагапловой, С. Багаевой, Г. Барасбиевой, С. Хафизовым, вывел на 1-ое место на смотре кафедр КБГУ, за что ей было вручено Красное знамя и 1000 рублей премии.

В 1985 году по решению КБ ОК КПСС С. Г. Уначева перевели на должность председателя Совета по управлению курортами Нальчика, где наиболее ярко проявились его незаурядные организаторские способности управленца. Ему нелегко было адаптироваться к этому масштабному, сложному и многопрофильному хозяйству. Но все трудности он успешно одолел. Первые два месяца были потрачены на знакомство и изучение состояния курорта, в результате чего было выявлено много проблем, подлежащих решению. На курорте числилось 5 тысяч койко-мест в 6-ти санаториях, 2-х пансионатах и 10-ти самостоятельных подразделениях. Здесь ежегодно поправляли своё здоровье 120–130 тысяч граждан СССР, в том числе 20–30 тысяч – взрослого и детского населения нашей республики. Словом, количественные показатели были с гору Эльбрус, в то время как качественные – лишь с Курпские высоты.

Дело в том, что большинство санаторных корпусов старой постройки требовали безотлагательного капитального ремонта. В палатах проживало по 4–5 человек вместо 2-х. В пансионатах также имела место большая скученность людей, например, в двухкомнатных отсеках, рассчитанных на 4 человека, размещались 6 человек. Столовая на 1600 мест с актовым залом в пансионате «Грушёвая роща» работала в две смены; вторая столовая на 1000 мест была долгостроем; выстраивались большие очереди при отпуске лечебных процедур в БФО; нагрузка на курортную поликлинику была чрезмерной, и т.п. В то же время не было организовано общественное питание для работников курорта: ни в одном подразделении не было рабочих столовых. Более 180 сотрудников курорта нуждались в жилье, но их списки отсутствовали. На очереди в горисполкоме стояли единицы из них. Строительство 144-квартирного дома непомерно затягивалось, его готовность к 1985 году составляла 50–60 %. Территория со стороны реки Нальчик не была огорожена, поэтому скот посёлка Хасанья наносил ущерб зелёным насаждениям курорта. Отсутствие берегоукрепительных сооружений угрожало скважинам минеральных вод выходом из строя в период весенних паводков. Не было программы перспективного развития курорта. Вот с какой стартовой площадки начал работать С. Г. Уначев.

Главное, с чего он начал, – составил с помощью специалистов 10-летнюю программу развития курорта на период 1986–1996 гг. За короткое время ему удалось согласовать и утвердить эту программу у руководства республики, ВЦСПС и РСФСР. Программа предусматривала объём работ на 42 млн руб., когда стоимость всего имущества курорта составляла 52 млн руб., то есть программа предусматривала грандиозную перестройку курорта. Выполнение её было заслушано на бюро КБ ОК КПСС через 1,5 года, где отмечалось, что работа идёт с опережением графика. В 1986 году курорт завершил строительство 144-квартирного жилого дома, в котором поселились 127 сотрудников. Кроме этого, 17 квартир были выделены лицам, проживавшим в ветхих домах на территории курорта, и тем самым территория была очищена от «чужеземцев».

В 1988 году, в результате реорганизации пансионата «Грушёвая роща», существенно повысились удобство и комфорт отдыхающих. Для этого в пансионате было завершено строительство столовой на 1000 посадочных мест, что дало возможность перейти на односменный режим питания. В санаториях «Горный родник» и «Дружба» вместо двух- и четырёхместных были созданы одно- и трехместные палаты. Не остались без внимания и курортный детский садик № 34 «Колокольчик» на 450 мест, а также Дворец культуры курорта, где функционировали самодеятельные ансамбли национальных танцев «Ошхамахо» и балльных танцев «Каллисто». Их выступления в здравницах всегда проходили с аншлагом.

С участниками ансамблей у Сафудина сложились тёплые отношения. Об этом свидетельствует следующее восьмистишие – их поздравление с 60-летним юбилеем 11 апреля 1992 года, с подчёркиванием его значения для курорта:

*Когда курорт сражался Риму наравне,
И варвары стояли почти у трона,
Последний рыцарь, славный Сафудин,
Из сил последних держит оборону.
Рим пал. Падёт и наш курорт,
Но верим, скорбя и сожалея,
На сих обломках высечет народ:
«Уначев Сафудин из Псыхурея»...*

Недавно я случайно встретил старого приятеля Султана Кожаева, до сих пор работающего доктором в водолечебнице. Мы разговорились о нынешнем и прошлом состояниях курорта. Охарактеризовав С. Г. Уначева как достойнейшего в прошлом руководителя курорта, он завершил нашу беседу словами: «Если бы в 1992 году, в расцвете сил, не сняли С. Г. Уначева, а продержали бы ещё лет 10, то он, как говорится, костыми лёг бы, но не дал разворовать и растащить до такой степени курорт, прославлявший некогда нашу республику на весь СССР и даже за рубежом». Комментировать слова Султана не смею, хотя бы потому, что к курорту, даже в смысле отдыха, я имел весьма отдалённое отношение...

Сафудин Уначев, похоронив свою супругу Надежду Деппую на погосте в родном селе Псыхурее, живёт один здесь, но скучать ему не дают благодарные односельчане, славные внуки Залимхан и Кантемир, а также бывшие коллеги с курортов Кавминвод – Николай Мерзикин из Железноводска, Алевтина Тювакина из Пятигорска, Алексей Попов из Ессентуков, Пётр Тырнов из Кисловодска, которые периодически приезжают к нему, удят рыбу, сражаются в бильярд, нарды и, попивая чудесные напитки из Ставрополя и рукотворные вина хозяина, вспоминают минувшие дни, как вместе лечили больных. Бываем иногда и мы в Псыхурее – старые друзья Сафудина.

Ахмат УЛЬБАШЕВ

ДОЛГИЙ ПУТЬ В «ПЯТИЛЕТКУ»

Раскулачивание, происходившее по всей стране, коснулось и жителей Кабардино-Балкарии. Сотни и сотни семей были высланы из нашей республики в 30-е годы прошлого века в Узбекскую ССР. Среди них была и семья Ульбашева Ахмата Хаджимурадовича. Он сам 1925 года рождения, из небольшого аула Шаурдат, что в Верхней Балкарии. На примере судьбы Ахмата – рассказ о раскулаченных ссыльных той далёкой поры.

Основателем первого плодового сада в Верхней Балкарии был князь Таукан Шаханов, а продолжателем его дела стал мой дед Хаджимурза Ульбашев. Он оградил каменной стеной со всех сторон большой участок земли. Внутри посадил саженцы чернослива, несколько рядов яблонь, а в самой сердцевине сада – абрикосы.

Позже мой отец из Владикавказа привёз 40 яблонь, которые могли плодоносить и до сей поры, но их вырубил в 80-е годы прошлого века.

Мой дед Хаджимурза был ещё совсем молод, когда изъявил желание поехать в святые места и сделать хадж. Однако родители были против его поездки. А у него в верховьях Хасаньи было сенокосное угодье. Он невзначай заснул на небольшой скирде, которую сам только что сложил. Во сне услышал таинственный голос: «Хаджимурза, тебе открылась дорога для хаджа!». Тогда он встал и сразу же отправился в Мекку. Попутчиками его оказались несколько карачаевцев. Среди них был почтенного вида старец – Боташ-хаджи, который несколько раз побывал в святых местах. Это тот самый Боташ-хаджи, который открыл источники Жылы-Суу, проложил туда дорогу, объяснил все их целебные свойства и соорудил там первые нарзановые ванны. Все попутчики были гораздо старше Хаджимурзы, и он помогал им нести поклажу.

По дороге они нагнали дагестанцев. Тамадой у них был кумук, которого все почитали шейхом суфием. У Хаджимурзы не было никаких документов, удостоверяющих личность. Суфию поведали, что у молодого человека нет паспорта. Тогда тот сказал Хаджимурзе: «Если у тебя будут проблемы, скажи, что твоим господином являюсь я – шейх, и укажи на меня».

Дед потом рассказывал, как ему пришлось проходить таможенный контроль. В первый раз он сумел незаметно проскользнуть между ног пограничников и паломников. А потом ему помог тот самый святой. И он всё же, с горем пополам, дошёл-таки до святых мест. По его словам, 18 дней и ночей плыл их корабль по морю. И столько же времени ему пришлось идти по пустыне за верблюжьим караваном.

Всем паломникам с Кавказа после совершения хаджа известные богословы прочитали проповедь. А потом доходчиво объяснили, что они являются подданными русского царя, а поэтому обязаны беспрекословно выполнять все его повеления. Но, в то же время, они попросили горцев об одном: что бы ни случилось в жизни, не забывать вовремя делать намаз. Ибо их один намаз равен 1000 намазов, сделанным в мусульманских странах.

Мой дед в 1904 году возвратился обратно на родину. Их было четверо братьев. Старший – Элияс (отец Ульбашева Келлета, известного революционера), Чыпчык, Наныу, Хаджимурза. Когда начали делить нажитое богатство и землю, младший из братьев отказался от своей доли. Он заявил, что благодарен им за то, что они его обучили и помогли ему овладеть большими знаниями.

Хотелось бы сказать несколько слов и о нашем роде Ульбашевых. Он состоит, как бы из четырёх ветвей. Моя ветвь: я – Ахмат, мой отец – Хаджимурат, его отец – Хаджимурза, потом – Карайт, до этого – Архот. У Архота было шестеро сыновей и столько же дочерей. Самая зажиточная, самая богатая пора нашего рода приходится именно на это время.

У Архота было несметное количество живности: овец, коров, лошадей. Когда его отары гнали на летние пастбища, они растягивались на несколько километров от Сукана до самого Шаурдата. Многие завидовали численности, тучности овец и коров.

Хочу привести слова стариков, которые сидели на ныгыше¹ и рассуждали о богатстве Архота.

– Мне непременно хочется узнать, – начал один из них, – почему у этих Ульбашевых день ото дня всё крепчает и увеличивается достаток? Что же такое нам нужно сделать, чтобы уменьшилось, поубавилось это добро?

– По воле злого рока, – сказал второй из сидящих, – если бы кто-то из них стал кровником, тогда за него пришлось бы расстаться с частью скота.

¹ Сельская площадь, где обычно проводили досуг.

Третий добавил:

– Если бы овец и коров Архота настигла какая-нибудь болезнь, бесспорно, это тоже способствовало бы уменьшению их.

А слепой Жансох, опираясь на свой кизилковый посох, рассудительно продолжил:

– Сыновья Архота живут вместе и в добром согласии. Поэтому им сопутствуют удача и достаток. Они со временем обзаведутся семьями – разъедутся. Каждому нужно будет выделить часть этого богатства. Тогда, помяните моё слово, Архот станет походить на нас.

Когда мой дед Хаджимурат женился, в Верхнюю Балкарию пришёл мор и домашние животные начали повально погибать. Тогда он пошёл к отцу Келлета Ульбашева и спросил у него:

– Эльмурза, очень плохая болезнь косит всю живность нашего ущелья. Неужели и мои погибнут все от этой болезни?

– Останутся только корова и телка, которых дал тебе Темир Локияев, а остальные все погибнут.

В жизни всё случилось так, как предсказал старый Эльмурза: остались только корова и телка, подаренные Темиром Локияевым.

Келлет Ульбашев, как вернулся с гражданской войны, спросил у своего отца: «Отец, как ты думаешь, наше дело победит?»

– Дело ваше победит, но, как кошка, которая предварительно окунает своих котят в пепел, прежде чем съесть их, вы друг друга будете уничтожать, съедать год от года всё больше и больше.

Когда началось раскулачивание, мой отец Хаджимурат Ульбашев уже в течение четырёх лет был членом колхоза. Он добровольно передал в пользу государства всю свою крупную и мелкую живность. Отец был молод. Мой дед Ульбашев Хаджимурза имел три магазина и считался состоятельным человеком для своего времени. Один из магазинов находился в родном ауле, а другой – у самого моста, на самом людном месте Верхней Балкарии. А землю под постройку магазина подарила бабушка. Когда же, после революции, в Черекское ущелье пришли «красные», по приказу одного из руководителей области Юсупа Настуева, всё, что было в магазине, а это мешки соли, сахара, коробки с конфетами, различные ткани и многое другое, выбросили в бурную горную реку.

Во времена НЭПа у него вновь появились коровы, овцы, козы. Я и сейчас помню, что лошадей было всего восемь. А величественного скакуна помню даже, как звали: Къарабаш.

Перед тем, как нас выслали, заговорили о том, что нужно запастись продуктами на 15 дней пути. У нас картошки в то время было очень много, вяленого мяса, сыра. Всё это приготовили для дальней дороги.

– Давайте Ахматика оставим здесь! – заявили бабушка и другие родственники. А я сидел в сторонке и слушал их разговор.

И вот меня хотят оставить у родственников. Для этого отводят к сестре моей бабушки. А я в то время ученик 3-го класса. Меня оставляют там. А дома никого. Я совсем один.

Наши на воловьих упряжках ранним утром 6 марта отправились в дальнюю дорогу. Я бегу следом, догоняю их. И, никому ни слова не говоря, сажусь в арбу. Никто не противится этому...

К вечеру того дня мы доехали до Кашхатау и там переночевали у родственников. Нас всего было 19 дворов и 40 бричек. Были и те, которые нас сопровождали. 7 марта мы прибыли в Нальчик. Вагоны все были оборудованы буржуйками, было всем очень жарко. Мы с трудом дышали.

Итак, 7 марта 1935 года нас всех загнали в товарные вагоны, а 8 марта ранним утром мы двинулись в неизвестность. Через 15 дней наш поезд остановили на 55 разъезде. А там деревья все в цвету, солнце ярко светит. Настроение у людей хорошее. Оттуда нас на машинах повезли в совхоз имени 5-летия Узбекской ССР. Балкарцев и кабардинцев разместили в разные отделения совхоза.

А отделений было всего десять. И все они самостоятельные. Потом провели собрание и заявили: в связи с тем, что кабардинцев побольше, нужно часть их переселить к балкарцам. Тогда кенделеновцы в один голос попросили, чтобы они привели к ним их соседей. Вот таким образом мы оказались вместе с выходцами из Заюково.

Мой отец стал первым бригадиром хлопководческой бригады. А я водоносом. В огромную деревянную бочку заливали кипяченую воду. Мне же приходилось доставлять её хлопкоробам. За это платили в день 3 рубля 24 копейки.

Кто-то пожурил отца: «Зачем ты этого мальчика заставляешь работать?». Он ему ответил: «Чтобы он не стал лежебокой». Я водовозничал во время каникул.

В том отделении, куда мы попали, до нас жили заключённые.

Нас поселили в бараках. Двухэтажные нары, где нам приходилось спать, кишмя кишели клопами. В первое время было очень трудно: климат жаркий, вода плохая, овощей и фруктов почти нет.

Мой отец совместно с Гукетловым Шу на две семьи купил одну корову. Другие же поверили в сказки, что скоро всех раскулаченных вернут на родину. И проклинали на чём свет стоит моего отца и Шу за покупку

этой коровы. Думали, что они, специально не желая возвращаться на Кавказ, приобрели эту бурёнку.

К работе в совхозе, где мы жили, относились очень серьёзно. В домах, когда человек не оказывался на своём рабочем месте, смотрели даже под кровати в поисках этого нарушителя. У нас, к общей радости, с едой всё было в порядке. Муки было в достатке, но с мясом были проблемы. Пока мы сами не стали выращивать овец и коров. В 1937 году, с приходом корейцев, больше стало риса. Тогда живой вес говядины и баранины менялся в пропорциях: за килограмм мяса три килограмма риса.

Работа же была под жесточайшим контролем. Если ты заболел, срочно нужно было взять справку. В самом совхозе была построена небольшая камера, если ты на 20 минут опоздал на работу, ты становишься узником её. Однажды моя мать немного опоздала. Её вернули с дороги и посадили в эту камеру. Тогда мой дедушка пошёл к начальнику этой тюрьмы Разикову: «У жены моего сына маленькие детки. Прошу, отпустите её домой, а вместо неё посадите меня». Разиков оказался богобоязненным человеком: «Уважаемый хаджи! Как же я, не побоясь Аллаха, посажу тебя в зиндан. Лучше возьми свою невестку и иди домой с Богом».

В хлопководстве лёгкой работы нет. А труднее всего было орошать хлопок и вычищать оросительные каналы: временами ноги, руки не выдерживали, и кидать землю вперемешку с камышом приходилось высоко.

Отец тяжело заболел и попал в больницу. На следующий день он вызвал меня к себе и рассказал: «В эту ночь мне приснился сон. От этой болезни я не выкарабкаюсь. Об этом никому ни слова. Меня обязательно похороните на кладбище Байтёбе».

Он заболел тифом, его отпустили домой. Но один из врачей заявил: «Он долго не протянет, но есть опасность, что вы тоже можете заразиться этой болезнью».

Моя бабушка, услышав эти слова доктора, в сердцах закричала: «Пусть язык, который сказал эти горькие слова о моём сыночке, опухнет, не вмещаясь в рот! Пусть и смерть его наступит от этого». А самое в этой истории удивительное то, что через 2–3 месяца этого бедного доктора настигло проклятие моей бабушки. И, действительно, его язык опух, стал не вмещаться в рот: он именно из-за этого ушёл из жизни.

Р. С. Пока мы готовили данную рукопись, к великому сожалению, ушёл из жизни на 83 году жизни замечательный человек и труженик Ахмат Хаджимурадович Ульбашев. Пусть земля ему будет пухом, жаннетли болсун!

Подготовили к печати Муса Абитов и Муталип Бепнаев

Хусей КУЛИЕВ

Кулиев Хусей Магомедович – член Союза писателей России. Автор сборника рассказов «На завалинке», около ста произведений юмористического жанра на балкарском и русском языках. Его пьесы и сценки ставятся на сценах местных театров, транслируются по телевидению и читаются по радио.

«КРИТИК»

Юмористический рассказ

В редакции, как всегда, шумно. Носятся какие-то типы с рукописями, сотрудники о чём-то спорят в углу, телефоны трещат, в общем, кавардак. Лалак, не обращая внимания на весь этот шум и гам, проходит в свой кабинет и, не снимая пальто, хватается за телефон.

– Алло! Алло! Шотту, ты? А это я! Ну как ты там? Прочитал? Как это что? Опус этого дурака Шоная! Его новую повесть «Конфликт»? Прочитал, да? Ну и как? Правда, чушь? Ни эпитетов там настоящих нет, метафоры какие-то слабенькие, а уж о гиперболах я и не говорю! Дрянь, а не гиперболы! А последняя сценка? Ну, там где главный, так сказать, герой, спорит с директором комбината? Правда, ерунда? Ну что это за спор? Вместо оживлённого искромётного диалога, тягомотина какая-та! Со скуки можно помереть. Нет, это не спор! Ты мне дай настоящий искромётный спор, так чтобы я весь дрожал от наслаждения, когда читал, вот тогда я тебе поверю, а так... В общем, не повесть, а чепуха! Да и вообще, этот Шонай не писатель. Ремесленник! Кропает там белиберду...

– Что? Серьёзно? Я, правда, предисловие и не читал. Знаешь, я их вообще не читаю! Сразу беру быка за рога! Кто, говоришь, его написал? Да ты что? И он хвалил эту повесть?

– Хм! Вообще-то, конечно, если как следует разобраться, есть в этой вещичке, я бы сказал, нечто такое, знаешь, оригинальное, даже изюминка какая-то! Метафоры, там, довольно сильные, если не сказать больше, эпитеты весьма красочные, о гиперболах я уж и не говорю, Мощные, прямо скажем, гиперболы! За душу прямо берут! Особенно в последней сценке! Там, где главный герой спорит с директором комбината? Вот это, я понимаю, спор! Искромётный, прямо скажем спор! Насыщенный, богатый, не оторвёшься! Я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Вот! И вообще, молодец этот Шонай! Умница! Порадовал нас всех. Ну, бывай! Звони!

Лалак кладёт телефон, снимает пальто, и садится в кресло. Заходит Хотту, заведомо прозы. Лалак вскакивает и жмёт его руку. Хотту садится напротив Лалака и вытаскивает из внутреннего кармана книжку. Повесть «Конфликт»,

– Читал?

– Да!

– Ну и как?

– А ты как?

Хотту листает книжку и подаёт её Лалаку.

– Да как тебе сказать? Вообще-то...

– Вот и я говорю, что чушь! – Лалак вертит в руках книжку. – Ни метафор тут настоящих нет, ни эпитетов, а о гиперболах я уж и не говорю, дрянь какая-то, а не гиперболы! А последняя сценка? Ну, там где этот главный, так сказать, герой спорит с директором комбината. Ну кто так спорит? Вместо искромётного спора мычание какое-то. Не-е-ет! Это не спор! Ты мне дай настоящий, искромётный спор, чтобы я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Вот тогда я тебе поверю! А так... В общем, чепуха!

– Что? А главный хвалил, говоришь? И даже очень? Серьёзно? Хм... Ну, если разобраться, то старик-то наш, немножко фурычит в литературе. И даже не немножко, а хорошо фурычит! Собаку, можно сказать, на этом съел.

– Мда... Ну что тебе сказать об этой повести? Есть, конечно, здесь... – Лалак снова вертит книжку в руках, – есть здесь, конечно, кое-что. И не кое-что, а оригинальное, я бы сказал, что-то. Я бы даже заметил, изюминка какая-та. Метафоры довольно сильные, если не сказать больше, эпитеты весьма красочные, ну а о гиперболах я уж и не говорю. Мощные, прямо скажем, гиперболы! Особенно в последней сценке. Где главный герой спорит с директором комбината. Вот это, я понимаю, спор! Искромётный, богатый, насыщенный. Веришь, я весь дрожал от наслаждения, когда читал! А ты? Что? Ты ещё и не читал эту повесть? Прочти! Получишь огромное удовольствие! Молодец этот Шонай, правду сказать! Талантлив, как чёрт!

Хотту, вздыхает и уходит, покачивая головой, а Лалак достаёт из шкафа книжку. На обложке название. Повесть «Конфликт». Лалак задумчиво листает книжку. Звонит телефон. Лалак берёт трубку.

– Алло! Кто говорит? Читатель? Какой ещё читатель? Ах, читатель! Очень приятно! Что же вас интересует? Читал ли я повесть «Конфликт»? Хм. А вы кто? Ах, да... вы ведь читатель! Ну, а вы читали эту повесть? Читали, да? Ну, каково ваше мнение о ней? Писатели, знаете ли, пишут, в общем-то, для вас, и мне крайне интересно знать... Что? Вы всё-таки сначала хотели бы знать, читал ли я её? Хм. Ну, читал! Ну и что? Моё мнение? Ну, что вам сказать? Повесть-то так себе. Серенькая, прямо ска-

жем, вещь. Ни метафор там настоящих нет, эпитеты какие-то слабые, а о гиперболах я уж и не говорю. Горе луковое, а не гиперболы! А последняя сценка? Где этот, с позволения сказать, главный герой, спорит с директором комбината! Ну что это за спор? Скука смертная, а не спор. Разве так спорят? В час по чайной ложке! Нет, ты мне дай настоящий, искромётный спор! Чтобы я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Вот. В общем, не повесть, а чепуха!

– Что? Автор повести ваш отец? Тагаш, это ты, что ли? Вот те на! А я тебя и не узнал! Что у тебя с голосом? Почему хрипишь, как резанный? Простыл, говоришь? Хм. Сто грамм хряпни, понял? А ещё лучше – двести! Вот. Желательно с перцем! Столовую ложку перца и...

Что? Так и я говорю о повести! Читал, конечно! Читал и вот перечитываю! Какая великолепная вещь, я тебе скажу! Какие тут метафоры, какие эпитеты! А о гиперболах я уж и не говорю! Мощные, прямо скажем, гиперболы! Особенно в этой, как её, в последней сцене. Ну, где главный герой спорит с директором комбината. Вот где спор! Искромётный, насыщенный, богатый! Верись, я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Молодец твой отец! Так ему и передай! Ну, пока!

Лалак кладёт трубку и снова берётся за повесть. Позёвывая, перелистывает несколько страниц.

– М-да-а.. А если честно, дрянь это, а не повесть! Вода одна! Ну кто так пишет? Что за дурацкий спор главного, так сказать, героя с директором комбината? А метафоры где, я вас спрашиваю? Где эпитеты? О гиперболах я уж и не....

Входит Шонай. Автор повести. Лалак несколько секунд смотрит на него, раскрыв рот, затем вскакивает и бросается обнимать.

– Ну, молодец! Обрадовал, прямо скажу! – Лалак вытирает сухие глаза. – Какую вещь отгрохал, а? Толстой, честное слово, Хемингуэй! Какие метафоры, какой великолепный язык, какие красочные эпитеты! А гиперболы? О них я уж и не говорю! Мощные, прямо, скажем, гиперболы! И где ты их нашёл? А спор? Ну там, где твой главный герой спорит с директором комбината! Вот это, я понимаю, спор! Искромётный, богатый, насыщенный. Верись, я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Вот что значит – настоящий писатель! Вот настоящий талант! Спасибо, большое спасибо тебе, дорогой!

И Лалак снова вытирает сухие глаза.

**Калужский гений – Циолковский, –
«ОТЕЦ КОСМОНАВТИКИ» –**

такой, какого мы не знаем:

*ПРОРОК, не менее великий, чем Нострадамус,
мистик и...*

«космический контактер»

Этот человек был так же гениален, как и Ньютон, и сделал предсказаний больше, чем Нострадамус. Он был самоучкой, не окончившим ни одного класса школы. Но из 16 пунктов его сугубо научного, знаменитого «Космического Плана» девять уже выполнены. Нострадамус дал прогноз, заканчивая XXI веком. Константин Эдуардович Циолковский нарисовал перспективу человечества на тысячелетия вперед.

В номере:

«Беречь единство, жить мудро и счастливо...». Выступление Х. Х. Сохрокова на XII Конгрессе МЧА	2
Сакинат Мусукаева. С днем рождения, Кабардино-Балкария!	9
Ольга Калашиникова. Развитие образования: новые подходы, методики, направления. <i>Статья</i>	11
История первой школы. <i>Статья</i>	18
Борис Зумакулов. К 100-летию комсомола республики. <i>Очерк</i>	27
Валерий Крушельницкий. Наша комсомольская юность. <i>Очерк</i>	37
Султан Тхазеплов. Мы из страны Комсомолии. <i>Статья</i>	43
Ахмед Нахушев, Диана Нахушева. Отец и сын погибли, защищая Краснодарский край. <i>Статья</i>	45
Адам Гутов. Кардангушев и его время. <i>Статья</i>	49
Борис Зумакулов, Хасан Дзуцев, Юрий Мусаев, Жильяби Калмыков, Ауес Кумыков, Хаким Геграев, Лукьян Елеев. К юбилею Башира Биляловича Хубиева. <i>Очерки</i>	55
Магомед Дохов. Имен в России славных много... <i>Очерк</i>	70
Хасан Тхазеплов. Экспедиция – 2516. <i>Глава из романа</i>	73
Светлана Моттаева. <i>Стихи</i>	97
Владимир Мамишев. Проспект. <i>Рассказ</i>	103
Мадина Хакуашева. Картинки из детства. <i>Глава из повести</i>	115
Геннадий Коммодов. От Бреста до Парада Победы. <i>Рассказы</i>	120
Беслан Шипшев. <i>Стихи</i>	133
Борис Балкаров. Меа супра. <i>Рассказ</i>	136
Гульфия Базиева. Бабушка. <i>Рассказ</i>	151
Владимир Мокаев. Конфуз. <i>Рассказ</i>	160
Елена Парич. <i>Стихи</i>	174
Марина Биденко. Мо-о-оре. <i>Рассказ</i>	178
Арина Вологирова. В раздумьях. <i>Рассказ</i>	181
Ирина Богачева. Книга в жизни композитора. <i>Очерк</i>	185
Асланбек Шогенов. Об эскулапе Уначеве. <i>Очерк</i>	192
Ахмат Ульбашев. Долгий путь в «пятилетку». <i>Очерк</i>	198
Хусей Кулиев. Критик. <i>Юмористический рассказ</i>	203

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Ж. Кандоровой, Е. Бит-Сава, Э. Караевой, В. Севиновского*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 03.09.18. Подписано к печати 05.10.18.

Выход в свет 25.11.18. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,5.

Тираж 959 экз. Заказ № 377. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-03-24,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).